

Уильям Шекспир
ТРАГЕДИИ

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1989

ББК 84.4Вл
Ш41

WILLIAM SHAKESPEARE

Перевод с английского

Вступление и комментарии
А. ЗВЕРЕВА

Художник
М. ВЕРХОЛАНЦЕВ

Ш 4804010300-468 483-89
М101(03)-89

ISBN 5-08-000980-2

© А. Зверев.

Вступление, комментарии. 1989.

© М. Верхоланцев. Оформление. 1989.

«МЕЖ ВЫПАДОВ И ПЛАМЕННЫХ КЛИНКОВ...»

Мы до сих пор очень многого не знаем о Шекспире.

Для современников он был только актер и драматург — занятие далеко не самое почтенное, как считалось в Англии на рубеже XVI — XVII веков. Сочинителей пьес даже не относили к кругу писателей. В них видели просто ремесленников, работающих для театра.

Работать им приходилось усиленно. Все время ставились новые спектакли, а значит, являлась нужда в новых комедиях и драмах. Театр был любимым зрелищем и аристократов, и бедноты, однако зрелище быстро приедается, и после нескольких представлений пьесу заменяли другой. Обычно оставался лишь рукописный экземпляр, по которому актеры разучивали свои роли. Напечатать сборник пьес оказывалось делом непростым — книготорговцы не брали таких изданий. Сотни пьес той эпохи погибли для нас навсегда.

Возможно, среди них есть и шекспировские; их мы уже не прочтем. Впрочем, долгое время думали, что, наоборот, Шекспиру приписывают некоторые трагедии и хроники, созданные другими авторами. После длительных дискуссий сошлись на том, что его перу безусловно принадлежат тридцать шесть произведений для театра, а также две поэмы и сто пятьдесят четыре сонета. Не так уж мало, если учесть, что творческая жизнь Шекспира продолжалась всего двадцать четыре года — с 1588 по 1612 год, когда он простился со своей музой. Но кто поручится, что это действительно все им сочиненное?

Но даже и эти несколько томов пытались у него отнять. В 1623 году вышло первое собрание его творений, и почти сразу родилась легенда, будто Шекспир — только псевдоним, под которым скрылось некое известное в обществе лицо. Кто именно, об этом спорили целые века. Называли знаменитого философа Фрэнсиса Бэкона (1561–1626), и столь же знаменитого адмирала Уолгера Рэли, и графа Рэтленда, и графа Дерби, и покровителя театра графа Саутгемптона. Все эти гипотезы со временем обнаружили свою полную несостоятельность; теперь авторство Шекспира не отрицает никто. И все-таки характерно, что так упорно в нем сомневались. Отчего? Да потому что сведения о Шекспире были крайне скудны. И, кроме того, рассуждали примерно так. Ни до Шекспира, ни после него английская поэзия не ведала такого богатства

мыслей, образов, чувств. А доступно ли было все это выразить человеку неродовитому и едва образованному? Ведь он не смог кончить даже школы, не говоря уж об университете. Провинциал, сын стратфордского торговца и домовладельца, после разорения отца он пошел работать — не то подручным к мяснику, не то репетитором — и явно не располагал возможностями так глубоко изучить историю, мифологию, античную и средневековую литературу, откуда взяты сюжеты большинства пьес, опубликованных под его именем.

В представлениях людей той поры гениальность могла быть свойством государственного деятеля, военачальника, флотоводца, но только не художника. Оттого и не верилось, что Шекспир, ничем иным, помимо пьес, не прославившийся, мог обладать настолько могучим умом и дарованием. Лишь одиночки понимали, что он — самая яркая личность своего времени. Поэт и драматург Бен Джонсон, которого впоследствии тоже объявили истинным создателем шекспировских произведений, назвал Шекспира «душой века», но то было суждение одного литератора о другом. Те, кто от мира литературы оставались далеки, судили по иным критериям, для них престиж человека определялся положением в обществе, властью, богатством. А у Шекспира ничего этого не было.

Вот причина, по которой о нем почти нет ни воспоминаний, ни достаточно надежных биографических свидетельств, не считая самых последних лет, когда он отошел от театра и вернулся из Лондона на родину, в Стратфорд, где сограждане оказывали ему знаки уважения как состоятельному и достойному джентльмену. О юности Шекспира, о годах расцвета его гения известно совсем мало. Поколения шекспироведов буквально по крупицам восстанавливали хронике его трудов и дней.

Шекспир родился в 1564 году. Небольшой городок Стратфорд — в то время всего две-три улицы, застроенные деревянными домами, — расположен вдоль берегов Эйвона, плавно несущего свои зеленые воды по лесистой долине, где любили охотиться местные лендлорды. Предание говорит, что однажды самый богатый из них, Томас Люси, уличил Шекспира в браконьерстве. Тогда за это карали строго. Виновику пришлось скрыться, в спешном порядке проделав сто с лишним миль, отделяющих Стратфорд от Лондона. Этой случайности он будто бы обязан своей последующей театральной карьерой.

Но основывается предание только на слухах. А если держаться установленных фактов, мы узнаем следующее. Предки Шекспира осели в окрестностях Стратфорда около 1529 года, занявшись хлебопашеством. Спустя лет двадцать перебрались в город, и у отца драматурга уже была мастерская, где дубили кожу, шедшую на шитье перчаток, ремней и кошельков. Тогда же был приобретен дом по Хенли-стрит; потом он много раз перестраивался, и до наших дней от усадьбы уцелели только колодезь да несколько камней фундамента.

В этом просторном здании из теса и камня, окруженном пышным садом, по свидетельству церковной книги, родился и здесь же в 1616 году скончался Шекспир. В год его рождения бушевала чума. От этого бедствия, частого во времена средневековья, выжидали немногие из детей. Судьба оказалась милостивой к будущему великому поэту.

Ничто не говорит о том, что он рано осознал свое жизненное назначение. В школе он учился по «роговой книге» — так назывался лист пергамента, вставленный в рамку и защищенный пластинкой из прозрачной кости. На листе был напечатан алфавит. Освоив его, мальчики получали катехизис, а затем букварь.

Обучали их грамоте, красноречию и арифметике; в дальнейшем прибавлялась латынь — язык церкви, юриспруденции, науки и философии того времени. Шекспир читал отрывки из римских поэтов. Тогда он впервые прикоснулся к большому искусству.

Занятия пришлось прекратить, потому что разорился отец. Потянулись годы, заполненные скучной и тяжелой работой. Вскоре появилась и семья. О жене Шекспира известно лишь то, что она была значительно старше драматурга. Правда, драматургом ему еще только предстояло сделаться.

Видимо, с театром он впервые познакомился у себя в Стратфорде. Гастроли уже вошли в обычай; лондонские труппы летом давали спектакли в помещении ремесленной гильдии или на постоянных дворах. О прибытии актеров возвещали герольды. Весь город сбегался посмотреть игру «слуг ее величества» или «слуг графа Лестера» — театры того времени назывались по имени своего патрона, от которого зависели и жалованье, и прочие житейские выгоды. Зимой 1587 года опять вспыхнула чума, и Лондон опустел. Театры разъехались по провинции. Шекспиру предоставилась возможность у себя дома основательно познакомиться с репертуаром столичных трупп.

А год спустя англичане разбили могучий испанский флот — «Великую армаду», — и началось господство Британии на морях.

Это событие оказалось заряжено большими историческими последствиями. Англия крепла; пройдет не так уж много лет, и скажут, что над ее владениями, раскинувшимися от Полярного круга до Австралии, никогда не заходит солнце. Главный соперник по колониальным захватам был повержен. Бурно развивалась торговля, и корабли, груженные шерстью, отплывали из Дувра за тридевять земель.

На шерсть был большой спрос. Пахать и сеять стало невыгодно. Земли, принадлежавшие общине, огораживали и выпускали на них овец. Лендлорды богатели, а крестьяне разорялись и покидали родные места.

Фабрик было еще слишком мало, чтобы принять столько работников. Страну наводнили бродяги. Сколько ни издавали против них указов — и очень жестоких, вплоть до казни, — разбойников, нищих, бездомных год от года становилось все больше и больше. Доведенные до отчаяния, они часто бунтовали. Тогда площади городов украшались виселицами.

Эпоха Шекспира насыщена дворцовыми интригами, войнами, сменами династий, но не в этом было ее главное содержание. Кончилось средневековье. Восходила заря буржуазного жизнеустройства. Былые установления, понятия, традиции, державшиеся веками, — все рухнуло, и проступили контуры какого-то совершенно непривычного мира, где налаживались новые отношения и заявляли о себе новые принципы, на которых строилось общество. Происходившая ломка и завораживала своей стремительностью, и пугала неясностью открывавшихся за ней перспектив. Шло время, и тревога нарастала. Потому что все заметнее проявлялась жестокость устанавливавшегося порядка вещей.

Шекспир почувствовал и выразил драмы своего времени, как никто из великих мыслителей и поэтов той эпохи, названной Возрождением, потому что человечество пробуждалось от средневекового сна, снова переживая расцвет, как в античности. Откроем книгу шекспировских сонетов. Вот самый знаменитый из них, шестьдесят шестой:

Зову я смерть. Мне видать неутерпж
Достоинство, что просит подаянья,

Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,
И совершенству ложный приговор...

(Перевод С. Маршака)

В его пьесах, особенно в трагедиях, которым он более всего обязан немеркнущей своей славой, все это отзовется накалом великих страстей и неисчерпаемых конфликтов — «и неуместной почести позор, и мощь в плену у немощи беззубой... и глупость в маске мудреца пророка, и вдохновения зажатый рог, и праведность на службе у порока».

Его творчество — самая точная и глубокая хроника времени, отделенного от нас четырьмя столетиями. А бессмертным оно сделалось оттого, что образы, созданные Шекспиром, вместили в себя огромный мир чувств, мыслей, противоречий, в той или другой форме переживаемых каждым поколением, сколько бы их с той давней поры ни сменилось на земле.

В Лондоне, где Шекспир обосновался примерно с 1590 года, одним из чудес считался театр, лет за пятнадцать до того построенный на тогдашней окраине мастером Бербеждем, отцом замечательного актера Ричарда Бербеджа. Это был первый постоянно действующий театр; прежде играли в случайных залах. Постоянный театр построили за городской стеной, и не без расчета: тут мэр Лондона уже был не властен, а мэр происходил из пуритан — религиозных фанатиков, считавших театральные представления чуть ли не дьявольской забавой.

Впоследствии этот деревянный театр разобрали, перенесли на берег Темзы и дали ему новое имя — «Глобус». Но играла тут все та же труппа «слуг лорда-камергера». Шекспир начинал радovým актером. О его сценических успехах трудно судить. Видимо, они были скромными: запомнилось лишь его исполнение роли Призрака в собственном «Гамлете». Зато он сразу сделался незаменимым как драматург.

Поначалу ему приходилось переделывать чужие пьесы, но еще до очередной эпидемии чумы, разразившейся в 1593 году и опять вынудившей закрыть театры, были поставлены его трехчастная хроника «Генрих IV», «Комедия ошибок», а затем первые трагедии — «Тит Андроник» и «Ричард III». Забытый теперь литератор Роберт Грин сочинил памфлет, где Шекспир назван выскочкой и вороной в павлиньих перьях. Ему завидовали. Слишком быстро пришло к нему признание зрителей.

Принято разделять его творческий путь на три периода. Первый период завершается к 1600 году. В ту пору Шекспир писал преимущественно комедии и хроники. Он пока еще воспринимает мир жизнеутрастительно, динамика происходящих перемен внушает ему светлые надежды, а мрачные тона, которыми окутывается «Ричард III» или финал относящейся к этому же периоду «Ромео и Джульетты», кажутся не очень для него характерными. Переизбыток жизненных сил, ликующий смех, цельность и гармоничность картин, поражающих своей пластичностью, — такое впечатление выносят зрители, посмотревшие «Сон в летнюю ночь», «Много шума из ничего», «Как вам будет угодно» или даже «Генриха IV», где никакие жестокости изображаемого времени не могут поколебать мысли о высшей разумности и конечной справедливости истории.

Эта мысль вовсе не так отчетлива и безоговорочна в произведениях, относимых ко второму периоду — с 1601 по 1608 год. Колорит пьес Шекспира становится все более сумрачным; в полную мощь выявляется его трагический дар. Перелом происходит в «Гамлете» (1601); три года спустя поставлен «Отелло», еще через год — «Король Лир» и «Макбет». Вместе с «Ромео и Джульеттой» эти трагедии составляют величайшее творческое свершение Шекспира.

В английской истории то были годы смут, заговоров, казней. Со сцены, на которой шел «Гамлет», звучали слова Принца о королевстве, управляемом узурпатором Клавдием:

Это буйный сад, плодящий
Одно лишь семя: дикое и злое
В нем властвует. До этого дойти!

И хотя события происходили в Дании почти мифических времен, всем было понятно, что подразумевается Англия эпохи самого Шекспира. В смертельной схватке сходились друг с другом вознесенные и обиженные судьбой аристократические кланы, подыхали восстания обездоленных, летели головы, пустела казна, а торговые дома забирали большую власть, и неотвратимо надвигалась революция. Она начнется в 1649 году и станет первой буржуазной революцией в мире.

Предчувствия невиданных кровавых испытаний, ожидающих человечество, не оставляли Шекспира. А окружающая жизнь подавляла его разгулом всего «дикого и злого». Как далеки от осуществления оказались мечты о торжестве разума, духовного величия и красоты — заветные мечты людей Возрождения! Завязывался безысходный конфликт высоких грез и жалкой, уродливой действительности, которая унижает человека, внушая ему ложные понятия или ощущение собственной обреченности!

Через прославленные шекспировские трагедии, поворачиваясь разными своими гранями, пройдет это противоречие, обостренное временем, в которое ему выпало писать, но оказавшееся вечным.

Третий период его творчества был самым коротким. Шекспир создал лишь три пьесы: «Цимбелин», «Зимняя сказка», «Буря». И в последней из них вывел на сцену волшебника Просперо, который ломает свой магический жезл, прося отпустить его, потому что магия искусства не беспредельна. Шекспиру казалось, что он выполнил назначенное ему призвание. Быть может, силы его действительности были исчерпаны, однако в это верится с трудом: слишком многое заложено в тех философских фантазиях, которыми он завершал свой путь драматурга. Прошло без малого четыреста лет, а смысл их все еще не до конца разгадан.

О лондонской жизни Шекспира свидетельств почти нет. Вероятно, она была заполнена театром и чтением. Сопеты рассказывают об испытанном им страстном и мучительном любовном чувстве, но, как ни пытались биографы разгадать, кто эта «смуглая леди», которой они посвящены, тайна так и осталась тайной. Семья продолжала жить в Стратфорде. Шекспиру редко удавалось ее навестить, театр отнимал его время без остатка: утром репетиция, днем спектакль, а вечером захватывающие часы над рукописью новой пьесы или над старинными томами античных поэтов, итальянских новеллистов, английских летописцев и хроникеров.

Шекспир обычно не выдумывал сюжетов, он перелагал хорошо известные

легенды или эпизоды, позаимствованные у историков, а чаще использовал со своими целями памятники литературы Греции, Рима, средневековой Италии. Многим из тех, кто сидел в зале, были знакомы персонажи, выходявшие на сцену, и происшествия, с ними приключающиеся. Но пьеса смотрелась так, словно не было ни первоисточников, ни предшествующих Шекспиру драматургических обработок.

Дело не в том, что он решительно менял ход событий. Давно знакомые истории под его пером приобретали значение огромных обобщающих символов, в которых запечатлены высшие и решающие мгновения человеческой жизни: торжество духа или его ничтожество, нравственный выбор, определяющий судьбу, предельный накал страсти, то ослепляющей, то дарующей глубокое прозрение сущности вещей. И любовь, погубленная предрассудком. И упрямое противостояние в одиночку целому миру, подчинившемуся лжи. И обманутое доверие, и бескорыстие, столкнувшееся с коварством.

Вся бесконечно прихотливая гамма надежд, переживаний, драм, крушений, сопровождающих человека на долгом и трудном его жизненном пути, вместились в эту художественную вселенную, проходящую перед читателем и зрителем шекспировских пьес.

Представим себе, что нам удалось попасть на спектакль в театре «Глобус».

Полдень. По узким улицам без тротуаров, держась подальше от вонючих водостоков, мимо лавок, складов, садов с аренами для медвежьей травли, тянется толпа людей разного звания и положения. Уже издали видно круглое здание с башней, на которой поднят флаг, означающий, что представление начнется ровно в два часа. У входа установлено панно, изображающее Геркулеса; он держит на плечах небесную сферу. Назвав свой театр «Глобусом», устроители давали понять, что на сцене его будут показывать жизнь всего земного шара. А о Геркулесе Шекспир вспомнит в «Гамлете», где герои много и подобно говорят про чудо лицедейства.

Публики много; скоро она заполнит и соломенные галереи, и скамьи под открытым небом — для тех, кто небогат. Сцена, с трех сторон окруженная зрителями, выступает далеко в зал. Декорации практически отсутствуют, их заменяют два-три бутафорских предмета да старые ковры, а то и просто холсты, наспех раскрашенные художником. Пол устлан камышом до самого навеса на двух столбах, красующихся в глубине сцены; сбоку идет стена с альковом, который прикрыт занавесом. В нужных местах действия занавес поднимается, и альков предстает то комнатой замка, то кладбищенским склепом, то кельей ученого монаха.

Иллюзия правдоподобия исключена: поля сражений, залитые солнцем площади итальянских городов, датские равнины, венецианские каналы — все это зрители должны вообразить без подсказок. Убеждают только сама природа и актерская игра. Интрига развивается стремительно, антрактов не бывает; важно, чтобы не рассеивалось внимание. Кого-то увлекут сами события, о которых рассказывает спектакль, другие оценят необычность и глубину образов, созданных драматургом. Ну а те, кто не привык к таким тонкостям, могут любоваться костюмами, всегда богатыми и яркими, поглощавшими почти весь бюджет труппы.

Перед спектаклем стоит шум и гвалт — обсуждают драгоценности посетителей лож, запасаются пудингом и яблоками, которые можно купить у

спующих между рядами торговков. Но вот ударил гонг, прозвучала флейта, появился актер, который кратко поясняет, о чем будет рассказано со сцены,— он взял на себя функции хора, у античных авторов комментировавшего главные моменты пьесы. И все стихло. Зрители будут с напряжением следить за каждым поворотом судьбы героев, ловить каждую их фразу. Быстро тускнеет серое лондонское небо, становится прохладно, сыро — действие не прерывается, и внимание публики не ослабевает. Шекспировский гений покорил ее.

Сегодня дают «Ромео и Джульетту».

Эту трагедию поставили еще в 1595 году, в старом помещении театра, но затем она шла и в «Глобусе», пользуясь неизменным успехом. В ней блистал Бербедж, лучший актер «слуг лорда-камергера». Мальчики, исполнявшие роль заглавной героини,— а в те времена труппы были чисто мужскими, актрис просто не существовало,— вырастали, осваивали другие амплуа, но пьеса продолжала жить.

Впоследствии историки литературы установили, что старинную легенду, из которой она выросла, много раз пересказывали и до Шекспира — в стихах, в прозе. Была даже какая-то драма под тем же заглавием, шедшая на лондонской сцене. Имена авторов большинства переделок остались неизвестными, они покрыты забвением. А трагедия Шекспира и теперь поражает нас необыкновенной свежестью красок и правдой чувств, совсем не потускневших за столетия, миновавшие с того далекого дня, когда ее впервые сыграли.

Она была самой поэтичной и самой светлой из его трагедий. Но разве возможна трагедия, которая оставляет не тягостное ощущение катастрофы, а, напротив, крепит веру в непреходящую победу добра над мраком и севением, чей споминутный триумф недолговечен? Конечно, возможна. Все дело в том, как понимает автор природу этого жанра и какие задачи перед собою ставит.

Трагедия рассказывает о страшных утратах и непоправимых крушениях, а ее главные герои обречены на гибель, однако совершенно разными могут оказаться нравственные итоги истории, прошедшей перед нашими глазами. Часто они удручают; мы видим, как герой капитулирует перед властью враждебных сил, которые более могущественны, чем его воля к сопротивлению. И все-таки трагедия в родстве с героикой. В ней действуют сильные и цельные характеры. Как выразился Гамлет,

Ничтожному опасно попадаться
Меж выпадов и пламенных клинков
Могучих недругов.

Обстоятельства, дух времени или какой-то злой рок преследуют персонажей, готовя жестокую развязку, а нас, сидящих в театральном зале, восхищает мужество, с которым герои встречают удары судьбы, их вера в свою правоту. Пусть эта вера не принесет желанных свершений. Самое главное, что она передается зрителю. Человек покидает театр потрясенным, проникшимся надеждой и сознанием правды, над которой не властно зло, хотя, по логике событий, оно торжествует.

Из жизненного поражения растет моральная победа. Трагической развязкой оттенен миг высокой гармонии.

В «Ромео и Джульетте» погибают, став жертвой фанатичной семейной вражды, два прекрасных юных существа, но

гибель их у гробовых дверей
Кладет конец непримиримой розни.

Законы шекспировской трагедии требуют такого финала. И суть не в том, чтобы смягчить суровый исход коллизий. Даже если бы примирения Монтекки и Капулетти не произошло, впечатление все равно осталось бы не подавляющим, а очищающим душу. Потому что вся пьеса — это гимн великому чувству любви, не останавливающейся ни перед силою косных установлений, ни перед условностями феодального этикета, ни перед всевластьем понятий, разъединяющих людей и уродующих их отношения. На одном полюсе — ненависть, распря, давно не помнящая, что стало ее причиной, окостеневший мир насилия и несвободы, на другом — вольный дух, человечность, желание счастья и бесконечная искренность каждого переживания, каждого поступка. Вот главный конфликт «Ромео и Джульетты».

Вместе с Возрождением возник гуманизм — самое драгоценное обретение человеческого разума. Шекспир был непоколебимым гуманистом. Ситуации, созданные во многих его пьесах, тягостны, даже мучительны, а заключительные сцены угнетают своей сумрачностью, но через сгустившуюся тьму пробивается ликующий свет нравственной истины. Она принадлежит героям, даже если им не дано совладать с окружающей ложью общественных порядков, господствующих верований и предрассудков.

Герои Шекспира ощущают, что истина в союзе с ними, хотя все вокруг стремится их в этом разубедить, склоняя к покорности и духовному рабству. Сама любовь становится вызовом и этой покорности, и всей атмосфере изуверждения, возведенного в жизненный принцип. Оттого она и захватывает героев безраздельно, обнаруживая в них силы, о которых они, быть может, не подозревали, пока не пришло это чувство, сделавшееся смыслом бытия и формой самоутверждения личности, вступающей в прямое столкновение со своим жестоким веком. Чувство возвышает, как бы пробуждая к настоящей жизни тех, кто его испытал. Джульетта скажет об этом простодушно и необыкновенно точно:

Моя любовь без дна, а доброта —
Как ширь морская. Чем я больше трачу,
Тем становлюсь безбрежной и богаче.

И когда Ромео говорит, что для него «небесный свод лишь над одной Джульеттой», — это не только поэтический образ, не только метафора, допускающая преувеличения. Тут безупречная правда переживания, какая до Шекспира оставалась недоступной искусству. Просто у него эта правда выражена художественными средствами, которые с тех пор слишком изменились, чтобы остаться для нас привычными.

Нас могут удивить и накаленная страстность монологов, и обилие предзнаменований, приближающих роковой финал, и смешение патетики с юмором или самой обыденной речью, звучащей, например, в репликах Кормилицы. Впрочем, удивляло все это и современников. Мы чувствуем в трагедиях Шекспира условность и легко с нею миримся, потому что она придает особую напряженность образам и коллизиям. Современникам казалось, что, наоборот, Шекспир нарушает условия жанра, сближая высокую трагедию с живой реальностью. Они не до конца оценили это огромное завоевание шекспировского театра.

В нем всегда бьется пульс самой жизни, показанной в безграничной своей широте, многоликости, разноречивости. Прежде трагедия изображала интриги, кипящие в дворцовых залах,—Шекспир словно распахнул сцену, чтобы на нее ворвались голоса простолудинов, зазвучали улицы и толпа. Прежде действие было сосредоточено на судьбах одного-двух персонажей, а остальные служили только фоном. У Шекспира появился ансамбль, где слышны не одни лишь солисты. Благородный Меркуцио, порывистый Тибальт, философ Лоренцо, пытающийся защитить благоразумие и гуманность в опустошаемой распрями Вероне, старик Капулетти, для которого «все обратилось в противоположность», когда пришлось вместо свадьбы готовиться к похоронам,—это не эпизодические лица. Они полноправные характеры, своим участием в событиях расширяющие простор драмы. А Лоренцо выразит самую важную для Шекспира мысль, рассуждая о двойственности начал, из которых складывается жизнь, о том, как тесно в ней переплетены благо и порок, о нравственном уроке, содержащемся в истории героев:

В таком же постоянном раздвоенье
И сердца каждоедневное биенье.
Однако в тех, где побеждает зло,
Зияет смерти черное дупло.

Судьба Ромео и Джульетты названа самой грустной из тех, что выпадают на человеческую долю. И все же «смерти черное дупло» — это сказано не о них. Они умирают, но это не победа смерти. С той минуты, когда на веронском кладбище разыгралась последняя сцена, начинается их жизнь в веках. И она по сей день не закончена. Да и не закончится до той поры, пока любовь, верность, самоотверженность, отвага остаются высшими ценностями, оберегаемыми человечеством.

Ощущение катастрофы в «Ромео и Джульетте» еще не становится главенствующим. Через шесть лет в «Гамлете» оно резко усилится. С этого времени оно будет определять ход и развязки шекспировских трагедий.

Если собрать все написанное о «Гамлете», получится большая библиотека. Есть даже такое понятие — гамлетизм. Оно обозначает неспособность совершить поступок, хотя человеку вполне ясно, что поступок необходим, разумен и оправдан. Какое-то безволие охватывает его перед решительным шагом, и эту нерешительность можно по-разному истолковывать, однако невозможно преодолеть.

Тому Гамлету, которого вывел на сцену Шекспир, подобное оцепенение хорошо знакомо. Но ему присуще и многое другое: жажда справедливости, готовность пожертвовать собой во имя правды. Мужество сопротивления судьбе. Благородство. Поразительно острый ум.

Когда говорят о гамлетизме, имеют в виду не столько шекспировского героя, сколько самозванных наследников, понявших его очень односторонне. Герой неизмеримо сложнее и значительнее, чем все, кто ему подражал.

Легенда о Гамлете действительно датского происхождения и записана еще в начале XIII века. Было несколько дошекспировских ее переложений. В них дело неизменно сводилось к мести: Гамлет притворялся безумным, чтобы мнимой слабостью обмануть окружающих и рассчитаться с дядей, отравившим его

отца. Шекспир оставил лишь контур этого сюжета. Вложенное в него содержание изменилось до неузнаваемости.

Кто же он, принц датский? Множество поколений зрителей и профессиональных толкователей пытаются его объяснить, но трактовки, которая была бы принята всеми, наверняка не будет найдено никогда. Слишком многое вместило в себя этот характер, по своей сложности, пожалуй, непревзойденный в мировой литературе. У каждой эпохи свой Гамлет, точнее, свой круг ассоциаций, с ним сопрягающихся. Более веские доказательства величия шекспировского образа не нужны. Он воистину бессмертен.

Таким его сделало сочетание, по видимости, разнородных начал, которые, однако, соединяются естественно и органично — не просто как свойства данной личности, но как неизбежное душевное состояние каждого, кто оказывается в разладе со своим временем и со всем миром, его воспитавшим. Это состояние может проявляться совсем по-разному, принимая самые неожиданные оттенки и диктуя совершенно непредсказуемые действия, однако основа остается все той же — гамлетовской. Шекспир открыл не просто тип человека, прежде никем не замеченный. Он открыл сам конфликт, повторяющийся из столетия в столетие, когда дух времени и строй чувств, направляемых сознанием достоинства, правды, красоты, не только не совпадают, но откровенно враждуют друг с другом. И это открытие из тех, которыми всегда будет гордиться искусство.

Время действия в «Гамлете» не указано, а место, где разворачиваются события, — город Эльсинор на берегу пролива, отделяющего Данию от Скандинавии, — существенного значения не имеет. Однако другие конкретные указания важны.

Например, упоминание о том, что Гамлет — питомец Виттенберга. Там находился один из первых европейских университетов, оплот вольной мысли. Там прошла юность Гамлета, там проникся он своими убеждениями поборника гуманности и чести.

И вот он возвращается на родину, чтобы вскоре убедиться: Дания — это тюрьма, а возможно, весь мир — тюрьма со множеством темниц, причем Дания из худших. Понятия человека Возрождения резко и болезненно столкнулись с действительностью, где всемогущи корысть и коварство, хитроумие, беспринципность и лезть. Что-то непрочное, ненадежное обнаружилось в самом гамлетовском идеале. Слишком он далек от реальной жизни.

Проститься с этим идеалом — значило бы предать самого себя, и Гамлет не отступает. Под сводами дворца в Эльсиноре, где все кажется ему «ничем иным, как мутным и чумным скоплением паров», прозвучат гордые слова принца о человеке: «Что за мастерское создание... Как благороден разумом! Как беспределен в своих способностях, обличьях и движениях!» А все-таки его вера пошатнулась. Человек прекрасен, если взглянуть на него отвлеченно, но из людей, которые рядом с Гамлетом, его не радует никто. Даже Горацио, воплощение душевной твердости и безупречной нравственности. Даже овеянная поэзией Офелия.

В последний акт введена сцена с могилщиками, и гимны человеку: «Краса Вселенной! Венец всего живущего!» — сменяются мрачными размышлениями о бренности плоти, о неотвратимом конце, ожидающем и великих, и недостойных. А потом месть Клавдию свершится, но это будет подвиг, напоминающий самоубийство.

Отчего же столь разительна перемена, происходящая перед нашим взором?

Ответы давались самые разные, но невозможно пройти мимо главной причины, о которой скажет сам Гамлет:

Век расшатался — и скверней всего,
Что я рожден восстановить его!

Никто из персонажей не сознает, что «век расшатался», так отчетливо и ясно, как Гамлет, никто больше не постигает, что эта беда непоправима. Принц бесконечно одинок, но не оттого, что кругом одни негодяи. Офелия, Гораццо, Лаэрт могли бы стать ему опорой. Но для них существуют только Дания, двор Клавдия, радости и горести окружающей жизни. А Гамлет словно взваливает себе на плечи судьбы человечества, хотя никому не по силам «восстановить» расшатавшийся век, повернув жизнь в русло прекрасных мечтаний, с которыми она не хочет считаться. Узурпатор понесет кару, но век не сделается от этого иным. Для Гамлета немыслим масштаб меньший, чем великое деяние, меняющее весь порядок вещей в мире. Но исполнение задачи, которой он себя обременил, заведомо невозможно.

Вот откуда все его колебания, сомнения, беспощадные укоры самому себе за малодушие, которое на поверку отнюдь не страх, а нежелание действовать теми же средствами, какими прокладывал себе путь к трону Клавдий, и крепнущее чувство, что истинного назначения не дано ему совершить. И вот откуда сам выбор между «быть» и «не быть». Гамлет выберет «не быть», не убоявшись путешествия в «безвестный край, откуда нет возврата»: умереть лучше, чем безропотно сносить «плети и глумленье века, гнет сильного, насмешку гордеца». Это гибель всерьез — с полным сознанием ее неотвратимости, с решимостью, подкрепленной анализом, а не безрассудством. И в этой гибели — тоже победа.

Потому что Гамлет не ведает той борьбы с совестью, которая заведомо проиграна и Клавдием, и Полонием, и Гертрудой. Каждый по-своему, они пытаются себя убедить, что совершенное ими зло не до конца испешило их души. Им хочется верить, что низости и преступления, ими чинимые, — только дань необходимости, а духовное спасение они еще могут заслужить. Но Шекспир не признает таких выкладок: крупица зла разъедает душу без остатка. Это одна из главных тем шекспировского искусства. Она прозвучит в «Отелло». Она станет важнейшей в «Макбете».

Четыре бездыханных тела обнаруживает в дворцовой зале Эльсинора возвращающийся с триумфом Фортинбрас. Мы запомнили мрачные мысли Гамлета о всевластии и безразличии смерти. Но в трагедии Шекспира и смерть не примиряет враждующих. Спор принца с Клавдием и его окружением продолжается, когда упал занавес, — спор двух несовместимых нравственных систем, несочетающихся жизненных принципов, несопоставимых духовных устремлений. Вечный спор, в котором на стороне Гамлета все, кто не охладил сердцем.

В «Короле Лире» этот спор возобновится и приобретет напряженность, необычную даже для Шекспира. Прежде на сцене были противники, разведенные по разные концы поля, как войска перед сражением. Теперь битва разыгрывается в душе самого героя. Ромео, Гамлет, не говоря уже о Тибальте, Гораццо или Лаэрте, верны своей природе с первого появления в пьесе и до конца. Лир перерождается: в финале это совсем не тот человек, которого мы видели, когда

он делил между дочерьми государство, решив возложить на молодые плечи ярмо державных забот.

Перерождение мучительно, потому что в восемьдесят лет горько постигать свои роковые заблуждения. Еще мучительнее оно оттого, что вызвано не только собственными ошибками Лира, за которые приходится платить страшной ценой. Рушится целый мир. Гамлета преследовало чувство, что «век расшатался». А в «Короле Лире» век уже предстает грудой обломков, путаницей оборвавшихся связей, хаосом вывернутых наизнанку понятий. Он кажется наваждением, кошмаром вроде тех, которыми бредят безумцы, выгнанные из приюта и мыкающиеся под неприветливым небом среди голой степи.

Существует написанная по-латыни повесть о британском короле, ставшем жертвой неблагодарности своих дочерей. Создана она в XII веке и впитала в себя какие-то далекие предания. Несколько авторов обращались к ней, а на сцене одного лондонского театра Шекспир мог видеть пьесу, где обработан этот сюжет. Кончалась она благополучно: Лир и Корделия вознаграждены за страдания, Гонерилья, Регана и их приближенные повержены. Невозможно представить себе подобную развязку шекспировского «Короля Лира». Она противоречила бы всей логике действия. У Шекспира старый король обретает истинную мудрость, но за нее должно быть заплачено жизнью: и потому, что она пришла слишком поздно, и потому, что век этой мудрости не примет, не подчинится ей, не внемлет ее голосу.

Век скроен для других героев. Для Гонерильи и Реганы с их холодной беспощадностью, основывающейся на правиле, которое утверждает, что «лучше опасаться без меры, чем без меры доверять». Для герцога Корнуэльского, способного собственноручно ослепить неугодного ему Глостера, хотя тот повинен лишь в том, что проявил чувство жалости. А прежде всего для Эдмунда, незаконного сына Глостера, поставившего целью жизни отобрать отцовский титул и права.

Даже в «Гамлете» фигуры такого ряда — Розенкранц и Гильденстерн, Полоний — еще оставались где-то в глубине сцены. Эдмунд для трагедии о Лире важен не меньше, чем сам король. Два эти персонажа как бы незримо связаны. Тут новая мораль, а вернее, циничная аморальность народившейся эпохи бесчестия, карьеризма и немилосердия спорит со все еще сохраняемой Глостером, Кентом, Корделией, да и Лиром нравственностью уходящего времени — деспотичной, спесивой в словесном своем фанатизме, но все же не допускавшей таких низостей, такого падения.

В авторской ремарке указано, что действие «Короля Лира» происходит примерно в IX столетии до нашей эры, и краски трагедии подчинены мрачному, суровому колориту седой старины. Однако для первых ее зрителей этот колорит был слишком знаком не по ветхим летописям, а по живому опыту. Британия, которой управлял Лир, заключала в себе явное сходство с Англией Тюдоров и Стюартов, завладевших престолом в 1603 году, за два года до постановки шекспировской трагедии. Те же смуты и войны, и борьба за корону, толкающая на преступные интриги, и толпы бездомных оборванцев «в лохмотьях, с непокрытой головой и тощим брюхом». Те же удачливые авантюристы без стыда и совести, те же леденящие кровь жестокости.

«Король Лир» был самой грандиозной картиной исторической жизни, какую создало искусство Возрождения. Никогда еще ход истории, сокрушающей старую, сравнительно гуманную мораль и тяжелым колесом прокатывающей по живым судьбам, не представлял настолько логичным и до такой сте-

пении зараженным трагическим содержанием. В песенке шута, смеющегося над мечтателями о сказочном будущем, когда «в судах наступит правосудье» и «забудет клеветник обман», заключена целая философия. Естественный порядок жизни невозможен, пока ею распоряжаются Эдмунд и Корнуол. Должен прийти конец времени, и сам Альбион должен пошатнуться, чтобы сделалось «общей модой ходить ногами...».

Перевернутый, вымороженный мир, где все поставлено с ног на голову,— наверное, вот она, ключевая метафора «Короля Лира». В этом мире защищает только «каменное сердце» или безумие, особенно притворное, как у Эдгара или шута, который один смеет говорить вслух правду. Лиру надо впасть в сумасшествие, чтобы познать и принять истину, закрытую от него, пока король не был изгнан из своего дворцового мирка в реальную жизнь, сотрясаемую бурями и шквалами ломающейся истории. Глостер выразит сущность происходящего фразой емкой, как афоризм: «В наш век слепцам безумцы вожаки».

Как для старого Капулетти, для героев «Короля Лира» тоже «все обратилось в противоположность». Под шутовским колпаком скрывается мудрец. В истрепанной королевской мантии дрожит на холодном ветру нищий, который прежде был монархом. Философ Эдгар для встречных только жалкий «Том из Бедлама», куда прятали душевнобольных, а его отцу надлежало ослепнуть, чтобы увидеть действительность, какова она на самом деле.

Шекспир был первым в мире художником, почувствовавшим и выразившим эту резкую изменчивость жизни, опрокидывающей и принижающей понятия, и сложившиеся репутации, и самозабвенные человеческие устремления, если они не покоятся на фундаменте нравственной правды.

После Шекспира стало невозможно писать так, как писали до него: формы искусства менялись, но нравственная проблематика уже не могла из него уйти. Иначе не оставалось самого искусства.

В финале «Короля Лира» Кент уподобит жизнь дыбе, орудия пытки. Он подразумевает закат некогда могущественного государя, которому выпало потерять все, под ударами лютой непогоды разделяя жалкий кров с «нагими горемыками», прежде им просто не замечаемыми. Гибель Корделии — последний удар, от которого Лиру уже не оправиться; смерть становится избавлением от пыток жизни.

Но были не только пытки, были и великие обретения, дарованные судьбой, которая под старость открыла Лиру, как всем трагическим героям Шекспира, путь «меж выпадов и пламенных клипков». Неограниченное самовластье, притворная лесть свиты, свособлие, не знающее преград,— все это слишком долго заслоняло от короля доподлинную жизнь с ее страданиями, несправедливостями, драмами, катастрофами и все же не погубило в нем человека, достойного этого высокого имени. Возрождение человека — такова формула его судьбы. Оно трагично: в мире, изображенном Шекспиром, по-другому быть не может. И оно необратимо, как ни тягостен удел, доставшийся этому герою.

Есть в «Гамлете» замечательная сцена, когда принц беседует с езжими актерами, которые потом разыгрывают перед Клавдием и Гертрудой историю их преступления. Чему служит лидедейство? Может быть, это лишь праздное развлечение, изысканная игра, позволяющая скрасить скуку обыденности? Может быть, оно предназначено для одних ценителей, театральных гурманов, способных различать, где подлинность, где фальшь?

Так полагали многие современники Шекспира. Но только не он сам. Устами Гамлета он определил назначение драмы — оно в том, чтобы «держать как бы зеркало перед природой: являть добродетели ее же черты, спеси — ее же облик, а всякому веку и сословию — его подобие и отпечаток». Если эта цель не будет достигнута, актерам достанется лишь смех или ропот невежд.

Минуло почти четыреста лет, но трудно привести более краткое и точное определение сущности искусства. Еще труднее назвать художников, которые своим творчеством отвечали бы этому определению более полно и органично, чем Шекспир.

Оттого он вечен.

Как сама жизнь.

А. Зверев

Ромео и Джульетта

ROMEO AND JULIET

Перевод с английского
Б. ПАСТЕРНАКА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эскал, князь веронский*.

Граф Парис, молодой человек, родственник князя.

Монтекки } главы двух враждующих домов.
Капулетти }

Дядя Капулетти.

Ромео, сын Монтекки.

Меркуцио, родственник князя, друг Ромео.

Бенволио, племянник Монтекки, друг Ромео.

Тибальт, племянник леди Капулетти.

Брат Лоренцо } францисканские монахи.
Брат Джованни }

Балтазар, слуга Ромео.

Самсон } слуги Капулетти.
Грегорио }

Петр, слуга кормилицы.

Абрам, слуга Монтекки.

Аптекарь.

Три музыканта.

Паж Париса.

Первый горожанин.

Леди Монтекки, жена Монтекки.

Леди Капулетти, жена Капулетти.

Джюльетта, дочь Капулетти.

Кормилица Джюльетты.

Горожане Вероны, мужская и женская родня обоих домов, ряженые, стража, слуги. Хор.

Место действия — Верона и Мантуя.

ПРОЛОГ

Входит хор.

ХОР

Две равно уважаемых семьи
В Вероне, где встречаются нас события,
Ведут междоусобные бои
И не хотят унять кровопролитья.
Друг друга любят дети главарей,
Но им судьба подстраивает козни,
И гибель их у гробовых дверей
Кладет конец непримиримой розни.
Их жизнь, любовь и смерть и, сверх того,
Мир их родителей на их могиле
На два часа составят существо
Разыгрываемой пред вами были.
Помилостивей к слабостям пера —
Их сгладить постарается игра.

АКТ I

СЦЕНА I

Верона. Площадь.

Входят Самсон и Грегорио, слуги Капулетти,
с мечами и щитами.

САМСОН. Грегорио, уговор: перед ними не срамиться.

ГРЕГОРИО. Что ты! Наоборот. Кого ни встречу, сам
осрамлю.

САМСОН. Зададим им баню!

ГРЕГОРИО. Самим бы выйти сухими из воды.

САМСОН. Я скор на руку, как раскипяхчусь.

ГРЕГОРИО. Раскипятить-то тебя — не скорое дело.

САМСОН. При виде монтекковских шавок, я вскипаю, как кипяток.

ГРЕГОРИО. Кипеть — уйдешь. Вскипишь — и наутек, как молоко. А смелый упрется — не сдвинуть.

САМСОН. Перед шавками из дома Монтекки я упрусь — не сдвинуть. Всех сотру в порошок: и молодых и девок.

ГРЕГОРИО. Подумаешь, какой ураган!

САМСОН. Всех до одного. Молодцов в сторону, а девок по углам и в щель.

ГРЕГОРИО. Ссора-то ведь господская и между мужской прислугой.

САМСОН. Все равно. Слажу с мужской, примусь за женскую. Всем покажу свою силу.

ГРЕГОРИО. И бедным девочкам?

САМСОН. Пока хватит мочи, и девочкам. Я, слава богу, кусок мяса не малый.

ГРЕГОРИО. Хорошо, что ты не рыба, а то был бы ты солевой трескою. Скорей, где твой меч? Вон двое монтекковских.

САМСОН. Готово, меч вынут. Задери их. Я тебя не оставлю.

ГРЕГОРИО. Это еще что за разговор? Как! Струсить и показать пятки?

САМСОН. Обо мне не беспокойся.

ГРЕГОРИО. Есть о ком беспокоиться!

САМСОН. Выведем их из себя. Если они начнут драку первыми, закон будет на нашей стороне.

ГРЕГОРИО. Я скорчу злое лицо, когда пройду мимо. Посмотрим, что они сделают.

САМСОН. Я буду грызть ноготь по их адресу. Они будут опозорены, если смолчат.

Входят Абрам и Балтазар.

АБРАМ. Не на наш ли счет вы грызете ноготь, сэр?

САМСОН. Грызу ноготь, сэр.

АБРАМ. Не на наш ли счет вы грызете ноготь, сэр?

САМСОН (*вполголоса Грегорио*). Если это подтвердить, закон на нашей стороне?

ГРЕГОРИО (*вполголоса Самсону*). Ни в коем случае.

САМСОН. Нет, я грызу ноготь не на ваш счет, сэр. А грызу, говорю, ноготь, сэр.

ГРЕГОРИО. Вы набиваетесь на драку, сэр?

АБРАМ. Я, сэр? Нет, сэр.

САМСОН. Если набиваетесь, я к вашим услугам. Я проживаю у господ ничуть не хуже ваших.

АБРАМ. Но и не у лучших.

ГРЕГОРИО *(в сторону, Самсону, заметив вдали Тибальта)*.
Говори — у лучших. Вон один из хозяйской родни.

САМСОН. У лучших, сэр.

АБРАМ. Вы лжете!

Входит Бенволио.

САМСОН. Деритесь, если вы мужчины! Грегорио, покажи-ка им свой молодецкий удар.

Дерутся.

БЕНВОЛИО

Оружье прочь — и мигом по местам!

Не знаете, что делаете, душни.

(Выбивает у них мечи из рук.)

Входит Тибальт.

ТИБАЛЬТ

Как, ты сцепился с этим мужичьем?

Вот смерть твоя — оборотись, Бенволио!

БЕНВОЛИО

Хочу их помирить. Вложи свой меч,

Или давай их сообща разнимем.

ТИБАЛЬТ

Мне ненавистен мир и слово «мир»,

Как ненавистен ты и все Монтекки.

Постой же, трус!

Дерутся.

Входят приверженцы обоих домов и присоединяются к дерущимся;
затем горожане с дубинками и алебардами.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Сюда с дубьем и кольями! Лупи!

Долой Монтекки вместе с Капулетти!

Входят Капулетти в халате и леди Капулетти.

КАПУЛЕТТИ

Что тут за шум? Где меч мой боевой?

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Костыль ему! Меча не доставало!

КАПУЛЕТТИ

Подать мне меч! Монтекки — на дворе
И на меня свое оружие поднял.

Входят Монтекки и леди Монтекки.

МОНТЕККИ

Ты, Капулетти, плут! Пусти, жена!

ЛЕДИ МОНТЕККИ

К дерущимся не дам ступить ни шагу!

Входит князь со свитой.

КНЯЗЬ

Изменники, убийцы тишины,
Грязнящие железо братской кровью!
Не люди, а подобия зверей,
Гасящие пожар смертельной розни
Струями красной жидкости из жил!
Кому я говорю? Под страхом пыток
Бросайте шпаги из бесславных рук
И выслушайте княжескую волю.
Три раза под влияньем вздорных слов
Вы оба, Капулетти и Монтекки,
Резней смущали уличный покой.
Сняв мантии, советники Вероны
Сжимали трижды в старческих руках
От ветхости тупые алебарды,
Решая тяжбу дряхлой старины.
И если вы хоть раз столкнетесь снова,
Вы жизнью мне заплатите за все.
На этот раз пусть люди разойдутся.
Вы, Капулетти, следуйте за мной,
А вас я жду, Монтекки, в Виллафранке*
По делу этому в течение дня.
Итак, под страхом смерти — разойдитесь!

Все уходят, кроме Монтекки, леди Монтекки и Бенволио.

МОНТЕККИ

Кто сызнова затеял этот спор?

Скажи, племянник, ты ведь был при этом?

БЕНВОЛИО

Я нашу дворню с челядью врага
Уже застал в разгаре рукопашной.
Едва я стал их разнимать, как вдруг
Неистовый Тибальт вбежал со шпагой
И ею стал махать над головой.
Он вызывал меня на бой, а ветер
Насмешливо свистел ему в ответ.
Пока чередовали мы удары,
С толпой людей, сбежавшихся на зов,
Явился князь и рознял драчунов.

ЛЕДИ МОНТЕККИ

А где Ромео? Виделись вы с ним?
Он не был тут? Он правда невредим?

БЕНВОЛИО

Сударыня, за час пред тем, как солнце
Окно востока золотом зажгло,
Я в беспокойстве вышел на прогулку.
Пересекая рощу сикомор*,
У западных ворот я натолкнулся
На сына вашего. Он там гулял
В такую рань. Я зашагал вдогонку.
Узнав меня, он скрылся в глубине,
И так как он искал уединенья,
То я его оставил одного.

МОНТЕККИ

Его там часто по утрам видали.
Он бродит и росистый пар лугов
Парами слез и дымкой вздохов множит.
Однако, только солнце распахнет
Постельный полог в спальне у Авроры*,
Мой сын угрюмо тащится домой,
Кидается в свой потаенный угол
И занавесками средь бела дня
Заводит в нем искусственную полночь.
Откуда этот неотступный мрак?
Хочу понять и не пойму никак.

БЕНВОЛИО

Вы знаете причину, милый дядя?

МОНТЕККИ

Не ведаю и не могу узнать.

БЕНВОЛИО

С расспросами к нему вы обращались?
МОНТЕККИ

А как же! Я и лучшие друзья.
Но он непроницаем для расспросов
И отовсюду так же защищен,
Как червяком прокушенная почка,
Которая не выгонит листа
И солнцу не откроет сердцевины.
Ты спрашиваешь, знаю ль я причину?
Когда б я знал печали этой суть,
Я б излечил больного чем-нибудь.

Входит Ромео.

БЕНВОЛИО

А вот и он. Вы здесь как бы случайно.
Увидите, я доберусь до тайны.

МОНТЕККИ

Пойдем, жена. Оставим их вдвоем,
Как исповедника с духовником.

Монтекки и леди Монтекки уходят.

БЕНВОЛИО

Ромео, с добрым утром!

РОМЕО

Разве утро?

БЕНВОЛИО

Десятый час.

РОМЕО

Как долгод час тоски!

Что это, не отец мой удалился?

БЕНВОЛИО

Да, твой отец. Какая же тоска
Тебе часы, Ромео, удлинит?

РОМЕО

Тоска о том, кто б мог их сократить.

БЕНВОЛИО

Ты по любви тоскуешь?

РОМЕО

Нет.

БЕНВОЛИО

Ты любишь?

РОМЕО

Да, и томлюсь тоскою по любви.

БЕНВОЛИО

О, эта кроткая на вид любовь
Как на поверку зла, неумолима!

РОМЕО

Как сразу, несмотря на слепоту,
Находит уязвимую пяту! —
Где мы обедать будем? — Сколько крови!
Не говори о свалке. Я слышал.
И ненависть мучительна и нежность.
И ненависть и нежность — тот же пыл
Слепых, из ничего возникших сил,
Пустая тягость, тяжкая забава,
Нестройное собрание стройных форм,
Холодный жар, смертельное здоровье,
Бессонный сон, который глубже сна.
Вот какова, и хуже льда и камня,
Моя любовь, которая тяжка мне.
Ты не смеешься?

БЕНВОЛИО

Нет, скорее плачу.

РОМЕО

О чем, дружок?

БЕНВОЛИО

В ответ слезам твоим.

РОМЕО

Какое зло мы добротой творим!
С меня и собственной тоски довольно,
А ты участием делаешь мне больно.
Заботами своими обо мне
Мою печаль ты растравил вдвойне.
Что есть любовь? Безумье от угара.
Игра огнем, ведущая к пожару.
Воспламенившееся море слез,
Раздумье — необдуманности ради,
Смешение яда и противоядия.
Прощай, дружок.

БЕНВОЛИО

Постой, ты слишком скор.

Пойду и я, но кончим разговор.

РОМЕО

Я потерял себя, и я не тут.

Ромео нет, Ромео не найдут.

БЕНВОЛИО

Нет, не шутя скажи: кого ты любишь?

РОМЕО

А разве шутки были до сих пор?

БЕНВОЛИО

Конечно, нет. Но кто она, без шуток?

РОМЕО

Скажи больному у его одра,

Что не на шутку умирать пора.

Она не в шутку женщина, приятель.

БЕНВОЛИО

Я так и знал, и бью не в бровь, а в глаз.

РОМЕО

Лихой стрелок, но дева не про нас.

БЕНВОЛИО

Чем лучше цель, тем целимся мы метче.

РОМЕО

Сюда неприменимы эти речи.

У ней душа Дианы*, Купидон*

Не страшен девственности и смехон.

Она не сдастся на умильность взора

Ни за какие золотые горы.

Красавица, она свой мир красот

Нетронутым в могилу унесет.

БЕНВОЛИО

А что, она дала обет безбрачья?

РОМЕО

Увы, дала и справится с задачей.

От этой девы и ее поста

Останется в потомстве пустота.

Она такая строгая святая,

Что я надежд на счастье не питаю,

Ей в праведности жить, а мне конец:

Я не жилец не свете, я мертвец.

БЕНВОЛИО

Советую, брось помыслы о ней.

РОМЕО

Так посоветуй, как мне бросить думать.

БЕНВОЛИО

Дай волю и простор своим глазам —

Другими полюбуйся.

РОМЕО

Это способ

Признать за ней тем больше совершенств.

В разрезах черных масок с большей силой

Сверкают лица женщин белизной.

Ослепший вечно помнит драгоценность

Утраченного зренья. А в чертах

Красавиц я прочту напоминанье

О той, кто без сравненья лучше всех.

Забвенью все же я не научился.

БЕНВОЛИО

Я научу, как ты бы ни крепился.

Уходят.

СЦЕНА 2

Улица.

Входят Капулетти, Парис и слуга.

КАПУЛЕТТИ

Монтекки и меня оштрафовали.

А разве трудно было б жить в ладу?

ПАРИС

Да, это странно. Два почтенных старца —

И почему-то вечно на ножах.

Однако вы мне не дали ответа.

КАПУЛЕТТИ

Я повторю, что я уже сказал:

Ведь дочь моя совсем еще ребенок,

Ей нет еще четырнадцати лет*.

Еще повремените два годочка,

И мы невестою объявим дочку.

ПАРИС

Вступают в брак моложе, чем она.

КАПУЛЕТТИ

Но эта зрелость ранняя вредна.
Мои надежды пожрала могила,
И небо только дочь мне сохранило.
Столкуйтесь с нею, дорогой Парис,—
Вот все, что надо, чтобы мы сошлись.
Узнайте наперед ее желанья,
А я благословляю вас заране.
Сегодня вечером у нас прием —
Мы ежегодный праздник задаем.
Тут соберется множество народа.
Мы будем рады вашему приходу.
Вы попадете на богатый съезд,
Как звезды ночи, блещущих невест
И будете свидетелем веселья,
Подобного разливу вод в апреле.
Когда вас окружит их хоровод
И вы очутитесь среди красот,
Решите вы, какая с большей силой
Воображение ваше поразила.
Без права на такую похвалу
Дочь будет тоже ночью на балу.
Пойдемте, граф.

(Слуге, отдавая ему записку.)

А ты, мошенник низкий,
Всех приглашенных обойди по списку.
Скажи гостям, чье имя здесь стоит,
Что вход для них широко к нам открыт.

Капулетти и Парис уходят.

СЛУГА. «Обойди по списку, обойди по списку»! А кто поймет этот список? А может, тут написано, что дело сапожника — аршин, а дело портного — колодка. «Обойди по списку»! А может, тут написано, что рыбу ловят кистью, а крыши красят неводами. «Скажи гостям, чье имя здесь стоит»! А ты мне скажи, чье здесь стоит имя? Для этого есть некоторые умеющие. Да вот они! Легки на помине.

Входят Бенволио и Ромео.

БЕНВОЛИО

Молчи, мой друг. Огонь огнем встречают,
Беду — бедой и хворью лечат хворь,

Круженьем вспять кружение прекращают,
И ты с бедою точно так же спорь.
Схватить старайся новую заразу,
И прежняя не вспомнится ни разу.

РОМЕО

Хорош при этом также подорожник*.

БЕНВОЛИО

При чем, дружок?

РОМЕО

При переломе ног.

БЕНВОЛИО

Да ты не спятил?

РОМЕО

Нет, совсем не спятил,
Но на цепи, как спятивший с ума,
Замучен и в смиренной рубашке.

СЛУГА

Здорово, сэр. Вы мастер ли читать?

РОМЕО

О да! Свой жребий по складам несчастий.

СЛУГА. Спасибо за откровенность. А нам надо, которые по писаному.

РОМЕО. Куда ты? Я пошутил. Дай я прочту. (*Читает.*)
«Позвать синьора Мартино с супругой и дочерьми; графа Ансельмо с его прекрасными сестрами; вдовствующую госпожу Витрувио; синьора Плаченцо и его милых племянниц; Меркуцио с его братом Валентином; дядю Капулетти с женой и дочерьми; прелестную племянницу Розалину; Ливию; синьора Валенцио с его братом Тибальтом; Лючио и его резвушку Елену».

Прекрасный выбор! А куда их ждут?

СЛУГА

Вон в тот конец.

РОМЕО

Куда?

СЛУГА

К нам в дом на ужин.

РОМЕО

В чей дом?

СЛУГА

Хозяйский дом.

РОМЕО

Об этом всё

Я должен был спросить тебя сначала.

СЛУГА. Это я вам сам скажу. Мой хозяин — богач Капулетти. Может, слышали? Если вы не родня Монтекки, пожалуйте к нам на чарочку. *(Уходит.)*

БЕНВОЛИО

У Капулетти, кроме Розалины,
Твоей зазнобы, будут на балу
Виднейшие красавицы Вероны.
Пойдем туда. Когда ты их сравнишь
С твоею павой непредубежденно,
Она тебе покажется вороной.

РОМЕО

О, если вы такие святотатцы,
Богоотступных глаз моих зрачки,
Пусть ваши слезы в пламя обратятся
И вы сгорите, как еретики!
Неужто зреньем бог меня обидел,
Чтоб я на небе солнца не увидел?

БЕНВОЛИО

Но ты ведь солнца этого красы
Еще не клал ни разу на весы.
Взгляни кругом на тех, что попригожей,
И вряд ли будешь петь одно и то же.
Быть может, твой единственный алмаз
Простым стеклом окажется на глаз.

РОМЕО

Пойдем на бал, но не на смотр собранья,
А ради той, кто выше описаний.

Уходят.

СЦЕНА 3

Комната в доме Капулетти.

Входят леди Капулетти и кормилица.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Кормилица, скорее: где Джульетта?

КОРМИЛИЦА

Клянусь былой невинностью, звала.

Джульетта, где ты? Что за непоседа!
Куда девалась ярочка моя?

Входит Джульетта.

ДЖУЛЬЕТТА

Ну, что еще?

КОРМИЛИЦА

Тебя зовет мамаша.

ДЖУЛЬЕТТА

Я здесь. Что, матушка, угодно вам?

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Сейчас. Кормилица, выйди на минуту, мы поговорим. Впрочем, постой, не уходи, тебе лучше послушать. Моя дочь порядком подросла.

КОРМИЛИЦА. Помилуйте, я ее лета сочту до часочка.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Ей нет четырнадцати лет.

КОРМИЛИЦА. Я прозакладую своих четырнадцать зубов, даром что их только четыре, что нету. Сколько до Петрова дня?

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Две недели с лишним.

КОРМИЛИЦА. С лишним или без лишнего, не об этом спор, а четырнадцать ей минет на Петров день, я вам верно говорю. Она и Сусанна — упокой ее, господи! — были ровесницы. Но я ее не стоила, и ее господь прибрал. А четырнадцать ей минет на Петров день, это вы не сомневайтесь, я хорошо помню. Этому трясенюю земли, вы теперь сосчитайте, полных одиннадцать годов. А в самое трясенье, как сейчас помню, я ее отлучила. Натерла я себе соски полынью и села у голубятни на солнечный припек. Вы с их милостью были в Мантуе, ну скажите, какова память! Хватила она, родимая, с соска полыни и закатилась — не приведи бог! В это самое время голубятня передо мною кувырк, и я, само собой, оттуда давая бог ноги. А этому делу теперь полных одиннадцать годов. Она уже тогда на ножки становилась — да что я, на ножки! — бегала уже и ходила, ей-богу, правда, истинный господь! Теперь я вам скажу, расшибла она себе в то время лобик. И вот мой муж... царство ему небесное, ужасный был шутник!.. взял он ребенка на руки и говорит: «Лицом, — говорит, — Джулинка, падать не годится. Вырастешь, будешь, — говорит, — норовить упасть на спину. Будешь?» — говорит. И что же вы думаете? Утерла моя крошка слезы и отвечает ему: «Да». Вы подумайте, что за смехота! Тысячу лет проживу и никогда не забуду. «Будешь, —

говорит,— на спину, Джулинька?» И она как ни в чем не бывало отвечает ему: «Да».

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Довольно болтать! Замолчи, пожалуйста!

КОРМИЛИЦА. Слушаю, сударыня. Но, скажите, разве не умора? Угомонилась в минуту и, не задумываясь, отвечает ему «да», а ведь шишка-то была здоровенная, с голубиное яйцо, и плакала она горячими слезами. «Лицом,— говорит,— падать не годится. Вырастешь, будешь— говорит,— на спину? Будешь?» — говорит. И эта крошка отвечает ему «да» и разом угомонилась.

ДЖУЛЬЕТТА

Угомонись, кормилица, и ты.

КОРМИЛИЦА. Слушаюсь, больше не буду. Из моих питомиц ты была самая хорошенькая. Дожить бы мне до твоей свадьбы, то-то была бы радость!

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

До свадьбы? А о свадьбе-то и речь.

Затем пришла. Скажи-ка мне, Джульетта,

К замужеству как ты бы отнеслась?

ДЖУЛЬЕТТА

Об этой чести я не помышляла.

КОРМИЛИЦА. Об этой чести? Вы подумайте! Жаль, я твоя кормилица, а то можно было бы сказать, что ты ум с молоком всосала.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Так вот подумай. Меньших лет, чем ты,

Становятся в Вероне матерями,

А я тебя и раньше родила.

Итак, покуда второпях и вкратце:

К нам за тебя посватался Парис.

КОРМИЛИЦА. Ну, это, барышня моя, мужчина на славу! Такой мужчина, что объедешь целый свет — лучшего не сыщешь. Не человек, а картинка.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Цветок, каких Верона не видала.

КОРМИЛИЦА

Цветок, нет слова. Слова нет, цветок.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Что скажешь? По сердцу ли он тебе?

Сегодня на балу его изучишь.

Прочти, как в книге, на его лице

Намеки ласки и очарованья.
Сличи его черты, как письмена,
Измерь, какая в каждой глубина,
А если что останется в тумане,
Ищи всему в глазах истолкованья.
Вот где тебе блаженства полный свод,
И переплета лишь недостает.
Как рыба — глуби, с той же силой самой
Картина требует красивой рамы,
И золотое содержанье книг
Нуждается в застезках золотых,
Вот так и ты, подумавши о муже,
Не сделаешься меньше или хуже.

КОРМИЛИЦА. Не сделаешься меньше! Больше, сударыня, больше. От мужчин женщины полнеют.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Ну, как, займешься ль ты его особой?

ДЖУЛЬЕТТА

Еще не знаю. Надо сделать пробу.
Но это лишь единственно для вас.
Я только исполняю ваш приказ.

Входит слуга.

СЛУГА. Сударыня, гости пришли, кушать подано, вас кличут не докличутся, каждый спрашивает барышню, в кладовой на чем свет стоит ругают кормилицу, и всё вверх дном. Побегу к гостям. Сделайте милость, пожалуйста безотлагательно.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Идем.

Слуга уходит.

Скорей, Джульетта! Граф уж там.

КОРМИЛИЦА

Благих почей в придачу к добрым дням!

Уходят.

СЦЕНА 4

Улица.

Входят Ромео, Меркуцио и Бенволио с пятью или шестью ряженными, факельщики и мальчик с барабаном.

РОМЕО

Прочесть ли нам приветствие в стихах
Или войти без лишних предисловий?

БЕНВОЛИО

Нет, в наше время это не в ходу.
Мы сможем обойтись без Купидона
С повязкой шерстяною на глазах,
С татарским луком из линючей дранки,
Который видом так бывал нелеп,
Что дамам был страшней вороньих пугал.
Нам не придется никого томить
Экспромтами при помощи суфлера.
Под дудку их не будем мы плясать,
А спяшем под свою и удалимся.

РОМЕО

Тогда дай факел мне. Я огорчен
И не плясун. Я факельщиком буду.

МЕРКУЦИО

Ромео, нет, от танцев не уйдешь.

РОМЕО

Уволь меня. Вы в легких балльных туфлях,
А я придавлен тяжестью к земле.

МЕРКУЦИО

Ведь ты влюблен, так крыльями амура
Решительней взмахни и оторвись.

РОМЕО

Он пригвоздил меня стрелой навывлет.
Я ранен так, что крылья не несут.
Под бременем любви я подгибаюсь.

МЕРКУЦИО

Повалишься, ее не придави:
Она нежна для твоего паденья.

РОМЕО

Любовь нежна? Она груба и зла.
И колетса и жжется, как терновник.

МЕРКУЦИО

А если так, будь тоже с ней жесток,
Коли и жги, и будете вы квиты.
Однако время маску надевать.
Ну, вот и всё, и на лице личина.

Теперь пусть мне что знают говорят:
Я ряженный, пусть маска и краснеет.

БЕНВОЛИО

Стучитесь в дверь, и только мы войдем —
Все в пляс, и пошевеливай ногами.

РОМЕО

Дай факел мне. Пусть пляшут дураки.
Половики не для меня стелили.
Я ж со свечой, как деды говорили,
Игру понаблюдаю из-за плеч,
Хоть, кажется, она не стоит свеч.

МЕРКУЦИО

Ах, факельщик, своей любовью пылкой
Ты надоел, как чадная копилка!
Стучись в подъезд, чтоб не истлеть живьем.
Мы днем огонь, как говорится, жжем.

РОМЕО

Таскаться в гости — добрая затея,
Но не к добру.

МЕРКУЦИО

А чем, спросить посмею?

РОМЕО

Я видел сон.

МЕРКУЦИО

Представь себе, и я.

РОМЕО

Что видел ты?

МЕРКУЦИО

Что сны — галиматья.

РОМЕО

А я не ошибался в них ни разу.

МЕРКУЦИО

Все королева Маб*. Ее проказы.
Она родоприемница у фей,
А по размерам — с камушек агата
В кольцо у мэра. По ночам она
На шестерне пылинок цугом ездит
Вдоль по носам у нас, пока мы спим.
В колесах — спицы из паучьих лапок,
Каретный верх — из крыльев саранчи,
Ремни гужей — из ниток паутины,

И хомуты — из капелек росы.
На кость сверчка накручен хлыст из пены,
Комар на козлах — ростом с червячка,
Из тех, которые от сонной лени
Заводятся в ногтях у мастериц.
Ее возок — пустой лесной орешек.
Ей смастерили этот экипаж
Каретники волшебниц — жук и белка.
Она пересекает по ночам
Мозг любящих, которым снится нежность,
Горбы вельмож, которым снится двор,
Усы судей, которым снятся взятки,
И губы дев, которым снится страсть.
Шалунья Маб их сыпью покрывает
За то, что падки к сладким пирожкам.
Подкатит к переносице сутяги,
И он почует тяжбы аромат.
Щетинкой под ноздрею пощекочет
У пастора, и тот увидит сон
О прибыльности нового прихода.
С разбегу ринется за воротник
Солдату, и ему во сне приснятся
Побоища, испанские ножи,
И чары в два ведра, и барабаны.
В испуге вскакивает он со сна
И крестится, дрожа, и засыпает.
Все это плутни королевы Маб.
Она в конюшнях гривы заплетает
И волосы сбивает колтуном,
Который расплестать небезопасно.
Под нею стонут девушки во сне,
Заранее готовясь к материнству.
Вот эта Маб...

РОМЕО

Меркуцио, молчи.

Ты пустомеля.

МЕРКУЦИО

Речь о сновиденьях.

Они плоды бездельницы-мечты

И спящего досужего сознания.

Их вещество — как воздух, а скачки —

Как взрывы ветра, рыщущего слепо
То к северу, то с севера на юг
В приливе ласки и порыве гнева.

БЕНВОЛИО

Не застудил бы этот ветер твой
Нам ужина, пока мы сдуру медлим.

РОМЕО

Не сдуру медлим, а не в срок спсшим.
Добра не жду. Неведомое что-то,
Что спрятано пока еще во тьме,
Но зародится с нынешнего бала,
Безвременно укоротит мне жизнь
Виной каких-то страшных обстоятельств.
Но тот, кто направляет мой корабль,
Уж поднял парус. Господа, войдемте!

БЕНВОЛИО

Бей в барабан!

Уходят.

СЦЕНА 5

Зал в доме Капулетти.

Музыканты. Слуги с салфетками.

ПЕРВЫЙ СЛУГА. Где Антон Сотейщик?* Отчего не помогает убирать? Так и липнет к обьедкам! Так и возит языком!

ВТОРОЙ СЛУГА. Плохо дело, когда вся работа на одном или двух, да и у тех руки немытые.

ПЕРВЫЙ СЛУГА. Резные кресла вон, горки с посудой — к стене. Присматривай за серебром. Припрячь мне, дорогой мой, кусок марципану и, если любишь меня, предупреди внизу у входа, чтобы пропустили Надежду Наждачницу и Нелли. Антон Сотейщик!

ТРЕТИЙ СЛУГА. Здесь я. Об чем крик?

ПЕРВЫЙ СЛУГА. В большой комнате тебя зовут, кличут, требуют, и уж не знаю, как сказать.

ТРЕТИЙ СЛУГА. Всюду не поспеешь, надвое не разорваться. Веселей поворачивайся, ребята! Поживешь дольше — наживешь больше.

Входят Капулетти, деди Капулетти, Джульетта и Тибальт с домашними навстречу гостям и ряженным.

КАПУЛЕТТИ

Привет, синьоры! Дамам без мозолей
 У нас работы хватит до утра.
 Что скажете, красавицы? Какая
 Не станет после этого плясать?
 Сейчас и заподозрим, что мозоли.
 Вот видите, у нас вы и в руках.
 Привет, синьоры! Дамам, было время,
 И я признанья на ухо шептал.
 То время миновало, миновало...

Входят Ромео, Меркуцио, Бенволио и другие.

Привет, друзья! Играйте, музыканты!
 С дороги все! Танцоры, дамы — в круг!

Музыка. Гости танцуют.

Побольше света! Отодвиньте стулья!
 Залейте жар в камине: духота.
(Дяде Капулетти.)

Глядишь на танцы, так и разбирает.
 Нет, что вы, сядьте, где уж нам плясать!
 Когда, скажите, дядя Капулетти,
 Плясали в масках мы в последний раз?

ДЯДЯ КАПУЛЕТТИ

Да, думаю, тому назад лет тридцать.

КАПУЛЕТТИ

О нет, не так давно, не так давно!
 Считайте, сколько лет женат Люченцо?
 Никак не больше двадцати пяти.
 На свадьбе у него мы и плясали.

ДЯДЯ КАПУЛЕТТИ

Да нет, их сыну тридцать с чем-то лет.

КАПУЛЕТТИ

Он только год, как вышел из опеки.

РОМЕО *(слуге из своей компании)*

Кто эта барышня, с которой в ряд
 Стал этот кавалер?

СЛУГА

Не знаю, сударь.

РОМЕО

Ее сиянье факелы затмило.

Она, подобно яркому бериллу
В ушах арапки, чересчур светла
Для мира безобразия и зла.
Как голубя среди вороньей стаи,
Ее в толпе я сразу отличаю.
Я к ней пробьюсь и посмотрю в упор.
Любил ли я хоть раз до этих пор?
О нет, то были ложные богини.
Я истинной красы не знал доньне.

ТИБАЛЬТ

Мне показалось, голосом — Монтекки.
Мальчишка, шпагу! Этот негодяй
Осмелился пробраться к нам под маской
В насмешку над семейным торжеством!
Ну что ж, у нас находчивости хватит.
Он жизнью мне за этот шаг заплатит.

КАПУЛЕТТИ

Мой дорогой, зачем ты поднял крик?

ТИБАЛЬТ

У нас Монтекки! Как он к нам проник?
Врывается к нам, ни на что не глядя,
Чтобы позорить нас на маскараде!

КАПУЛЕТТИ

Ты о Ромео?

ТИБАЛЬТ

О дрянном Ромео.

КАПУЛЕТТИ

Приди в себя. Что ты к нему пристал?
Он держится, как должно, и в Вероне
Единогласно признан, говорят,
Примером истинного благородства.
За все богатства мира я не дам
Кому-нибудь у нас его обидеть.
Оставь его, вот мой тебе приказ.
И если для тебя я что-то значу,
Развеселись и больше лба не хмурь.
В гостях надутость эта неуместна.

ТИБАЛЬТ

Нет, к месту, если лишние в гостях.
Я не снесу...

КАПУЛЕТТИ

Снесешь, когда прикажут!
Вы слышали? Каков! Он не снесет!
Он не снесет! Не я, а он хозяин!
Он не снесет! Он мне, того гляди,
В моей гостиной общество взбунтует!
Он главный тут! Он всё! Он коновод!

ТИБАЛЬТ

Но, дядя, это срам.

КАПУЛЕТТИ

Без разговоров!

Угомонись!

(Гостям.)

Так, так. Не может быть!

(Тибальту.)

Он будет мне давать еще советы!

(Гостям.)

Не может быть!

(Тибальту.)

Ты неуч и буян!

Учись манерам.

(Слугам.)

Свету, больше свету!

(Тибальту.)

Добром не хочешь — силой научу.

(Гостям.)

Что за разброд? Дружнее, дорогие!

ТИБАЛЬТ

Уйти, смиреньем победивши злость?
Что ж, и уйду. Но ваш незванный гость,
Которого нельзя побеспокоить,
Еще вам будет много крови стоять!
(Уходит.)

РОМЕО *(одетый монахом, Джульетте)*

Я ваших рук рукой коснулся грубой.
Чтоб смыть кощунство, я даю обет:
К угоднице спаломничают губы
И зацелуют святотатства след.

ДЖУЛЬЕТТА

Святой отец, пожатые рук законно.
Пожатые рук — естественный привет.

Паломники святыням бьют поклоны.
Прикладываться надобности нет.

РОМЕО

Однако губы нам даны на что-то?

ДЖУЛЬЕТТА

Святой отец, молитвы воссылать.

РОМЕО

Так вот молитва: дайте им работу.

Склоните слух ко мне, святая мать.

ДЖУЛЬЕТТА

Я слух склоню, но двигаться не стану.

РОМЕО

Не надо наклоняться, сам достану.

(Целует ее.)

Вот с губ моих весь грех теперь и снят.

ДЖУЛЬЕТТА

Зато мои впервые им покрылись.

РОМЕО

Тогда отдайте мне его назад.

ДЖУЛЬЕТТА

Мой друг, где целоваться вы учились?

КОРМИЛИЦА

Тебя зовет мамаша на два слова.

Джульетта уходит.

РОМЕО

А кто она?

КОРМИЛИЦА

Да вы-то сами где?

Она глава семьи, хозяйка дома.

Я в мамках тут и выходила дочь.

Вы с ней сейчас стояли. Помяните:

Кто женится на ней, тот заберет

Хороший куш.

РОМЕО

Так это Капулетти?

Я у врага в руках и пойман в сети!

БЕНВОЛИО

Прощайся. Вижу, шутка удалась.

РОМЕО

И даже чересчур на этот раз.

КАПУЛЕТТИ

О нет, куда вы, господа, так рано?
 Вон слуги с прохладительным идут.
 Не можете? Торопитесь? Ну что же.
 Благодарю. Прощайте. Добрый путь.
 Светите им! А я на боковую.
 Ах, черт, а ведь и правда поздний час!
 Пора в постель.

Капулетти и другие уходят.

ДЖУЛЬЕТТА

Кормилица, послушай:

Кто этот гость у выхода в углу?

КОРМИЛИЦА

Сын и наследник старика Тиберью.

Бенволио уходит.

ДЖУЛЬЕТТА

А этот вот, который стал в дверях?

КОРМИЛИЦА

А это, кажется, Петруччо-младший.

Меркуцио уходит.

ДЖУЛЬЕТТА

А тот, который подошел к нему

И не охотник танцевать?

Ромео уходит.

КОРМИЛИЦА

Не знаю.

ДЖУЛЬЕТТА

Поди узнай-ка.

Кормилица удаляется к расходящимся.

Если он женат,

Пусть для венчанья саван мне кроят.

КОРМИЛИЦА *(возвращаясь)*

Его зовут Ромео. Он Монтекки,

Сын вашего заклятого врага.

ДЖУЛЬЕТТА

Я воплощенье ненавистной силы

Некстати по незнанию полюбила!

Что могут обещать мне времена,

Когда врагом я так увлечена?

КОРМИЛИЦА

Что ты бормочешь?

ДЖУЛЬЕТТА

Так, стихи, пустое.

На танцах в парке кто-то подсказал.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ *(за сценой)*

Джульетта!

КОРМИЛИЦА

Слышим, слышим! Знаю, знаю!

Все разошлись. Пойдем и мы, родная.

Уходят. Входит хор.

ХОР

Былая страсть лежит на смертном ложе,

И новая на смену ей пришла.

И бывшая Ромео всех дороже

Перед Джульеттой больше не мила.

Хотя любовь их все непобедимей,

Они пока еще разделены.

Исконная вражда семей меж ними

Разрыла пропасть страшной глубины.

В ее семье Монтекки ненавидят,

В глазах родни Ромео не жених.

Когда и где она его увидит

И как спасет от ненависти их?

Но страсть их учит побеждать страданье

И им находит способ для свиданья.

Хор уходит.

АКТ II

СЦЕНА I

У стены сада Капулетти.

Входит Ромео.

РОМЕО

Куда уйду я, если сердце здесь?

Вращайся вокруг планеты, бедный спутник!

(Перелезает через стену сада.)

Входят Бенволио и Меркуцио.

БЕНВОЛИО

Ромео, стой!

МЕРКУЦИО

Ромео не дурак:

Он дома и, наверное, в постели.

БЕНВОЛИО

Он перелез чрез эту стену в сад.

Погромче позови его, Меркуцио.

МЕРКУЦИО

Звать мало — вызову его, как тень.

Ромео! Сумасшедший обожатель!

Стань предо мной, как облачко, как вздох!

Произнеси полстрочки, и довольно.

Скажи «увы». Срифмуй «любовь» и «кровь».

К Венере обратись иль Купидону.

Скажи, что это мерзкий сорванец

С подбитым глазом. Расскажи легенду

О нищей и царе Кофетуа*.

Не слышит, не колышется, не дышит.

Бедняга мертв, а я зову его!

Зову тебя во имя Розалины,

Ее горящих глаз и влажных губ,

Крутого лба и стройных ног и бедер

И прочих околичностей, проснись

И выйди к нам.

БЕНВОЛИО

Он может рассердиться.

МЕРКУЦИО

А, собственно, на что? Иной вопрос,

Когда бы я к его любезной вызвал

Другого и оставил их вдвоем.

Но я ведь заклинаю дух Ромео

В его прямом и собственном лице.

Он должен оценить, а не сердиться.

БЕНВОЛИО

Идем отсюда. Он засел в кустах.

Его слепые чувства одолели.

МЕРКУЦИО

Слепая страсть не достигает цели.

Он, верно, тут, под деревом, застыл

И сожалеет, что его царица

Не ягода садовая кизил,
Чтоб в рот к нему без косточки свалиться.
О, если б ягодой она была!
Ну и дурак набитый ты, Ромео!
Прощай, однако. Поспешу в постель.
В твоей походной койке страшный холод.
Идем, Бенволио.

БЕНВОЛИО

Идем. Зачем
Искать того, кто найден быть не хочет?

СЦЕНА 2

Сад Капулетти.

Входит Ромео.

РОМЕО

Им по незнанию эта боль смешна.
Но что за блеск я вижу на балконе?
Там брезжит свет. Джульетта, ты как день!
Стань у окна, убей луну соседством;
Она и так от зависти больна,
Что ты ее затмила белизною.

На балконе показывается Джульетта.

Оставь служить богине чистоты.
Плат девственницы жалок и невзрачен.
Он не к лицу тебе. Сними его.
О милая! О жизнь моя! О радость!
Стоит, сама не зная, кто она.
Губами шевелит, но слов не слышно.
Пустое, существует взглядов речь!
О, как я глуп! С ней говорят другие.
Две самых ярких звездочки, спеша
По делу с неба отлучиться, просят
Ее глаза покамест посверкать.
Ах, если бы глаза ее на деле
Переместились на небесный свод!
При их сиянье птицы бы запели,
Принявши ночь за солнечный восход.
Стоит одна, прижав ладонь к щеке.

О чем она задумалась украдкой?
О, быть бы на ее руке перчаткой,
Перчаткой на руке!

ДЖУЛЬЕТТА

О горе мне!

РОМЕО

Проговорила что-то. Светлый ангел,
Во мраке над моею головой
Ты реешь, как крылатый вестник неба
Вверху, на недоступной высоте,
Над изумленной толпой народа,
Которая следит за ним с земли.

ДЖУЛЬЕТТА

Ромео, как мне жаль, что ты Ромео!
Отринь отца да имя измени,
А если нет, меня женою сделай,
Чтоб Капулетти больше мне не быть.

РОМЕО

Прислушиваться дальше иль ответить?

ДЖУЛЬЕТТА

Лишь это имя мне желает зла.
Ты б был собой, не будучи Монтекки.
Что есть Монтекки? Разве так зовут
Лицо и плечи, ноги, грудь и руки?
Неужто больше нет других имен?
Что значит имя? Роза пахнет розой,
Хоть розой назови ее, хоть нет.
Ромео под любым названьем был бы
Тем верхом совершенств, какой он есть.
Зовись иначе как-нибудь, Ромео,
И всю меня бери тогда взамен!

РОМЕО

О, по рукам! Теперь я твой избранник!
Я новое крещение приму,
Чтоб только называться по-другому.

ДЖУЛЬЕТТА

Кто это проникает в темноте
В мои мечты заветные?

РОМЕО

Не смею

Назвать себя по имени. Оно

Благодаря тебе мне ненавистно.
Когда б оно попалося мне в письме,
Я б разорвал бумагу с ним на клочья.

ДЖУЛЬЕТТА

Десятка слов не сказано у нас,
А как уже знаком мне этот голос!
Ты не Ромео? Не Монтекки ты?

РОМЕО

Ни тот, ни этот: имена запретны.

ДЖУЛЬЕТТА

Как ты сюда пробрался? Для чего?
Ограда высока и неприступна.
Тебе здесь неминуемая смерть,
Когда б тебя нашли мои родные.

РОМЕО

Меня перенесла сюда любовь,
Ее не останавливают стены.
В нужде она решается на все,
И потому — что мне твои родные!

ДЖУЛЬЕТТА

Они тебя увидят и убьют.

РОМЕО

Твой взгляд опасней двадцати кинжалов.
Взгляни с балкона дружелюбней вниз,
И эго будет мне от них кольчугой.

ДЖУЛЬЕТТА

Не попадись им только на глаза!

РОМЕО

Меня плащом укроет ночь. Была бы
Лишь ты тепла со мною. Если ж нет,
Предпочитаю смерть от их ударов,
Чем долгий век без нежности твоей.

ДЖУЛЬЕТТА

Кто показал тебе сюда дорогу?

РОМЕО

Ее нашла любовь. Я не моряк,
Но если б ты была на крае света,
Не медля мига, я бы, не страшась,
Пустился в море за таким товаром.

ДЖУЛЬЕТТА

Мое лицо спасает темнота,

А то б я, знаешь, со стыда сгорела,
Что ты узнал так много обо мне.
Хотела б я восстановить приличие,
Да поздно, притворяться ни к чему.
Ты любишь ли меня? Я знаю, верю,
Что скажешь «да». Но ты не торопись.
Ведь ты обманешь. Говорят, Юпитер*
Пренебрегает клятвами любви.
Не лги, Ромео. Это ведь не шутка.
Я легковойной, может быть, кажусь?
Ну ладно, я исправлю впечатление
И откажу тебе в своей руке.
Чего не сделала бы добровольно.
Конечно, я так сильно влюблена,
Что глупою должна тебе казаться,
Но я честнее многих недотрог,
Которые разыгрывают скромниц.
Мне б следовало сдержаннее быть,
Но я не знала, что меня услышат.
Прости за пылкость и не принимай
Прямых речей за легкость и доступность.

РОМЕО

Мой друг, клянусь сияющей луной,
Посеребрившей кончики деревьев...

ДЖУЛЬЕТТА

О, не клянись луною, в месяц раз
Меняющейся,— это путь к изменам.

РОМЕО

Так чем мне клясться?

ДЖУЛЬЕТТА

Не клянись ничем

Или клянись собой, как высшим благом,
Которого достаточно для клятв.

РОМЕО

Клянусь, мой друг, когда бы это сердце...

ДЖУЛЬЕТТА

Не надо, верю. Как ты мне ни мил,
Мне страшно, как мы скоро сговорились.
Все слишком второпях и горяча,
Как блеск зарниц, который потухает,
Едва сказать успеешь «блеск зарниц».

Спокойной ночи! Эта почка счастья
Готова к цвету в следующий раз.
Спокойной ночи! Я тебе желаю
Такого же пленительного сна,
Как светлый мир, которым я полна.

РОМЕО

Но как оставить мне тебя так скоро?

ДЖУЛЬЕТТА

А что прибавить к нашему сговору?

РОМЕО

Я клятву дал. Теперь клянись и ты.

ДЖУЛЬЕТТА

Я первая клялась и сожалею,
Что дело в прошлом, а не впереди.

РОМЕО

Ты б эту клятву взять назад хотела?

ДЖУЛЬЕТТА

Да, для того, чтоб дать ее опять.
Мне не подвластно то, чем я владею.
Моя любовь без дна, а доброта —
Как ширь морская. Чем я больше трачу,
Тем становлюсь безбрежной и богаче.

Голос кормилицы за сценой.

Меня зовут. Я ухожу. Прощай.—
Иду, иду! — Прости, не забывай.
Я, может быть, вернусь еще. Постой-ка.
(Уходит.)

РОМЕО

Святая ночь, святая ночь! А вдруг
Все это сон? Так непомерно счастье,
Так сказочно и чудно это все!

На балкон возвращается Джульетта.

ДЖУЛЬЕТТА

Еще два слова. Если ты, Ромео,
Решил на мне жениться не шутя,
Дай завтра знать, когда и где венчанье.
С утра к тебе придет мой человек
Узнать на этот счет твое решение.

Я все добро сложу к твоим ногам
И за тобой последую повсюду.

КОРМИЛИЦА *(за сценой)*

Голубушка!

ДЖУЛЬЕТТА

Иду! Сию минуту! —

А если у тебя в уме обман,

Тогда, тогда...

КОРМИЛИЦА *(за сценой)*

Голубушка!

ДЖУЛЬЕТТА

Немедля

Оставь меня и больше не ходи.

Я завтра справлюсь.

РОМЕО

Я клянусь спасеньем...

ДЖУЛЬЕТТА

Сто тысяч раз прощай.

(Уходит.)

РОМЕО

Сто тысяч раз

Вздохну с тоской вдали от милых глаз.

К подругам мы — как школьники домой,

А от подруг — как с сумкой в класс зимой.

(Направляется к выходу.)

На балкон возвращается Джульетта.

ДЖУЛЬЕТТА

Ромео, где ты? Дудочку бы мне,

Чтоб эту птичку приманить обратно!

Но я в неволе, мне кричать нельзя,

А то б я эхо довела до хрипа

Немолчным повтореньем этих слов:

Ромео, где ты? Где же ты, Ромео?

РОМЕО

Моя душа зовет меня опять.

Как звонки ночью голоса влюбленных!

ДЖУЛЬЕТТА

Ромео!

РОМЕО

Милая!

ДЖУЛЬЕТТА

В каком часу

Послать мне завтра за ответом?

РОМЕО

В девять.

ДЖУЛЬЕТТА

До этого ведь целых двадцать лет!

Мученье ждать... Что я сказать хотела?

РОМЕО

Припомни, я покамест постою.

ДЖУЛЬЕТТА

Постой, покамест я опять забуду,

Чтоб только удержать тебя опять.

РОМЕО

Припоминай и забывай, покуда,

Себя не помня, буду я стоять.

ДЖУЛЬЕТТА

Почти светает. Шел бы ты подальше.

А как, скажи, расстаться мне с тобой?

Ты как ручная птичка щеголихи,

Привязанная ниткою к руке.

Ей то дают взлететь на весь подвесок,

То тащат вниз на шелковом шнурке.

Вот так и мы с тобой.

РОМЕО

Мне б так хотелось

Той птицей быть!

ДЖУЛЬЕТТА

О, этого и я

Хотела бы, но я бы умертвила

Тебя своими ласками. Прощай!

Прощай, прощай, а разойтись нет мочи!

Так и твердить бы век: «Спокойной ночи».

(Уходит.)

РОМЕО

Прощай! Спокойный сон к тебе приди

И сладкий мир разлей в твоей груди!

А я к духовнику отправлюсь в келью

Поговорить о радости и деле.

(Уходит.)

СЦЕНА 3

Келья брата Лоренцо.

Входит брат Лоренцо с корзиной.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Ночь сердится, а день исподтишка
Расписывает краской облака.
Как выпившие, кренделя рисуя,
Остатки тьмы пустились врассыпную.
Пока роса на солнце не сошла
И держится предутренняя мгла,
Наполню я свой кузовок плетеный
Целебным зельем и травой сонной.
Земля — праматерь всех пород, их цель.
Гробница их и вновь — их колыбель.
Все, что на ней, весь мир ее зеленый
Сосет ее, припав к родному лону.
Она своим твореньям без числа
Особенные свойства раздала.
Какие поразительные силы
Земля в камни и цветы вложила!
На свете нет такого волокна,
Которым не гордилась бы она,
Как не отыщешь и такой основы,
Где не было бы ничего дурного.
Полезно все, что кстати, а не в срок —
Все блага превращаются в порок.
К примеру, этого цветка сосуды:
Одно в них хорошо, другое худо.
В его цветах — целебный аромат,
А в листьях и корнях — сильнейший яд.
Так надвое нам душу раскололи
Дух доброты и злого своеволия.
Однако в тех, где побеждает зло,
Зияет смерти черное дупло.

РОМЕО (*за сценой*)

Отец!

БРАТ ЛОРЕНЦО

Благословение господне!

Кому б ко мне в такую рань сегодня?

Входит Ромео.

Ах, это ты? Вполне ли ты здоров,
Что пробудился раньше петухов?
Иное дело старость и заботы:
У них свои с бессонницею счеты.
Но в молодые годы крепкий сон,
Мне кажется, единственный закон.
Ты неспроста горишь усердьем ранним,
А по каким-то важным основаниям.
Ты должен был по нездоровью встать,
А то и вовсе не ложился спать?

РОМЕО

Ты прав. Об этом не было помину.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Прости, господь! Ты был у Розалины?

РОМЕО

Нет, с Розалиной у меня конец.

Я имя позабыл ее, отец.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Я одобряю. Что ж ты так сияешь?

РОМЕО

Сейчас, отец, ты главное узнаешь:

Вчера я ранен был, придя на бал,

И на удар ударом отвечал.

Перевяжи нас поскорей обоих.

Вот я зачем в твоих святых покоях.

Как заповедь твоя мне дорога!

Я зла не помню и простил врага.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Попроше, сын. Что отвечать я стану,

Когда так исповедь твоя туманна?

РОМЕО

Дочь Капулетти, знай, я полюбил,

И ей такую же любовь внушил.

Мы друг без друга часа не протянем,

Все слажено, и дело за венчаньем.

Теперь скорее по делам пойдем.

Подробности я расскажу потом.

Но раньше мне пообещай, однако,

Сегодня взяться за свершение брака.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Святой Франциск, какой переворот!

О Розалине уж и речь нейдет.
Привязанности нашей молодежи
Не в душах, а в концах ресниц, похоже.
Скажи, по ком недавно, вертопрах,
Я видел слезы на твоих глазах?
Рассолу сколько, жалости в приправу,
Без всякой пользы вылито в канаву?
Давно ли замер твой последний вздох?
Давно ли безутешный стон заглох
И побледнели слез следы и пятна?
Чьи это были чувства, непонятно.
Я, может, ошибаюсь и похвал
В честь Розалины ты не расточал?
Но если так мужское слово шатко,
Какого ждать от женщины порядка?

РОМЕО

Не за нее ль бывал мне нагоняй?

БРАТ ЛОРЕНЦО

Не за нее — за резвость через край.

РОМЕО

Вот я и охладел к ней тем скорее.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Чтоб новою увлечься вслед за нею?

РОМЕО

Но эта предыдущей не чета.

Та злобилась, а эта — доброта.

БРАТ ЛОРЕНЦО

И хорошо, что злилась. За любовью

Она угадывала пустословье.

Но я с тобою, юный ветрогон.

Я к вам обоим вот чем привлечен:

Мне видится в твоей второй зазнобе

Развязка вашего междоусобья.

РОМЕО

Прошу, скорей!

БРАТ ЛОРЕНЦО

Прошу не торопить:

Тот падает, кто мчится во всю прыть.

Уходят.

СЦЕНА 4

Улица.

Входят Бенволио и Меркуцио.

МЕРКУЦИО

Где носят черти этого Ромео?

Он был сегодня ночью дома?

БЕНВОЛИО

Нет.

Я там справлялся.

МЕРКУЦИО

Эта Розалина

Своей пустой, бессовестной игрой

Беднягу доведет до полоумья.

БЕНВОЛИО

Слышал? Тибальт, племянник Капулетти,

Прислал ему письмо.

МЕРКУЦИО. Вызов, вот увидите.

БЕНВОЛИО. Ромео ответит.

МЕРКУЦИО. Ничего удивительного. Ответить на письмо — не хитрость.

БЕНВОЛИО. Нет, он ответит принятием вызова.

МЕРКУЦИО. Бедный Ромео! Он и так уже мертв от черного глаза белой лиходейки. Уши у него прострелены серенадами, сердце — любовною стрелой. И такому-то тягаться с Тибальтом!

БЕНВОЛИО. А что такое Тибальт?

МЕРКУЦИО. Нечто посущественней кота Тибальта из сказки*, можешь мне поверить. В делах чести — настоящий дьявол. Фехтует, как по нотам: раз, два, а три уже сидит по рукоятку у тебя в брюхе. Такой дуэлист, что мое почтение! А его бессмертные *passado*, его *punto reverso*, его *hai*!

БЕНВОЛИО. Его что?

МЕРКУЦИО. Это из их дурацкой тарабарщины, чтоб их черт побрал! Только и слышишь: «Готов побойться, вот это клинок! Бьюсь об заклад, вот это мужчина! Провалиться, вот это девка!» И откуда их столько берется, этих мух заморских с их модными *pardonnez moi* и *bon, bon*! А их широченные штаны, от которых не стало места на старых лавках!

Входит Ромео.

БЕНВОЛИО. Гляди-ка, никак, Ромео!

МЕРКУЦИО. Моща мощой, как высохшая селедка! О бедная плоть человеческая, до чего же ты уподобилась рыбьей! Вот кому теперь растекаться стихами вроде Петрарки*, благо перед его милой Лаура не больше, чем кухонная замарашка. Бонжур, синьор Ромео! Французский поклон вашим французским штанам. Здрово вы нас вчера надули!

РОМЕО. Здравствуйте оба. Надул? Каким образом?

МЕРКУЦИО. А как же: уговор был идти вместе, а вы улизули.

РОМЕО. Прости, милый Меркуцио, я теперь так занят! В делах, как мои, не до условностей.

МЕРКУЦИО. Еще бы! В делах, как твои, приходится ползать на коленях.

РОМЕО. Весьма вежливое соображение.

МЕРКУЦИО. Еще бы! Я цвет вежливости.

РОМЕО. Гвоздика, наверное.

МЕРКУЦИО. Совершенно верно.

РОМЕО. Вроде гвоздики на моих башмачных застегках.

МЕРКУЦИО. Ах, как остроумно! Развивай эту сапожную остроуту, пока не сотрешь на ней подошвы. О, единственное в мире остроумие, натянутое и долговечное, как стелька!

РОМЕО. Зато ты — сама естественность. Ты воображаешь, что от натянутости тебя спасает твоя распушенность?

МЕРКУЦИО. Ну что, это не лучше твоих «охов» и «ахов»? Теперь с тобой можно разговаривать, ты — Ромео, ты — то, что ты есть и чем должен казаться. А эта чертова твоя любовь — как слюнявая юродивая, которая ходит из угла в угол, укачивая деревянную чурку и кутая ее в тряпки.

БЕНВОЛИО. Довольно, довольно.

МЕРКУЦИО. Ты боишься, что это будет против шерстки?

БЕНВОЛИО. Я боюсь, что этому не будет конца.

МЕРКУЦИО. Ошибаешься. Я добрался до сущности и кончаю.

РОМЕО. Обратите внимание, вот так зрелище!

Входят кормилица и Петр.

МЕРКУЦИО. На горизонте парус!

БЕНВОЛИО. Целых два: юбка и штаны.

КОРМИЛИЦА. Петр!

ПЕТР. Что изволите?

КОРМИЛИЦА. Мой веер, Петр.

МЕРКУЦИО. Дай ей веер, чтобы прикрыться. Он исправит ей внешность.

КОРМИЛИЦА. С добрым утром, добрые государи!

МЕРКУЦИО. С добрым вечером, добрая государыня!

КОРМИЛИЦА. Разве уж вечер?

МЕРКУЦИО. По-видимому. В вашей жизни — бесспорно.

КОРМИЛИЦА. А ну вас, право! Что вы за человек!

РОМЕО. Природою, сударыня, он создан себе на посмеянье.

КОРМИЛИЦА. Любопытно! Себе, говорите, на посмеянье? Но дело не в этом. Кто мне скажет, где найти молодого Ромео?

РОМЕО. Извольте. Только молодой Ромео будет немного старше, когда вы его найдете, чем во время поисков. Из людей с этим именем я самый младший, за неимением худшего.

КОРМИЛИЦА. Если вы Ромео, мне надо вам сказать что-то доверительное.

БЕНВОЛИО. Увидишь, она зазовет его куда-нибудь на ужин.

МЕРКУЦИО. Ай да сводня! Ату ее, ату ее!

РОМЕО. Кого ты выследил?

МЕРКУЦИО. К сожалению, не зайца. Или такого, который за старостью может считаться постным. *(Поет.)*

Если зайца кусок

Запечь в пирог,

Ты им постного не оскормишь.

Но бывает, что так

Староват русак —

Тронешь вилкою, зуб переломишь.

Ромео, собираешься ли ты домой? Мы идем к вашим обедать.

РОМЕО. Сейчас я подоспею.

МЕРКУЦИО. Прощайте, старая барыня, прощайте!

КОРМИЛИЦА. Прощайте, скатертью дорога.

Меркуцио и Бенволио уходят.

Объясните мне, сударь, кто этот нахал, бог знает что о себе возомнивший?

РОМЕО. Это молодой человек, который любит послушать себя и в час наговорит столько, что будет жалеть об этом целый месяц.

КОРМИЛИЦА. Если это он на мой счет, ему не поздоровится, будь он вдесятеро вострей двадцати таких же выскочек. Я покажу ему, как смеяться надо мною! А если не покажу, все равно найдутся, которые покажут. Подлый хвостун! Ты это со своими сударками так разговаривай или с кем-нибудь из твоих поганных забулдыг! (*Обращаясь к Петру.*) А этот тоже хорош! Стоит как пень и смотрит, как каждый негодяй делает с его госпожой что хочет.

ПЕТР. Я этого не замечал. Я бы таких вещей не потерпел и на месте вынул бы оружие. Я пускаю в дело шпагу ничуть не хуже всякого, едва вижу к этому повод и когда знаю, что закон на моей стороне.

КОРМИЛИЦА. Боже правый, я до сих пор не могу прийти в себя, и всю меня так и трясет! Подлый хвостун!.. Ах, сэр, ведь я-то пришла совсем по другому делу. Моя барышня, как говорится, просила меня узнать. Что она просила, это, конечно, моя тайна, но если вы, сударь, собираетесь ее одурачить, это я уж просто слов не найду, как нехорошо. Потому что моя барышня совсем еще молоденькая, и если вы ее обманете, хорошие люди так не поступают. И вам так не годится, ей-богу, не годится.

РОМЕО. погоди, нянюшка. Во-первых, передай от меня барышне поклон. Уверяю тебя...

КОРМИЛИЦА. Я передам ей это, добрая вы душа. То-то она обрадуется!

РОМЕО. Что передать ты хочешь? Я и рта ведь не успел еще открыть порядком.

КОРМИЛИЦА. Передам, что вы уверяете. Это, как я полагаю, изъяснение немаловажное.

РОМЕО

Скажи, что под любым предлогом надо

К полудню ей на исповедь прийти.

Нас с нею обвенчает брат Лоренцо.

Не спутаешь? А это за труды.

КОРМИЛИЦА

Да полноте, не надо ни полушки.

РОМЕО

Ну вот еще! Дают, так надо брать.

КОРМИЛИЦА

Устрою, ладно. Приведу к полудню.

РОМЕО

А ты постой у монастырских врат
И там покараулишь человека
С версочною лестницей. По ней
Взберусь я ночью на вершину счастья.
Я за услуги отблагодарю.
Теперь прощай. Поклон твоей хозяйке.

КОРМИЛИЦА

Спаси вас бог! Послушайте-ка, сэр...

РОМЕО

Что, нянюшка?

КОРМИЛИЦА

А человек-то верный?

К чему нам третий, в толк я не возьму.

Меня б одну, а третий ни к чему.

РОМЕО

Ручаюсь, он надежнее железа.

КОРМИЛИЦА. Ну хорошо, сэр. Моя барышня... Господи, господи!.. Когда она была маленькая... Слушайте, здесь в городе есть молодой человек, некто Парис, который бы не прочь ее заполучить. Но для нее он все равно что лягушка — ей-богу, все равно что лягушка. Она терпеть не может, когда я говорю, что этот Парис более подходящая партия, чем вы, и при этих словах белеет, как полотно. Что, слова «розмарин» и «Ромео» не на одну букву?*

РОМЕО. На одну, нянюшка. Что ж из этого? Оба начинаются на «эр».

КОРМИЛИЦА. Какие вы насмешники! Это собачья буква. «Эр» — совсем другое дело. Ваше имя начинается не так. Я знаю, она придумывает всякие словечки на вас и розмарин. Вам бы страшно понравилось.

РОМЕО. Поклон барышне.

КОРМИЛИЦА. Да, тысяча поклонов.

Ромео уходит.

Петр!

ПЕТР. Чего изволите?

КОРМИЛИЦА. Возьми мой веер и ступай вперед проворней.

Уходят.

СЦЕНА 5

Сад Капулетти.

Входит Джульетта.

ДЖУЛЬЕТТА

Кормилицу я в девять отослала.
Она хотела сбежать в полчаса.
Они не разминулись? Быть не может.
Нет, попросту она плохой ходок.
Рассыльными любви должны быть мысли,
Они быстрее солнечных лучей,
Несущихся в погоне за теньями.
Вот что торопит почту голубей
И отчего у Купидона крылья.
Однако солнце уж над головой
И три часа от девяти до полдня,
Ее же нет как нет. Когда б она
Была с горячей кровью и страстями,
Она летала б с легкостью мяча
Между моим возлюбленным и мною.
Но это право старых хитрецов —
Плестись и мешкать, корча мертвецов.

Входят кормилица и Петр.

Но вот она. Кормилица, родная!
Что нового? Ты видела его?
Спровадь Петра.

КОРМИЛИЦА

Ступай-ка, брат, к воротам.

Петр уходит.

ДЖУЛЬЕТТА

Ну, няня... Чем ты так огорчена?
Дурных вестей не множь угрюмым видом,
Но если сообщения хороши,
Их портит кислая твоя улыбка.

КОРМИЛИЦА

Я утомилась. Дай передохну.
Концы — не шутка. Ноги отходила.

ДЖУЛЬЕТТА

Мои бы кости за твою бы весть
Готова в жертву я тебе принести!

КОРМИЛИЦА

Подумаешь, горячка! Ты не видишь —
Одышка одолела, я без сил.

ДЖУЛЬЕТТА

А на одышку плакаться есть силы?
Ах, нянюшка, твои обиняки
Длинней иного полного рассказа!
В порядке ли дела у нас иль нет?
Скажи, я успокоюсь и отстану.
Итак, скажи, в порядке ли дела?

КОРМИЛИЦА. Сама знаешь, в каком порядке. Навязала себе сокровище! Без меня выбирала, на себя и пеняй. Ромео! Ну, что поделаешь... Конечно, лицом он хорош, но фигура еще лучше. О руках и ногах, конечно, нечего и говорить, но они выше всякого сравнения. Да что уж там... Служи, детка, молен. Вы еще не обедали?

ДЖУЛЬЕТТА

Нет, нет. Но я все это знала раньше.
Со свадьбой как? Что он о ней сказал?

КОРМИЛИЦА

Головушку как ломит, инда треснет
И разлетится на двадцать кусков!
А поясница-то, а поясница!
Ты полагаешь, бог тебе простит,
Что до смерти меня ты загоняла?

ДЖУЛЬЕТТА

Мне очень жаль, что ты удручена,
Но что сказал он, золотая няня?

КОРМИЛИЦА. Как полагается человеку доброму, красивому и, главное, порядочному, он сказал... Где матушка твоя?

ДЖУЛЬЕТТА

Где матушка моя? Она в дому.
А где ж ей быть? Какой ответ нелепый!
«Как люди с воспитаньем, он сказал:
«Где матушка твоя?»»

КОРМИЛИЦА

О боже правый!
Вот егоза! И этот нетерпеж —
Моим костям заслуженная грелка?
Вперед летай с записками сама.

ДЖУЛЬЕТТА

Вот мука-то! Что говорит Ромео?

КОРМИЛИЦА

Ты б пынче исповедаться могла?

ДЖУЛЬЕТТА

Могу.

КОРМИЛИЦА

Тогда беги к Лоренцо в келью...

Там муж твой сделает тебя женой.

Инь кровь-то как, злодейка, заиграла!

Зарделась, только палец покажи!

Ну вот. Ты в храм, а у меня забота:

Веревочная лестница нужна

Для твоего ночного шатуна.

Кто хочет, всяк меня, старуху, мучит.

Да ночью и тебя, смотри, навьючат.

Пойду поесть. А ты не опоздай.

ДЖУЛЬЕТТА

Иду, иду, родимая! Прощай!

Уходят.

СЦЕНА 6

Келья брата Лоренцо.

Входят брат Лоренцо и Ромео.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Брак надо достоительно освятить,

Чтобы о том впоследствии не плакать.

РОМЕО

Аминь! Что б ни грозило впереди,

Все беды перевешивает счастье

Свидания с Джульеттой хоть на миг.

С молитвою соедини нам руки,

А там хоть смерть. Я буду ликовать,

Что хоть минуту звал ее своею.

БРАТ ЛОРЕНЦО

У бурных чувств неистовый конец,

Он совпадает с мнимой их победой.

Разрывом слиты порох и огонь,

Так сладок мед, что, наконец, и гадок:

Избыток вкуса отбивает вкус.
Не будь ни расточителем, ни скрягой:
Лишь в чувстве меры истинное благо.

Входит Джульетта.

Вот и она. Столь легкая нога
Еще по этим плитам не ступала.
Влюбленный дух, наверно, невесом,
Как нити паутины бабьим летом.

ДЖУЛЬЕТТА

Привет тебе, духовный мой отец!

БРАТ ЛОРЕНЦО

Благодари, Ромео, за обоих.

РОМЕО

Скажи, Джульетта, так же ль у тебя
От счастья бьется сердце? Если так же,
Найди слова, которых я лишен,
Чтоб выразить, что нас переполняет.
Пропой хоть звук из хора голосов,
Которые бушуют в нашей встрече.

ДЖУЛЬЕТТА

Богатство чувств чуждается прикрас,
Лишь внутренняя бедность многословна.
Любовь моя так страшно разрослась,
Что мне не охватить и половины.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Пойдем и поскорей все обрядим.
Не повенчав, с такою речью страстной
Вас оставлять одних небезопасно.

Уходят.

АКТ III

СЦЕНА I

Площадь.

Входят Меркуцио, Бенволио, паж и слуги.

БЕНВОЛИО

Прошу тебя, Меркуцио, уйдем.
Сегодня жарко. Всюду Капулетти.
Нам неприятностей не избежать,
И в жилах закипает кровь от зноя.

МЕРКУЦИО. Ты похож на тех, кто, входя в трактир, кладут шпагу на стол со словами: «Пронеси, господи!», и хватаются за нее при второй чарке без надобности.

БЕНВОЛИО. Разве я таков?

МЕРКУЦИО. Милый мой, ты горяч, как все в Италии, и так же склонен к безрассудствам и безрассуден в склонностях.

БЕНВОЛИО. Неужто?

МЕРКУЦИО. А то нет? Он еще сомневается! Ведь ты готов лезть с кулаками на всякого, у кого на один волос больше или меньше в бороде, чем у тебя, или только за то, что человек ест каштаны, в то время как у тебя глаза каштанового цвета. Голова у тебя набита кулачными соображениями, как яйцо — здоровою пищей, и, совершенно как яйцо, сбита всмятку вечными потасовками. Разве ты не поколотил человека за то, что он кашлянул на улице и разбудил твою собаку, лежавшую на солнце? Разве ты не набросился на портного, осмелившегося надеть новую пару до пасхи, или на кого-то другого за то, что он новые башмаки подвязал старыми лентами? И такой-то хочет научить меня миролюбию!

БЕНВОЛИО. Если бы я любил ссоры, как ты, я дал бы застраховать себя с гарантией на час с четвертью.

МЕРКУЦИО. Застраховать себя! Эх ты, гарантия!

Входят Тибальт и другие.

БЕНВОЛИО. Ручаюсь головой, вот Капулетти.

МЕРКУЦИО. Ручаюсь пяткой, мне и дела нет.

ТИБАЛЬТ. За мной, друзья! Я потолкую с ними.— Словечко-два, не больше, господа!

МЕРКУЦИО. Словечко-два? Скажите, какая важность! Я думал, удар-другой.

ТИБАЛЬТ. Я всегда готов к вашим услугам, дайте мне только повод.

МЕРКУЦИО. Его еще надо давать?

ТИБАЛЬТ. Меркуцио, ты в компании с Ромео?

МЕРКУЦИО. В компании? Это еще что за выражение! Что мы, в артели бродячих музыкантов? Если так, то не прогневайтесь. Вот мой смычок, которым я вас заставлю попрыгать. Это мне нравится! В компании!

БЕНВОЛИО

Напрасно мы шумим среди толпы.

Одно из двух: уединимся — либо

Обсудим спор с холодною душою
И разойдемся. Отовсюду смотрят.

МЕРКУЦИО

И на здоровье. Для того глаза.
Пушай их смотрят. Я не сдвинулся с места.

Входит Ромео.

ТИБАЛЬТ

Отстаньте! Вот мне нужный человек.

МЕРКУЦИО

Ваш человек? К чему же он приставлен?
По-видимому, состоять при вас
Противником на вашем поединке.

ТИБАЛЬТ

Ромео, сущность чувств моих к тебе
Вся выразима в слове: ты мерзавец.

РОМЕО

Тибальт, природа чувств моих к тебе
Ведит простить твою слепую злобу.
Я вовсе не мерзавец. Будь здоров.
Я вижу, ты меня совсем не знаешь.

ТИБАЛЬТ

Словами раздраженья не унять,
Которое всегда ты возбуждаешь.

РОМЕО

Неправда, я тебя не обижал.
А скоро до тебя дойдет известье,
Которое нас близко породнит.
Расстанемся друзьями, Капулетти!
Едва ли знаешь ты, как дорог мне.

МЕРКУЦИО

Трусливая, презренная покорность!
Я кровью должен смыть ее позор!
Как, крысолов Тибальт, ты прочь уходишь?
(Обнажает шпагу.)

ТИБАЛЬТ

Что, собственно, ты хочешь от меня?

МЕРКУЦИО. Одну из твоих девяти жизней, кошачий царь*, в ожидании восьми остальных, которые я выколочу следом.

Тащи за уши свою шпагу, пока я не схватил тебя за твои собственные!

ТИБАЛЬТ

С готовностью! *(Обнажает шпагу.)*

РОМЕО

Меркуцио, оставь!

МЕРКУЦИО

Ну, сударь мой, а где *passado* ваше?

Бьются.

РОМЕО

Вынь меч, Бенвольо! Выбивай из рук

У них оружие. Господа, стыдитесь!

Тибальт! Меркуцьо! Князь ведь запретил

Побоища на улицах Вероны.

Постой, Тибальт! Меркуцьо!

Из под руки Ромео Тибальт ранит Меркуцио и скрывается со своими сообщниками.

МЕРКУЦИО

Заколот!

Чума возьми семейства ваши оба!

А сам ушел — и цел?

БЕНВОЛИО

Большой укол?

МЕРКУЦИО

Царапина. Но и такой довольно.

Где паж мой? Сбегай, мальчик, за врачом.

Паж уходит.

РОМЕО

Мужайся, рана ведь не из глубоких.

МЕРКУЦИО. Ну конечно, колодцы глубже и церковные двери шире. Но довольно и этой. Кликни меня завтра, и тебе скажут, что я отбежался. Для этого света я переперчен, дело ясное. Чума возьми семейства ваши оба! Ах, собака, и крыса, и кошка! Зацарапать человека до смерти! Подлец бессовестный! Выучился драться по книжке! Какого черта затесались вы между нами? Меня ранили из-под вашей руки!

РОМЕО

Я вас хотел разнять.

МЕРКУЦИО

Веди, Бенвольо,

Куда-нибудь. Я чувств сейчас лишусь.

Чума возьми семейства ваши оба!

Я из-за вас стал кормом для червей.
Всё прахом!

Бенволио уходит с Меркуцио.

РОМЕО

Он — мой друг и родич князя
И ранен тяжело из-за меня.
Я молча снес смертельную обиду:
Меня пред всеми оскорбил Тибальт,
Тибальт, который скоро больше часу
Стал мне родным! Благодаря тебе,
Джульетта, становлюсь я слишком мягким.

Бенволио возвращается.

БЕНВОЛИО

Ромео, наш Меркуцио угас.
Его бесстрашный дух вознесся к небу,
С презрением отвернувшись от земли.

РОМЕО

Недобрый день! Одно убийство это —
Грядущего недобрая примета.

Возвращается Тибальт.

БЕНВОЛИО

Ты видишь, вот опять Тибальт кровавый!

РОМЕО

Как, невредим и на вершине славы?
А тот убит? Умолкни, доброта!
Огненноокий гнев, я твой отныне!
Тибальт, возьми обратно подлеца,
Которого сказал мне! Дух Меркуцио
Еще не отлетел так далеко,
Чтобы тебя в попутчики не жаждать.
Ты или я разделим этот путь.

ТИБАЛЬТ

Нет, только ты. Ты в жизни с ним якшался,
Ты и ступай!

РОМЕО

Еще посмотрим, кто!

Бьются. Тибальт падает.

БЕНВОЛИО

Беги, Ромео! Живо! Горожане
В движенье. Ты Тибальта заколол.
Тебя осудят на смерть за убийство.
Что ты стоишь? Немедленно беги!

РОМЕО

Насмешница судьба!

БЕНВОЛИО

Зачем ты медлишь?

Ромео уходит. Входят горожане.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Куда удрал головорез Тибальт?
Меркуцио мертв. Держите негодя!

БЕНВОЛИО

Вот ваш Тибальт.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН

Я вас предупреждаю:
Вы арестованы. За мной, синьор!

Входят князь со свитой, Монтекки, Капулетти, их жены и другие.

КНЯЗЬ

Кто подал поножовщины пример?

БЕНВОЛИО

Светлейший князь, восстановить велите
Причину этого кровопролитья.
Рукой Ромео умерщвлен и нем
Убивший сам Меркуцио пред тем.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Тибальт! Тибальт! Дитя родного брата!
О муж! О князь! О, страшная утрата!
Кровь родственная наша пролилась!
Взыщи ее с Монтекки, добрый князь!
Вот он стоит — убийца и мерзавец!

КНЯЗЬ

Я спрашиваю, кто самоуправец?

БЕНВОЛИО

Виной Тибальт, который здесь простерт.
Он оскорбил Ромео. Оскорбленный
Стерпел обиду и, наоборот,

Как мог, старался охладить Тибальта.
Но все Тибальту было нипочем,
Он продолжал буянить. Тут вмешался
Меркуцио, сцепились, и пошло.
Они сражались долго с равной силой.
Вертясь почти все время между шпаг,
Ромео их просил остановиться,
Но сам приблизил роковой исход:
Из-под его руки был ранен насмерть
Храбрец Меркуцио. Тибальт бежал
И думал скрыться, но потом вернулся.
Тогда Ромео вышел из себя,
И, прежде чем успел я разобраться,
Лежал Тибальт без жизни на земле
И от последствий убегал Ромео.
Вот поединка достоверный ход.
Я жизнью отвечаю за отчет.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Он из семьи Монтекки. Для него
Не истина важнее, а родство.
Их было двадцать человек, и еле
Всем скопищем Тибальта одолели.
Схвати Ромео, князь! Убийца он
И по закону должен быть казнен.

КНЯЗЬ

Ромео был возмездия орудьем.
Кого мы за Меркуцио осудим?

МОНТЕККИ

Ромео меньше всех. Он с ним дружил
И мстил убийце, как и ты б отмстил.

КНЯЗЬ

И за поступок этот самочинный
Немедля будет выслан на чужбину.
А ваш раздор мне надоел вдвойне
С тех пор, как жизни близких стоит мне.
Я наложу на вас такую пеню,
Что вы оцените мое терпенье.
Слезам, мольбам не придаю цены,
Вы ими не искупите вины.
Когда Ромео края не оставит,
Ничто его от смерти не избавит.

Очистить площадь! Мертвеца убрать.
Прощать убийцу — значит убивать.

Уходят.

СЦЕНА 2

Сад Капулетти.

Входит Джульетта.

ДЖУЛЬЕТТА

Неситесь шибче, огненные кони,
К вечерней цели! Если б Фаэтон*
Был вам возницей, вы б давно домчались
И на земле настала б темнота.
О ночь любви, раскинь свой темный полог,
Чтоб укрывающиеся могли
Тайком переглянуться и Ромео
Вошел ко мне неслышим и незрим.
Ведь любящие видят всё при свете
Волненьем загорающихся лиц.
Любовь и ночь живут чутьем слепого.
Прабабка в черном, чопорная ночь,
Приди и научи меня забаве,
В которой проигравший в барыше,
А ставка — непорочность двух созданий.
Скрой, как горит стыдом и страхом кровь,
Покамест вдруг она не осмелеет
И не поймет, как чисто все в любви.
Приди же, ночь! Приди, приди, Ромео,
Мой день, мой снег, светящийся во тьме,
Как иней на вороньем оперенье!
Приди, святая, любящая ночь!
Приди и приведи ко мне Ромео!
Дай мне его. Когда же он умрет,
Изрежь его на маленькие звезды,
И все так влюбятся в ночную твердь,
Что бросят без вниманья день и солнце.
Я дом любви купила, но в права
Не введена, и я сама другому
Запродана, но в руки не сдана.

И день тосклив, как накануне празднеств,
Когда обновка сшита, а надеть
Не велено еще. Но вот и няня
С вестями от Ромео, а тогда
Любой язык красноречив, как небо.

Входит кормилица с веревками.

Какие вести, няня? Это что:
Веревки для Ромео?

КОРМИЛИЦА

Да, веревки.
(Бросает их наземь.)

ДЖУЛЬЕТТА

Что ты ломаешь руки? Что с тобой?

КОРМИЛИЦА

Погибель наша! Светопреставление!
Убит, убит, родимая, убит,
Убит, болезный, отдал богу душу!

ДЖУЛЬЕТТА

Ужель так бессердечны небеса?

КОРМИЛИЦА

Не небеса, а милый твой Ромео.
А я-то, дура! Кто ж мог ожидать?

ДЖУЛЬЕТТА

Зачем ты мучаешь меня, чертовка?
От этой пытки взвыли бы в аду!
Итак, Ромео сам с собой покончил?
Да или нет? Меня такое «да»
Убьет вернее взгляда василиска*.
Одно такое «да», и я — не я
И больше никогда собой не буду.
Ответь мне: да или нет, и слов не трать,
Чтоб осчастливить или доконать.

КОРМИЛИЦА

Сама видала рану. Вот такая.
Здесь, на груди. Не приведи господь!
А крови сколько, крови! Лужа крови!
Сам белый-белый, точно полотно.
Я прямо обмерла, как увидала.

ДЖУЛЬЕТТА

О сердце! Разорившийся банкрот!

В тюрьму, глаза! Закройтесь для свободы.
Стань снова прахом, прах. В одном гробу
Ромео и тебя я погребу.

КОРМИЛИЦА

Тибальт, Тибальт! Сердечный друг Тибальт!
Какая речь! Какое обхождение!
Зачем тебя должна я пережить!

ДЖУЛЬЕТТА

Как, этот вихрь меняет направление?
Убит Ромео и Тибальт убит?
Лишилась мужа я? Лишилась брата?
Что ж не трубит архангела труба?
Кто жив еще, когда таких не стало?

КОРМИЛИЦА

Убит один Тибальт, Ромео жив.
Он заколол Тибальта и в изгнание.

ДЖУЛЬЕТТА

Ромео пролил кровь Тибальта?

КОРМИЛИЦА

Да.

Хоть верь, хоть не верь, а пролил, пролил!

ДЖУЛЬЕТТА

О, куст цветов с таящейся змеей!
Дракон в обворожительном обличье!
Исчадье ада с ангельским лицом!
Поддельный голубь! Волк в овечьей шкуре!
Ничтожество с чертами божества!
Пустая видимость! Противоречье!
Святой и негодяй в одной плоти!
Чем занята природа в преисподней,
Когда она вселяет сатану
В такую покоряющую внешность?
Зачем негодный текст переплетен
Так хорошо? Откуда самозванец
В таком дворце?

КОРМИЛИЦА

В мужчинах нет ни в ком
Ни совести, ни чести. Все притворство,
Пустое обольщение и обман.
Глоток наливки! Эти огорченья

Меня, старуху, скоро вгонят в гроб.
Позор Ромео твоему!

ДЖУЛЬЕТТА

Опомнись!

Ромео для позора не рожден,
Позор стыдится лба его коснуться.
На этом незапятнанном лице
Могла бы честь короноваться. Низость,
Что я осмелилась его бранить.

КОРМИЛИЦА

А что ж тебе хвалить убийцу брата?

ДЖУЛЬЕТТА

Супруга ль осуждать мне? Бедный муж,
Где доброе тебе услышать слово,
Когда его не скажет и жена
На третьем часе брака? Ах разбойник,
Двоюродного брата умертвил!
Но разве было б лучше, если б в драке
Тебя убил разбойник этот, брат?
Вернитесь вспять к своим истокам, слезы!
Вы не у места. Данники тоски,
Вы счастьем дань несете по ошибке.
Супруг мой жив, которого Тибальт
Хотел убить. Убит Тибальт, который
Хотел его убить. Все обошлось.
Так что ж я плачу? Слово я слыхала.
Тибальта жалко, но оно страшней.
Я рада бы забыть его, но память
Полна им, как раскальнем злодей.
«Тибальт убит, а твой Ромео изгнан».
Вот это слово: «Изгнан». Этот звук
Страшнее смерти тысячи Тибальтов.
Достаточно Тибальтова конца,
Но если горю скучно в одиночку
И требуется общество, скажи
Вслед за известьем о конце Тибальта
Про гибель матери или отца,
Или обоих, если очень нужно.
Но на Тибальтов труп нагромождать
Слова «Ромео изгнан» — это слишком
И значит уничтожить мать, отца,

Тибальта, и Ромео, и Джульетту.

«Ромео изгнан» — это глубина

Отчаянья без края и без дна!

Где мой отец и мать, скажи мне, няня?

КОРМИЛИЦА

Рыдают над Тибальтом без скончанья.

Не хочешь ли ты к ним? Я отведу.

ДЖУЛЬЕТТА

Не надо, няня. Пусть поплачут сами.

Ромео я не ворочу слезами.

А лестницу веревочную спрячь.

Веревочки, о сколько неудач!

У вас ведь тоже разочарованье:

Ромео ждали вы, а он в изгнанье.

Вас вили, чтоб, хватаясь за узлы,

Ко мне проник он под покровом мглы,

А вы теперь валяетесь без цели.

Тут и без вас в невестах овдовели.

Возьми их, няня... Лягу на кровать —

Не жениха, а скорой смерти ждать.

КОРМИЛИЦА

Ну, так и быть. Я знаю, где Ромео.

Утешься, детка. Я его найду

И к вечеру доставлю непременно.

Сейчас отправлюсь. Он в монастыре.

ДЖУЛЬЕТТА

Надень ему кольцо на безымянный,

И пусть придет проститься на заре.

Уходят.

СЦЕНА 3

Келья брата Лоренцо.

Входит брат Лоренцо.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Ромео, выйди. Выходи, несчастный!

В тебя печаль влюбилась. Ты женат

На горести.

Входит Ромео.

РОМЕО

Отец, какие вести?
Что приговор гласит? Какое зло
Еще желало бы со мной знакомства?

БРАТ ЛОРЕНЦО

Ты прав. С тобою в дружбе беды все.
Я весть принес о княжеском решении.

РОМЕО

Он дело переносит в Страшный суд?

БРАТ ЛОРЕНЦО

О нет, зачем? Его решение мягче:
Ты к ссылке, а не к смерти присужден.

РОМЕО

О, лучше сжался и скажи, что к смерти!
Мне близость ссылки тяжелей, чем смерть.
Не говори ни слова об изгнание.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Ты выслан из Вероны. Потерпи.
Все впереди, не клином свет сошелся.

РОМЕО

Вне стен Вероны жизни нет нигде,
Но только ад, чистилище и пытки.
Из жизни выслать, смерти ли обречь —
Я никакой тут разницы не вижу.
Когда ты мне об этом говоришь,
Ты мне топор вручаешь на подносе,
Чтоб мне с улыбкой голову срубить.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Неблагодарный! Ты ведь по закону
Достоин смерти, а остался жить.
Так что ж, ты слеп, что милости не видишь?

РОМЕО

Какая это милость! Это месть.
Небесный свод есть только над Джульеттой.
Собака, мышь, любая мелюзга
Живут под ним и вправе с ней видаться,
Но не Ромео. У навозных мух
Гораздо больше веса и значенья,
Чем у Ромео: им разрешено
Соприкасаться с белоснежным чудом
Джульеттиной руки и воровать

Благословенье губ ее стыдливых,
Но не Ромео. Этому нельзя.
Он в высылке, а мухи полноправны!
И ты сказал, что высылка — не смерть?
Ты б отравил меня или зарезал,
Чем этим пустословьем донимать.
Изгнание! Изгнание — выражение,
Встречаемое воплями в аду.
И ты, священник, друг, мудрец, наставник,
Ты мог меня изгнанником назвать?

БРАТ ЛОРЕНЦО

Влюбленный дурень, дай сказать мне слово.

РОМЕО

Ты об изгнание вновь заговоришь.

БРАТ ЛОРЕНЦО

В защиту от твоих тоскливых мыслей
Я философию препровожу
С тобой в изгнание, спутницу гонимых.

РОМЕО

Опять изгнание? Это не исход.
Твоя премудрость не создаст Джульетты,
Она не сдвинет стен, не упразднит
Приказа. Философия — не помощь.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Ну, значит, у безумцев нет ушей.

РОМЕО

Безумцы глухи, а провидцы слепы.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Дай о твоих делах поговорим.

РОМЕО

Молчи о том, чего не понимаешь!
Когда б ты так же молод был, как я;
Любил Джульетту; час, как обвенчался;
Убил Тибальта; так же тосковал
И шел бы в ссылку, ты бы мог по праву
Судить о том. Тогда б ты на себе
Рвал волосы и по полу катался,
Снимая мерку гроба для себя.

Стучат в дверь.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Стучат. Вставай. Скорей, Ромео! Прячься!

РОМЕО

Зачем! Я спрятан все равно от всех
Стеной непроницаемой печали.

Стучат.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Ты слышишь, как стучатся? Уходи.

Стучат.

Кто там? Сейчас.— Вставай. Тебя задержат.
Ступай в читальню. Ах, как ты упрям!

Стучат.

Сейчас, сейчас! Какое нетерпенье!
Кто там! Кого вам надо? От кого?

КОРМИЛИЦА *(за сценой)*

Откройте дверь, тогда отвечу. Это
Кормилица Джульетты.

БРАТ ЛОРЕНЦО

В добрый час.

Входит кормилица.

КОРМИЛИЦА

Святой отец, скажите, где Ромео,
Муж госпожи моей?

БРАТ ЛОРЕНЦО

Он на полу

И пьян от слез.

КОРМИЛИЦА

Какое совпадение!

Точь-в-точь она.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Сочувствие сердец.

Сродство души.

КОРМИЛИЦА

Вот так лежит и плачет,
Лежит — и всё. А вам нельзя, нельзя!
Вы встаньте, сударь, встаньте! Вы мужчина,
Вам не к лицу.

РОМЕО

Ах, няня!

КОРМИЛИЦА

Вот и «ах»!

Мы все умрем и смерти не минуем.

РОМЕО

Ты о Джульетте говоришь? Ну как?

Что с ней? Я, верно, ей кажусь злодеем?

Ведь я родною кровью обагрил

Ей память детства. Как ее здоровье?

Как ей живется? Где она сейчас?

Что говорит она о нашем браке?

КОРМИЛИЦА

Что говорит? Ревет, ревмя ревет.

То на постель повалится, то вскочит,

То закричит «Ромео», то «Тибальт».

И снова навзничь падает.

РОМЕО

Ромео!

Ах, это имя — гибель для нее,

Как было смертью для ее родного.

Скажи, где в нас гнездятся имена?

Я уничтожу это помещение.

(Вынимает шпагу.)

БРАТ ЛОРЕНЦО

Сдержи, безумец, руку! Отвечай:

Мужчина ль ты? Слезливостью ты баба,

А слепотой поступков — дикий зверь.

Женоподобье в образе мужчины!

Звереныш с человеческим лицом!

Ты удивил меня. Священным сапом

Клянусь, я думал лучше о тебе.

Убил ли ты Тибальта? Что же, надо

Убить себя и заодно убить

Свою жену, живущую тобою?

Чем плох твой род и небо и земля,

Которые ты предаешь хуленьям?

Они соединились все в тебе

Не для распада. Этим ты позоришь

Свою природу и любовь и ум.

Не пользуясь своим тройным богатством,

Подобен ты скупцу-ростовщику.

Твоя природа — восковая кукла,

Когда бесстрашьем не оживлена.
Твоя любовь — игра напрасной клятвой,
Когда во вред для любящих. Твой ум —
Как порох у целовкого солдата,
Который рвется у него в руках,
Меж тем как создан для самозащиты.
Встань, человек! По ком ты обмирал,
Жива твоя Джульетта. Это счастье.
Как ни желал тебя убить Тибальт,
Ты сам убил Тибальта. Снова счастье.
Подумай, сколько сыплется удач,
А ты сердит на собственную участь!
Смотри, смотри, таким плохой конец.
Пойди к Джульетте ночью на свиданье,
Как решено, и успокой ее,
Но возвращайся до обхода стражи,
А то не сможешь в Мантую попасть.
Будь в Мантуе, пока найдется повод
Открыть ваш брак и примирить дома.
Тогда упросим, чтоб тебя вернули,
И радость будет в двести раз сильнее,
Чем горе нынешнего расставанья.
Кормилица, хозяйке передай,
Чтоб в доме спать легли сегодня раньше, —
От слез и так ведь нападает сон, —
И чтоб она к себе ждала Ромео.

КОРМИЛИЦА

О боже, боже! Ночь бы до утра
Стоять да слушать. Вот она, ученость!
Скажу, что вы придете, доложу.

РОМЕО

И что готовлюсь выговор услышать.

КОРМИЛИЦА

Она послала, сударь, вам кольцо.
Смотрите, как-нибудь не опоздайте.
(Уходит.)

РОМЕО

Как ожил я от этого всего!

БРАТ ЛОРЕНЦО

Ступай. Спокойной ночи. Значит, помни
Одно из двух: до стражи уходи

Иль утром проберись переодетым.
Будь в Мантуе. Я буду посылать
С твоим слугой по временам известья,
Как подвигаются твои дела.
Пора. Дай руку. До счастливой встречи!

РОМЕО

Я к ней — и под собой не слышу ног,
А то б с тобой расстаться я не мог.
Прощай!

Уходят.

СЦЕНА 4

Комната в доме Капулетти.

Входят Капулетти, леди Капулетти и Парис.

КАПУЛЕТТИ

У нас несчастье, граф, и до сих пор
Мы с дочерью еще не говорили.
В Тибальте здесь не чаяли души.
Но смерть есть смерть. Уже довольно поздно.
Джюльетта сверху больше не сойдет.
Когда б не ваше общество, поверьте,
Я тоже лег бы час тому назад.

ПАРИС

Дни траура — для сватовства не время.
Миледи, вашей дочери поклон.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Я поклонюсь и все у ней узнаю.
Она утратой вся поглощена.

КАПУЛЕТТИ

Парис, я знаю дочь, и я ручаюсь:
Она полюбит вас. Нелепа мысль,
Чтобы она ослушалась. Проведай
Ее пред сном, жена, и приготовь
К тому, что сын наш будущий задумал.
И в эту среду... Впрочем, что у нас?

ПАРИС

Сегодня понедельник.

КАПУЛЕТТИ

Понедельник?

Пожалуй, в среду рано — не успеть.
Тогда в четверг. Итак, в четверг, скажи ей,
Ее с Парисом решено венчать.
Вы будете готовы? Вы согласны?
Без шума. Два-три друга, вот и всё.
А то Тибальт — и вдруг веселье, сплетни,
Не правда ли? Две или три семьи.
Удобно ли в четверг, скажите прямо?

ПАРИС

Жаль, что четверг не завтра, не сейчас.

КАПУЛЕТТИ

Отлично. Так в четверг. Теперь ступайте.
А ты сходи к Джульетте. Прикажи,
Чтобы она готовилась к венчанью.
Прощайте, граф. Светите, слуги, мне!
Так поздно, что уж скоро будет рано.
Спокойной ночи!

Уходят.

СЦЕНА 5

Комната Джульетты.

Ромео и Джульетта.

ДЖУЛЬЕТТА

Уходишь ты? Еще не рассвело.
Нас оглушил не жаворонка голос,
А пенье соловья. Он по ночам
Поет вон там, на дереве граната.
Поверь, мой милый, это соловей!

РОМЕО

Нет, это были жаворонка клики,
Глашатая зари. Ее лучи
Румянят облака. Светильник ночи
Сгорел дотла. В горах родился день
И тянется на цыпочках к вершинам.
Мне надо удалиться, чтобы жить,
Или остаться и проститься с жизнью.

ДЖУЛЬЕТТА

Та полоса совсем не свет зари,

А зарево какого-то светила,
Взошедшего, чтоб осветить твой путь
До Мантуи огнем факелоносца.
Побудь еще. Куда тебе спешить?

РОМЕО

Пусть схватят и казнят. Раз ты согласна,
Я и подавно остаюсь с тобой.
Пусть будет так. Та мгла — не мгла рассвета,
А блеск луны. Не жаворонка песнь
Над нами оглашает своды неба.
Мне легче оставаться, чем уйти.
Что ж, смерть так смерть! Так хочется Джульетте.
Поговорим. Еще не рассвело.

ДЖУЛЬЕТТА

Нельзя, нельзя! Скорей беги: светает,
Светает! Жаворонок-горлодер
Своей нескладицей нам режет уши,
А мастер трели будто разводит,
Не трели он, а любящих разводит,
И жабы будто у него глаза*.
Нет, против жаворонков жабы — прелесть!
Он пеньем нам напомнил, что светло
И что расстаться время нам пришло.
Теперь беги: блеск утра все румяней.

РОМЕО

Румяней день и все черней прощанье.

В комнату входит кормилица.

КОРМИЛИЦА

Джульетта!

ДЖУЛЬЕТТА

Няня?

КОРМИЛИЦА

Матушка идет.

Светает. Осторожнее немножко.

(Уходит.)

ДЖУЛЬЕТТА

В окошко — день, а радость — из окошка!

РОМЕО

Обнимемся. Прощай! Я спрыгну в сад.

ДЖУЛЬЕТТА

Ты так уйдешь, мой друг, мой муж, мой клад?

Давай мне всякий раз все это время
Знать о себе. В минуте столько дней,
Что, верно, я на сотни лет состарюсь,
Пока с моим Ромео свижусь вновь.

РОМЕО

Я буду посылать с чужбины весть
Со всяким, кто ее возьмется свезть.

ДЖУЛЬЕТТА

Увидимся ль когда-нибудь мы снова?

РОМЕО

Наверное. А муки эти все
Послужат нам потом воспоминаньем.

ДЖУЛЬЕТТА

О боже, у меня недобрый глаз!
Ты показался мне отсюда, сверху,
Опущенным на гробовое дно
И, если верить глазу, страшно бледным.

РОМЕО

Печаль нас пожирает, и она
Пьет нашу кровь. Ты тоже ведь бледна.
Прощай, прощай!

(Уходит.)

ДЖУЛЬЕТТА

Судьба, тебя считают
Изменчивою. Если так, судьба,
То в самом деле будь непостоянной
И вдалеке не век его держи.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ *(за сценой)*

Ты встала, дочь?

ДЖУЛЬЕТТА

Кто говорит со мною?

Вы, матушка? Еще вы не легли
Иль поднялись? Что надо вам так рано?

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Ну как, Джульетта?

ДЖУЛЬЕТТА

Мне не по себе.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Все плачешь об убитом? Но слезами
Его не выполощишь из земли,
А вымоешь — не оживишь. Довольно.

Поплакать в меру — знак большой любви,
А плач без меры — признак тупоумья.

ДЖУЛЬЕТТА

А если так утрата велика?

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Ведь слез твоих утраченный не видит.

ДЖУЛЬЕТТА

Да я ж их по своей охоте лью.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Ты плачешь не о том, что нет Тибальта,

А что подлец, его убивший, жив.

ДЖУЛЬЕТТА

Какой подлец?

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Ромео!

ДЖУЛЬЕТТА *(в сторону)*

Он и подлость

Никак не совместимы. — Видит бог,

Еще никто так не терзал мне сердца!

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Все потому, что он еще живет.

ДЖУЛЬЕТТА

Живет и для меня недосыгаем.

Я за Тибальта отомщу сама.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Отмстим и мы, ты можешь быть покойна.

Я в Мантую пошлю, где, говорят,

Скрывается преступник. Там сумеют

Отравы подмешать ему в еду.

Он в гости поторопится к Тибальту,

И это восстановит твой покой.

ДЖУЛЬЕТТА

Я, правда, никогда не успокоюсь,

Пока Ромео не в моих руках.

Найдите человека для посылки,

А яд Ромео я сама сыщу.

Я так составлю для него отраву,

Что с миром он, поверьте мне, уснет.

О, что за мука слышать это имя

И 'быть не в силах броситься к нему,

Чтоб из любви к несчастному Тибальту
Его в объятьях насмерть задушить!

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Составь мне смесь, а я гонца достану.
Теперь тебе я радость сообщу.

ДЖУЛЬЕТТА

В такое время радость очень кстати.
Итак, в чем радость эта состоит?

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Отец твой полон о тебе заботы.
Чтобы тебя развлечь, он выбрал день
Для праздника. Нам и во сне не снилось
Нежданное такое торжество.

ДЖУЛЬЕТТА

Что ж, в добрый час. Когда назначен праздник?

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

В четверг, моя хорошая. В четверг
Прекрасный граф Парис, твой нареченный,
С утра нас приглашает в храм Петра,
Чтобы с тобою сочетаться браком.

ДЖУЛЬЕТТА

Клянусь Петровым храмом и Петром,
Ничем с Парисом я не сочетаюсь!
Какая спешка! Гонят под венец,
Когда жених и глаз еще не кажет.
Благодарю! Уведомьте отца,
Что замуж рано мне, а если надо,
Скорее за Ромео я пойду,
Чем выйду за Париса. Вот так радость!

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Вот он идет. Скажи ему сама.
Посмотрим, как он примет эти речи.

Входят Капулетти и кормилица.

КАПУЛЕТТИ

Закат сопровождается росой,
Племянника ж закат отмечен ливнем.
Опять потоки? Все еще в слезах?
На взгляд такое щупленькое тельце,
А борется, как на море корабль,
С пучиной слез и ураганом вздохов

До воцаренья новой тишины.
Ну, как дела? Уже ты сообщила
Ей наше повеление, жена?

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Сказала, но она не хочет слушать,
Отказывается. Благодарит.

КАПУЛЕТТИ

Что? Что? Не слышу. Повтори. Не хочет?
Благодарит? Она не поняла
Всей этой чести? Ей не очевидно,
Во сколько раз жених знатнее нас?
Она находкой нашей не гордится?

ДЖУЛЬЕТТА

Должна благодарить, но не горжусь.
Какая гордость в том, что ненавистно?
Но и напрасный труд ваш дорог мне.

КАПУЛЕТТИ

Вот логика! Прости, не понимаю.
Где связь? То «благодарна» и «горда»,
То «не горда» вдруг и «не благодарна».
Брось эти штуки, маменькина дочь!
Что гордость мне твоя и благодарность?
А вот в четверг, пожалуйста, изволь
Пойти венчаться в храм с Парисом, или
Тебя я на веревке притащу.
В чем держится душа, холера, падаль!
Разважничалась!

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Вы с ума сошли!

ДЖУЛЬЕТТА

Отец, прошу вас слезно на коленях,
Позвольте только слово мне сказать!

КАПУЛЕТТИ

Ни звука! Все заранее известно.
В четверг будь в церкви или на глаза
Мне больше никогда не попадайся!
Молчать, молчать! Роптали, дураки,
Что дочь у нас одна, а на поверку
И этой много, так нас допекла!
У, подлая!

КОРМИЛИЦА

Избави боже, сударь!

О дочке отзываться так нельзя.

КАПУЛЕТТИ

А почему, наставница с указкой?

К соседкам шли бы языком трепать!

КОРМИЛИЦА

Я зря не вру.

КАПУЛЕТТИ

Проваливайте к богу!

КОРМИЛИЦА

Нельзя и рта открыть?

КАПУЛЕТТИ

Вам говорят,

С соседками за кружкой судачьте!

Тут не кабак.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Вы слишком горячи.

КАПУЛЕТТИ

Меня с ума все это сводит. Боже!

Где б ни был я и что б ни затевал,

В гостях ли, дома ль, вечно, днем и ночью,

Моею мыслью было подыскать

Ей жениха. И наконец он найден.

Богач, красавец, знатный человек,

Воспитан, воплощение всех достоинств,

Мечта и сон, а эта тварь пищит:

«Я не хочу! Я не могу! Мне рано.

Простите». Ты не можешь? Хорошо.

Прощаю. Но изволь вперед кормиться

Где хочешь, только больше не со мной.

Имей в виду, я даром слов не трачу.

На размышленья у тебя два дня,

И если ты мне дочь, то выйдешь замуж,

А если нет, скитайся, голодай

И можешь удавиться: бог свидетель,

Тебе тогда я больше не отец.

Так вот, подумай. Это ведь не шутки.

(Уходит.)

ДЖУЛЬЕТТА

Ужель нет состраданья в небесах?

Им видно ведь насквозь мое несчастье.
Ах, матушка, не выгоняйте вон!
Отсрочьте брак на месяц, на неделю
Или с Тибальтом положите в склеп!

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Всё обсудили. Поступай как знаешь.
Молчи. Я слова больше не скажу.

(Уходит.)

ДЖУЛЬЕТТА

О господи! О нянюшка! Что делать?
Обет мой в небе, у меня есть муж.
Как клятву мне вернуть с небес на землю,
Пока мой муж не улетел с земли?
Зачем судьба кует такие ковы
Столь беззащитным существам, как я?
Ну, что ты скажешь, няня? Неужели
Нет утешенья?

КОРМИЛИЦА

Утешенье есть.

Ромео в ссылке. Он остережется
Соваться к нам и требовать тебя.
Поэтому я вышла бы за графа.
Он — милочка. Ромео — мелюзга
В сравнение с ним. Такой грозы во взоре
Не сыщешь у орлов. Твой новый брак
Затмит своими выгодами первый.
А нынешний твой муж в такой дали,
Что это — как покойник, та же польза.

ДЖУЛЬЕТТА

Ты говоришь от сердца?

КОРМИЛИЦА

От души.

ДЖУЛЬЕТТА

Аминь!

КОРМИЛИЦА

Что?

ДЖУЛЬЕТТА

Ты меня переродила.
Спустись-ка вниз и матушке скажи:
Я принесу Лоренцо покаянье
В грехе непослушания отцу.

КОРМИЛИЦА

Пойду скажу. Вот это шаг похвальный!
(Уходит.)

ДЖУЛЬЕТТА

Ведь вот он, вот он, первородный грех.
О демон-искуситель! Что подлее:
Толкать меня на ложь или хулить
Ромео тем же языком, которым
Она его хвалила столько раз?
Разрыв, разрыв! Меж нами пропасть, няня.
И если не поможет мне монах,
Есть средство умереть в моих руках.
(Уходит.)

АКТ IV

СЦЕНА I

Келья брата Лоренцо.

Входят брат Лоренцо и Парис.

БРАТ ЛОРЕНЦО

До четверга короткий слишком срок.

ПАРИС

Так хочет тесть, и спешки Капулетти
Ничем я не намерен ослаблять.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Невестин образ мыслей вам неведом?
Не нравится мне что-то это все.

ПАРИС

Она все время плачет о Тибальте,
Я ни о чем не мог с ней говорить.
Любовь не ко двору в домах, где траур,
Но против этих слез ее отец.
Они вредят здоровью. Он считает,
Что брак остановил бы их поток,
Который разлился в уединенье,
А в обществе вошел бы в берега.
Вы поняли причину нашей спешки?

БРАТ ЛОРЕНЦО *(в сторону)*
К несчастью! *(Громко.)*
А вот она сама.

Входит Джульетта.

ПАРИС

Счастливый миг, прекрасная супруга!

ДЖУЛЬЕТТА

Мы не принадлежим еще друг другу.

ПАРИС

В четверг вы станете моей женой.

ДЖУЛЬЕТТА

Всё в воле божьей!

БРАТ ЛОРЕНЦО

Только в ней одной.

ПАРИС

Вы к брату исповедаться явились?

ДЖУЛЬЕТТА

Ответить — было б исповедью вам.

ПАРИС

Как вы от слез горючих похудели!

ДЖУЛЬЕТТА

Я не была и раньше хороша.

ПАРИС

Зачем наружность портите вы ложью?

ДЖУЛЬЕТТА

Я на свое лицо не клевету

И, думаю, своим чертам — хозяйка.

ПАРИС

Они мои, а вы черните их.

ДЖУЛЬЕТТА

За то их, видно, и черню, что ваши.—

Свободны ль вы теперь, святой отец,

Иль лучше мне прийти перед вечерней?

БРАТ ЛОРЕНЦО

Нет, у меня сейчас как раз досуг.—

Нам надо с ней одним остаться, сударь.

ПАРИС

Избави бог молитве помешать!

В четверг приду вас поднимать, Джульетта,

Пока ж позвольте вас поцеловать.

(Уходит.)

ДЖУЛЬЕТТА

Запри за ним. Поплачь со мной немного.
Всему конец! Надежды больше нет!

БРАТ ЛОРЕНЦО

Джульетта, мне твоя печаль известна.
Как быть тебе, ума не приложу.
В четверг, слышал, твое венчанье с графом
И будто отложить его нельзя.

ДЖУЛЬЕТТА

Не говори, раз выхода не видишь.
И если ты не можешь мне помочь,
То оправдай меня, по крайней мере,
И мне в беде поможет этот нож.
Бог нам сердца связал, ты сплел нам руки.
Я отдана Ромео. Прежде чем
Я руку с сердцем передам другому,
Я сердца жизнь рукою пресеку.
Итак, перебери свой долгий опыт
И вспомни, нет ли случая, как мой.
А то кинжал защитником мне будет
И с честью отстоит мой правый иск.
Будь короток, не говори пространно.
Дай умереть иль залечи мне рану.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Стой, дочка. Я обдумываю шаг.
Такой же, впрочем, страшный, как опасность,
Которую хотим мы отворотить.
Ты говоришь, что вместо свадьбы с графом
В себе нашла бы силу умереть?
Что ж, если так, есть средство вроде смерти
От этого позора и беды.
Я дам его, но тут нужна решимость.

ДЖУЛЬЕТТА

Чтоб замуж за Париса не идти,
Я лучше брошусь с башни, присосежусь
К разбойникам, я к змеям заберусь
И дам себя сковать вдвоем с медведем.
Я вместо свадьбы лучше соглашусь
Заночевать в мертвецкой или лягу
В разрытую могилу. Все, о чем
Я прежде слышать не могла без дрожи,

Теперь я, не колеблясь, совершу,
Чтоб не нарушить верности Ромео.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Тогда ступай уверенно домой,
Будь весела и дай отцу согласие
На свадьбу с графом. Завтра ведь среда.
Ляг завтра спать одна. Устрой, чтоб няня
Не оставалась на ночь наверху.
Ляг и пред сном откупорь эту склянку.
Когда ты выпьешь весь раствор до дна,
Тебя скует внезапный холод. В жилах
Должна остановиться будет кровь.
Ты обомрешь. В тебе не выдаст жизни
Ничто: ни слабый вздох, ни след тепла.
Со щек сойдет румянец. Точно ставни,
Сомкнутся на ночь наглухо глаза.
Конечности, лишившись управленья,
Закоченеют, как у мертвецов.
В таком, на смерть похожем, состоянии
Останешься ты сорок два часа,
И после них очнешься освеженной.
Когда тебя придет будить Парис,
Ты будешь мертвой. Как у нас обычай,
Тебя в гробу без крышки отнесут
В фамильную гробницу Капулетти.
Я вызову Ромео. До того,
Как ты проснешься, мы с ним будем в склепе.
Вы сможете уехать в ту же ночь.
Вот выход, если ты не оробеешь
Или не спутаешь чего-нибудь.

ДЖУЛЬЕТТА

Дай склянку мне! Не говори о страхе.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Возьми ее. Я напишу письмо
И в Мантую отправлю с ним монаха.
Мужайся и решимость прояви!

ДЖУЛЬЕТТА

Решимость эту я найду в любви.
Прощай, отец.

Уходят.

СЦЕНА 2

Зал в доме Капулетти.

Входят Капулетти, леди Капулетти, кормилица и два
служителя.

КАПУЛЕТТИ

Всех выписанных по порядку — в гости!

Первый служитель уходит.

Найми мне двадцать добрых поваров.

ВТОРОЙ СЛУЖИТЕЛЬ. Об этом не беспокойтесь. Я посмотрю, облизывают ли они себе пальцы.

КАПУЛЕТТИ. Это для чего?

ВТОРОЙ СЛУЖИТЕЛЬ. Плох тот повар, который не лижет себе пальцев. Таких вон.

КАПУЛЕТТИ. Ну-ну, ступай.

Второй служитель уходит.

Придется эти дни похлопотать.

Действительно ль она пошла к Лоренцо?

КОРМИЛИЦА. Пошла, ей-богу, пошла.

КАПУЛЕТТИ

Он, может, наведет ее на путь.

Бессовестная, наглая девчонка!

Входит Джульетта.

КОРМИЛИЦА

Вот, исповедалась и расцвела.

КАПУЛЕТТИ

Ну что, упрямица? Где пропадала?

ДЖУЛЬЕТТА

Спросите лучше, где себя нашла!

Я горько каюсь, что была упряма.

Лоренцо настрого мне приказал

Пасть в ноги вам и попросить прощенья.

Пожалуйста, простите. Никогда

Я более перечить вам не буду.

КАПУЛЕТТИ

Все это надо графу передать.

Зачем тянуть? Я поженю их завтра.

ДЖУЛЬЕТТА

Я графа видела в монастыре.

Насколько позволяло мне приличье,
Я с ним была любезна и тепла.

КАПУЛЕТТИ

Ну что ж, прекрасно. Поднимайся с полу.
Давно бы так. За графом не пошли?
Ведь я сказал, чтобы пошли за графом.
Какой правоучительный монах!
Его недаром город уважает.

ДЖУЛЬЕТТА

Пойдем со мною, няня. Отберем
Для завтрашнего дня что понарядней.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Не к завтрашнему дню, а к четвергу.
У вас есть время.

КАПУЛЕТТИ

Собирайся, няня.
Я все-таки их завтра поженю.

Джульетта и кормилица уходят.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Нам на устройство времени не хватит:
Ведь скоро ночь!

КАПУЛЕТТИ

Не бойся, помогу,
И дело загорится, вот увидишь.
Сбери Джульетте свадебный наряд,
А я внизу останусь за хозяйку.
Эй вы, дружнее, ребята!— Ни души.
Все разошлись. Схожу-ка я к Парису.
Скажу, что свадьба завтра. Все легко,
С тех пор как сломлено ее упрямство.

Уходят.

СЦЕНА 3

Комната Джульетты.

Входят Джульетта и кормилица.

ДЖУЛЬЕТТА

Да, это платье лучше всех. Но, няня,
Оставь меня на эту ночь одну.
Мне надо облегчить пред свадьбой душу.

Ты знаешь, сколько грешных тайн на ней,
И я должна их отмолить пред небом.

Входит леди Капулетти.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Вы заняты? Быть может, вам помочь?

ДЖУЛЬЕТТА

Нет, матушка. Мы все, что нужно завтра,
Собрали сами. Если вы не прочь,
Пожалуйста, меня одну оставьте,
А няня вам поможет в беготне.
У вас хлопот немало нынче ночью.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Спокойной ночи. Ляг и отдохни.
Тебе необходимо.

Леди Капулетти и кормилица уходят.

ДЖУЛЬЕТТА

Все прощайте.

Бог весть, когда мы встретимся опять...
Меня пронизывает легкий холод,
И ужас останавливает кровь.
Я позову их. Мне без них тоскливо.
Кормилица! Нет, здесь ей дела нет.
Одна должна сыграть я эту сцену.
Где склянка?

Что, если не подействует питье?

Тогда я, значит, выйду завтра замуж?
Нет! Вот защита. Рядом ляг, кинжал!

(Кладет кинжал на постель.)

Что, если это яд? Ведь для монаха
Грозит разоблачением этот брак.

А если я умру, то не узнают,
Что он со мной Ромео обвенчал.

Да, это так. Нет, это невозможно!

Он праведником слыл до этих пор.

Что, если я очнусь до появления
Ромео? Вот что может напугать!

Не задохнусь ли я тогда в гробнице

Без воздуха, задолго до того,

Как он придет ко мне на избавленье?

А если и останусь я жива,
Смогу ль я целым сохранить рассудок
Средь царства смерти и полночной тьмы
В соединенье с ужасами места,
Под сводами, где долгие века
Покоятся останки наших предков
И труп Тибальта начинает гнить,
Едва зарытый в свежую могилу,
Где временами, как передают,
Выходят мертвецы в ночную пору?
Увы, увы, кто поручится мне,
Что ежели я встану слишком рано,
То трупный смрад и резкость голосов,
Чудовищных, как стоны мандрагоры*,
Немедля не сведут меня с ума,
Как сводят всех, кто слышал эти крики?
Как поручусь, что рук не запущу
В сыпучий прах и савана с Тибальта
Не стану рвать и что, вооружась
Берцовой костью предка, как дубиной,
Я головы себе не размозжу?
Гляди, гляди! Мне кажется, я вижу
Двоюродного брата. Он бежит
На поиски Ромео. Он кричит,
Как смел тот насадить его на шпагу.
Остановись, Тибальт! Иду к тебе
И за твое здоровье пью, Ромео!
(Падает на постель, за занавески.)

СЦЕНА 4

Зал в доме Капулетти.

Входят леди Капулетти и кормилица.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Возьми ключи и пряностей прибавь.

КОРМИЛИЦА

Еще айвы и фиников к пирожным.

Входит Капулетти.

КАПУЛЕТТИ

Живей! Поют вторые петухи.
Звонили к утрене. Взгляни на кухню,
Не подгорел ли торт. Да не скупись.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Не суйте нос в хозяйство, баба с прялкой!
Ложитесь. Завтра скажете — мигрень.

КАПУЛЕТТИ

Я в жизни полунощничал так часто,
Что с правом прогуляю эту ночь.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Да, вам бы все по дѣвичьим таскаться,
Но я туда вас больше не пущу.

Леди Капулетти и кормилица уходят.

КАПУЛЕТТИ

Ревнивица, ревнивица!

Входят три или четыре служителя.
Они тащат дрова, вертелы и корзины.

Постой-ка.

Что это, братец?

ПЕРВЫЙ СЛУЖИТЕЛЬ

Повару в котел.

Не знаем сами!

КАПУЛЕТТИ

Шевелись живее!

Первый служитель уходит.

Вот дрянь дрова! Куда с таким сырьем?

Спроси Петра, где сложены посуше.

ВТОРОЙ СЛУЖИТЕЛЬ

Зачем нам Петр? На то у нас башка.

Дойдем до дров своею головою.

КАПУЛЕТТИ

Какой забавник! «Головой дойдем».

Не голова, а головня, коряга.

Второй служитель уходит.

Ба, да, никак, уж день? Того гляди,

Парис нагрянет. Вот и музыканты.

Ну да, они.

Музыка за сценой.

Кормилица! Жена!
Кричи — не докричишься. Няня, няня!

Кормилица возвращается.

Беги будить Джульетту. Одевай.
А я займу Париса. Живо, живо!
Жених пришел. Я говорю, живей!
Жених, я говорю!

(Уходит.)

СЦЕНА 5

Комната Джульетты.

Входит кормилица.

КОРМИЛИЦА

Сударыня! Сударыня! Вставай!
Пора вставать! Ай-ай, какая соня!
Ну, погоди! Вот я ее, козу,
Вот я ее! Как, так-таки ни слова?
Да ладно, ладно. Спи, пока дают.
Спи про запас. Твой граф себя забудет,
А спать тебе не даст. Вот крепкий сон!
Однако разбужу ее. Джульетта!
Джульетта! Разве будет хорошо,
Когда тебя застанет граф в постели?
Ему-то что. Небось он будет рад.

(Отдергивает занавеску.)

Никак, одета? Встала, нарядилась —
И снова бух? Уж это извини!
Сударыня! Сударыня! А ну-ка! —
Не может быть... Сюда! Она мертва!
О господи! О господи! На помощь!
Глоток наливки! Не перенесу!

Входит леди Капулетти.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Что ты шумишь?

КОРМИЛИЦА

Ужасное несчастье!

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Какое?

КОРМИЛИЦА

Посмотрите! Не могу...

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Ах, жизнь моя, дитя мое родное!

Взгляни, очнись, иль я умру с тобой!

На помощь! Помогите!

Входит Капулетти.

КАПУЛЕТТИ

Безобразье!

Жених внизу, а этой нет как нет!

КОРМИЛИЦА

Джульетта померла! Она скончалась!

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Джульетты нет! Джульетта умерла!

КАПУЛЕТТИ

Пусть! Быть не может! Ни кровинки.

Окоченела. Холодна, как лед.

О господи, она давно без жизни!

Все кончено! Как на поле мороз,

Смерть пеленой лежит на этом теле!

КОРМИЛИЦА

О горе, горе!

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

О беда, беда!

КАПУЛЕТТИ

Смерть, взявшая ее без сожаленья,

Сжимает рот мне и лишает слов!

Входят брат Лоренцо, Парис и музыканты.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Ну как? Готова в храм идти невеста?

КАПУЛЕТТИ

Идти — пойдет, но не придет назад.

О сын мой, накануне обрученья

Твоей невестой овладела смерть!

Вон, как цветок со сломанной головкой,

Лежит она. Ее в супруги взял

Подземный царь. Он зять мой и наследник.

Я жить устал и умереть хочу

И все ему, добро и жизнь, оставляю.

ПАРИС

Как долго ждал я нынешнего дня
И как ужасно он меня встречает!

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Проклятый, страшный, несчастливый день!
Тягчайший, самый страшный и несчастный
Из всех, какие только видел свет!
Одна была надежда и богатство,
Одна, одна-единственная дочь —
И даже той судьба не пощадила!

КОРМИЛИЦА

О боже, не глядели бы глаза!
Какой проклятый день! Какой проклятый!
Какой проклятый, проклятуший день!
О господи, глаза бы не глядели!

ПАРИС

Я разведен, обманут, втоптан в грязь!
Как низко, смерть, меня ты обманула,
Как превратила в полное ничто!
О жизнь моя! О прелесть!

КАПУЛЕТТИ

Я раздавлен,
Осмеян, искалечен, умерщвлен.
Зачем пришло ты, бедственное время,
Наш долгожданный праздник убивать?
Моей душой, а не моим ребенком
Была она, и вот она мертва.
А без души что все мои отрады?

БРАТ ЛОРЕНЦО

Стыдитесь! Тише! Слезы не исход
В несчастьи. Она принадлежала
Семье и небу. Ныне лишь оно
Владеет ею. Там Джульетте лучше.
Вы дочери от смерти не спасли,
А небо ей сияет вечной жизнью.
Вы прилагали силы все к тому,
Чтобы Джульетту возвеличить в свете.
Что ж плачете вы, видя вашу дочь
Так высоко за облаками в небе?
Знать, мало вы любили дочь свою,
Когда не рады, что она в раю.

Вы счастья молили для желанной?
Счастливейшие умирают рано.
Уйдем свой плач и, как заведено,
Осыпем это тело розмарином
И вынесем в венчальном платье в храм.
Природа слабодушна и рыдает,
Но разум тверд, и разум побеждает.

КАПУЛЕТТИ

На похоронный церемониал
Пойдет, что к свадьбе я готовлял,
И мы услышим вместо бойких скрипок
Церковный хор и звон колоколов.
Накрытый стол послужит для поминок,
Венчальные цветы украсят гроб.
Все обратилось в противоположность!

БРАТ ЛОРЕНЦО

Отправимся. Сударыня, и вы.
Вы тоже, граф. Подите приготовьтесь.
Ее пора на кладбище нести.
Наверно, в вышних недовольны вами.
Не гневайте их лишними слезами.

Капулетти, леди Капулетти, Парис и монахи уходят.

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАНТ. Значит, трубы в футляры и по домам?

КОРМИЛИЦА

Да, по домам, сердечный, по домам.
Тут не до вас. Смотри, какое горе!
(Уходит.)

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАНТ. Горе горем, а позвали — надо платить.

Входит Петр.

ПЕТР. Музыканты, а музыканты, плясовую! Если хотите мне угодить, пожалуйста, плясовую.

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАНТ. Почему плясовую?

ПЕТР. Потому что у меня от горя сердце разрывается. Плясовую, пожалуйста! Что-нибудь позабористей. Распотешьте горемычного.

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАНТ. Никаких плясовых. Играть не велено.

ПЕТР. Так вы не сыграете?

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАНТ. Нет.

ПЕТР. Ну так вы не то запоете!

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАНТ. Виноват, это как же?

ПЕТР. А так, что я вам напомним ваше место, дудошная рвань!

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАНТ. Вы, как видно, сами забыли дорогу в официантскую.

ПЕТР. В официантскую? Вот я такую официантскую распишу вам на спине, что куда там ваши ре-фа-ля!

ВТОРОЙ МУЗЫКАНТ. Уберите кинжал! Благородные режутся только остротами.

ПЕТР. Ах, вот вы как? Ну хорошо, держитесь! Я убью вас насмешками. Отвечайте:

«Когда в груди терзания и муки

И счастья несбыточного жаль,

Лишь музыки серебряные звуки...»

Почему «серебряные»? Почему «лишь музыки серебряные звуки»? А, Симон Телячья Струна?

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАНТ. Потому что у серебра приятный звук.

ПЕТР. Превосходно! А твое мнение как, Гью Козлодер?

ВТОРОЙ МУЗЫКАНТ. Почему «серебряные»? Потому что за музыку платят серебром.

ПЕТР. Превосходно! А ты что скажешь, Яшка Пищик?

ТРЕТИЙ МУЗЫКАНТ. Ей-богу, не знаю.

ПЕТР. Виноват, виноват: я забыл, что ты певчий. Никто не угадал. «Лишь музыки серебряные звуки» — потому что за музыку не платят золотом.

«Лишь музыки серебряные звуки

Снимают как рукой мою печаль».

(Уходит.)

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАНТ. Что за сверхъестественная бестия!

ВТОРОЙ МУЗЫКАНТ. Плюнь на него, Джек! Пойдем в буфетную. Придут факельщики, пообедаем.

Уходят.

АКТ V

СЦЕНА I

Мантуя. Улица.

Входит Ромео.

РОМЕО

Когда я вправе доверяться сну,
Он обещает мне большую радость.
Я возбужден и весел целый день.
Какие-то живительные силы
Меня как будто несут над землей.
Я видел сон. Ко мне жена явилась,
А я был мертв и, мертвый, наблюдал.
И вдруг от жарких губ ее я ожил
И был провозглашен царем земли.
О, как живит любовь на самом деле,
Когда так оживляет мысль о ней!

Входит Балтазар в сапогах со шпорами.

А, Балтазар! С вестями из Вероны?
От моего монаха писем нет?
Ну, как жена? Что дома? Как Джульетта?
Скажи скорее. Дело только в ней.
И все в порядке, если ей не плохо.

БАЛТАЗАР

В Джульетте суть. Джульетте хорошо.
Ее останки в склепе Капулетти.
Ее душа среди ангелов небес.
Я видел погребение Джульетты
И выехал вас тотчас известить.
Помилуйте меня за эту новость,
Я утаить от вас ее не смел.

РОМЕО

Что ты сказал? Я шлю вам вызов, звезды!..
Беги в мой дом. Бумаги и чернил!
Достанем лошадей и выезжаем.

БАЛТАЗАР

Не надо падать духом, господин.
У вас горят глаза, и ваша бледность
Добра не предвещает.

РОМЕО

Пустяки.

Оставь меня и делай, что велели.

Мне, значит, от монаха писем нет?

БАЛТАЗАР

Нет, сударь!

РОМЕОВсе равно. Так отправляйся
За лошадьми. Я скоро сам приду.

Балтазар уходит.

Джюльетта, мы сегодня будем вместе.
Обдумаю, как это совершить.
Как ты изобретательно, несчастье!
Аптекаря я вспомнил. Он живет
Поблизости. На днях его я видел.
Он травы разбирал. Худой старик,
Весь отощавший от нужды, в лохмотьях.
В аптеке черепаха, крокодил
И чучела иных морских уродов*.
Кругом на полках нищенский набор
Горшечных черепков, пустых коробок,
Веревочных обрывков, трав, семян
И отсыревших розовых лепешек.
Плачевный хлам, которому с трудом
Придать старались видимость товара.
Тогда же мысль мне в голову пришла:
Когда б у вас нужда явилась в яде,
Который запрещают продавать
Законы Мантуи под страхом смерти,
Несчастный этот вам его продаст.
Как кстати я тогда о нем подумал!
Сейчас он должен будет мне помочь.
Вот, кажется, как раз его лачуга.
Сегодня праздник, лавка заперта.
Аптекарь! Эй, аптекарь!

Входит аптекарь.

АПТЕКАРЬ

Что угодно?

РОМЕО

Поди сюда. Я вижу, ты бедняк.
Вот пятьдесят дукатов. Дай мне яду.
Мне надобно такое вещество,
Чтоб через миг давало полный отдых
От жизни и с такой же быстротой
Освобождало тело от дыханья,
С какой из орудийного жерла
Молниеносно вылетают ядра.

АПТЕКАРЬ

Составы есть. Но в Мантуе казнят
Торгующих такими веществами.

РОМЕО

Ты так убог — и жизнью дорожишь?
Провалы щек твоих — живая повесть
О голоде, горящие глаза —
Об униженьях. Нищета согнула
Тебя в дугу. Свет не в ладах с тобой.
Его закон — не твой. Его обычай
Не даст тебе богатства. Ну так что ж?
Рассорься с миром, сделай беззаконье,
Спрячь эти деньги и разбогатеи.

АПТЕКАРЬ

Не я — моя нужда дает согласие.

РОМЕО

И я плачу нужде, а не тебе.

АПТЕКАРЬ

Вот порошок. В любую жидкость всыпьте,
И будь в вас силы за двадцатерых,
Один глоток уложит вас мгновенно.

РОМЕО

Вот золото, гораздо больший яд
И корень пущих зол и преступлений,
Чем этот безобидный порошок.
Не ты, а я даю тебе отраву.
Купи себе еды и откормись.
Тебя ж, мое спасительное зелье,
Я захвачу к Джульетте в подземелье.

Уходят.

СЦЕНА 2

Келья брата Лоренцо.

Входит брат Джованни.

БРАТ ДЖОВАННИ

Брат во святом Франциске! Здравствуй, брат.

Входит брат Лоренцо.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Ах, это брат Джованни! Ты вернулся?

Что говорит Ромео? Может быть,

Есть от него из Мантуи записка?

БРАТ ДЖОВАННИ

Я в путь с собой хотел монаха взять,

Ухаживающего за больными.

Когда я был у брата, нашу дверь

Замкнули сторожа из карантина,

Решив, что мы из дома, где чума,

И не пускали, наложив печати.

Я в Мантую никак не мог попасть.

БРАТ ЛОРЕНЦО

А кто ж отвез мое письмо к Ромео?

БРАТ ДЖОВАННИ

Я никому не мог его отдать,

Так велика была боязнь заразы.

Возьми его обратно. Вот оно.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Какое горе! Дело-то не шутка:

Письмо имело очень важный смысл.

Задержка этих строк грозит несчастьем.

Поди доставай-ка мне железный лом

И возвращайся с ним, Джованни, в келью.

БРАТ ДЖОВАННИ

Сейчас схожу.

(Уходит.)

БРАТ ЛОРЕНЦО

Придется одному

К гробнице мне... С минуты на минуту

Джульетта может встать и не простит,
Что я еще не известил Ромео.
Но я ему еще раз напишу.
А в промежутке узнице гробницы
Позволю в келье у себя укрыться.
(Уходит.)

СЦЕНА 3

Кладбище. Гробница семьи Капулетти.

Входят Парис и паж с цветами и факелом.

ПАРИС

Дай факел и ступай. Пожалуй, нет:
Задуй его. Я не хочу быть видим.
Вон два-три вяза. Ляг у их корней,
Прижмись к земле и слушай чутким ухом.
Земля внутри на кладбище пуста.
Нельзя ступить, чтобы не отдавалось.
Едва услышишь шорох, свистни мне.
Давай цветы и делай, как сказали.

ПАЖ (в сторону)

Мне страшно оставаться одному.
Кругом могилы. Надо поневоле!
(Уходит.)

ПАРИС

Лежи в цветах — сама, как сад в цвету.
Твоя постель из пепла и гранита.
Я руки над тобой переплету
И окроплю слезами эти плиты.
А завтра снова принесу цветов
И забросаю ими твой покров.

Паж свистит.

Мальчишка свищет. Кто-нибудь идет.
Кого несет нелегкая к могиле
И мне побыть в раздумье не дает?
Как, с факелом? Я спрячусь за кустами.
(Прячется.)

Входят Ромео и Балтазар с факелом и киркой.

РОМЕО

Дай мне кирку и лом. Возьми письмо.
 Оно к отцу. Ты должен завтра утром
 Снести его. Теперь дай факел мне.
 Стань в стороне и, что бы ни случилось,
 Не вмешивайся и держись вдали.
 Я вот зачем спускаюсь в подземелье:
 Отчасти, чтоб взглянуть в лицо жены,
 Но главное, чтоб снять с покойной перстень
 Большой цены, в котором мне нужна.
 Итак, ступай отсюда и не вздумай
 Ходить назад, подсматривать за мной,
 А то я разорву тебя на клочья
 И разбросаю по всему двору.
 Я сам неукротим сейчас и страшен,
 Как эта ночь. Нас лучше не дразнить,
 Как море в бурю и голодных тигров.

БАЛТАЗАР

Немедленно уйду, чтоб не мешать.

РОМЕО

И будешь другом. Вот тебе награда.
 Прощай. Ты славный малый. Будь здоров.

БАЛТАЗАР *(в сторону)*

А все-таки я спрячусь здесь в кустах:
 Его слова и вид внушают страх.
(Уходит.)

РОМЕО

О смерть с ненасытимой утробой,
 Ты съела лучший из плодов земли!
 Но вот тебе я челюсти раздвину
 И брюхо новой пищею набью.
(Открывает склеп.)

ПАРИС

Монтекки это, шурина убийца,
 Виновник слез, которые свели
 Джульетту в гроб. Но негодяю мало,
 И он пришел тела их осквернять.
(Выходит вперед.)
 Монтекки, стой! Не подходи к святыне.
 Неужто и умершим можно мстить?

Сбежавший осужденный, подчиняйся!
Идем. Ты арестован и умрешь.

РОМЕО

Да, я умру, за этим и явился,
Ты ж, милый юноша, ступай добром.
Не искушай безумного. Подумай
Об этих двух. Они тебе пример.
Не делай сызнова меня убийцей —
Тебя люблю я больше, чем себя.
Я здесь готовлю над собой расправу.
Беги, мой друг! Беги, куда цел.
Тебя больной в горячке пожалел.

ПАРИС

Твои слова встречаю я презрением
И по закону задержу тебя.

РОМЕО

Ты так настойчив? Ну, так защищайся!

Бьются.

ПАЖ

У них дуэль! Я кликну караул!
(Уходит.)

ПАРИС

Я умираю!

(Падает.)

Если ты не камень,
Прошу, внеси меня к Джульетте в склеп.
(Умирает.)

РОМЕО

Внесу. Кто это? Надобно взглядеться.
Родня Меркуцио, бедный граф Парис!
О чем, когда мы ехали верхами,
Дорогой говорил мой человек?
Не о предполагаемом ли браке
Джульетты и Париса? Или нет?
Быть может, это мне во сне приснилось?
Быть может, это я с тоски прочел
В его предсмертной просьбе? Дай мне руку.
Мы в книге бедствий на одной строке.

Ты ляжешь в величавую могилу.
 В могилу? Нет, в сияющий чертог.
 Среди него покоится Джульетта
 И наполняет светом этот склеп.
 Лежи, мертвец, похороненный мертвым!
(Кладет Париса в гробницу.)
 Пред смертью на иных находит смех.
 Свидетели зовут веселье это
 Прощальными зарницами. Теперь
 Проверю я, зарницы ль эти вспышки.
 Любовь моя! Жена моя! Конец,
 Хоть высосал, как мед, твое дыханье,
 Не справился с твоею красотой.
 Тебя не победили: зная жизни
 Горит в губах твоих и на щеках,
 И смерти бледный стяг еще не поднят.
 И ты тут, в красном саване, Тибальт?
 Какую радость я тебе доставлю!
 Смотри: сразившею тебя рукой
 Сейчас сражу я твоего убийцу.
 Прости меня! Джульетта, для чего
 Ты так прекрасна? Я могу подумать,
 Что ангел смерти взял тебя живьем
 И взаперти любовницею держит.
 Под страхом этой мысли остаюсь
 И никогда из этой тьмы не выйду.
 Здесь поселюсь я, в обществе червей,
 Твоих служанок новых. Здесь останусь,
 Здесь отдохну навек, здесь сброшу с плеч
 Томительное иго звезд зловещих.
 Любуйтесь ею пред концом, глаза!
 В последний раз ее обвейте, руки!
 И губы, вы, преддверия души,
 Запечатлейте долгим поцелуем
 Со смертью мой бессрочный договор.
 Сюда, сюда, угрюмый перевозчик!
 Пора разбить потрепанный корабль
 С разбега о береговые скалы.
 Пью за тебя, любовь!

(Выпивает яд.)

Ты не солгал,

Аптекарь! С поцелуем умираю.
(Умирает.)

С другого конца кладбища входит брат Лоренцо с фонарем,
ломом и лопатой.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Будь мне опорой, святой Франциск,
Чтоб в яму не свалиться. Кто ты, малый?

БАЛТАЗАР

Не бойтесь. Я вас знаю хорошо.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Благослови господь! Скажи, приятель,
Чей факел льет там бесполезный свет
Червям и черепам? Он за решеткой
У Капулетти, кажется.

БАЛТАЗАР

Он там,

Святой отец. В гробнице мой хозяин.
Ваш друг.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Какой?

БАЛТАЗАР

Ромео.

БРАТ ЛОРЕНЦО

И давно?

БАЛТАЗАР

Да с полчаса!

БРАТ ЛОРЕНЦО

Пойдем со мной в гробницу.

БАЛТАЗАР

Нельзя: хозяин мой не должен знать,
Что я был тут. Он мне под страхом смерти
Велел уйти и не смотреть за ним.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Ну, не ходи. Я сам пойду. Мне страшно,
И чудится какая-то беда.

БАЛТАЗАР

Когда я спал в кустах, мне показалось,
Что в споре с незнакомцем господин
Убил его у входа в склеп.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Ромео!

(Подходит к склепу.)

О господи! Чьей это крови след
На плитах пред решеткою? А это?
Чьи это обагрённые мечи
У входа в усыпальницу?

(Входит в гробницу.)

Ромео!

Как бледен! А другой? Как, граф Парис?
И весь в крови? Где ключ к загадке этой?
Но спящая проснулась.

Дж у л ь е т т а пробуждается.

ДЖУЛЬЕТТА

О монах,

Где мой супруг? Я сознаю отлично,
Где быть должна. Я там и нахожусь.
Где ж мой Ромео?

Шум за сценой.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Слышишь, кто-то ходит.

Уйдем скорей из этого гнезда
Заразы, смерти и оцепененья.
Другая сила, больше, чем моя,
Предупредила нас. Идем отсюда.
У ног твоих лежит твой мертвый муж,
И с ним Парис. Поторопись. Ты вступишь
Монахиней в обитель. Поспешим.
Не спрашивай меня. Подходит стража.
Дж у л ь е т т а, торопись! Мы на виду.

ДЖУЛЬЕТТА

Ступай один, отец. Я не пойду.

Брат Лоренцо уходит.

Что он в руке сжимает? Это склянка.
Он, значит, отравился? Ах, злодей,

Все выпил сам, а мне и не оставил!
Но, верно, яд есть на его губах.
Тогда его я в губы поцелую
И в этом подкрепление смерть найду.
(*Целует Ромео.*)

Какие теплые!

ПЕРВЫЙ СТОРОЖ

Где это место?

Веди, любезный.

ДЖУЛЬЕТТА

Чьи-то голоса.

Пора кончать. Но вот кинжал, по счастью.

(*Схватывает кинжал Ромео.*)

Сиди в чехле.

(*Вонзает его в себя.*)

Будь здесь, а я умру.

(*Падает на труп Ромео и умирает.*)

Входит стража с пажом Париса.

ПАЖ

Вот это место. Там, где воткнут факел.

ПЕРВЫЙ СТОРОЖ

Тут кровь. Могилы надо обыскать.
Кого кругом ни встретите, хватайте.
Печальный вид! Вот мертвый граф Парис.
Вот теплая и вся в крови Джульетта,
Хотя два дня уж как схоронена.
Сходить за князем. Вызвать Капулетти.
Поднять Монтекки. Окружите склеп.
Причина гибели их неизвестна.
Ее откроют розыск и допрос.

Несколько сторожей возвращаются с Балтазаром.

ВТОРОЙ СТОРОЖ

На кладбище нашли слугу Ромео.

ПЕРВЫЙ СТОРОЖ

Покамест князь придет, не отпускать.

Входит брат Лоренцо в сопровождении других сторожей.

ТРЕТИЙ СТОРОЖ

Монах задержан. Плачет и рыдает.
При нем мотыга и железный лом.
Он взят у дальнего конца ограды.

ПЕРВЫЙ СТОРОЖ

Ввиду больших улик — не отпускать.

Входит князь со свитой.

КНЯЗЬ

Какая неурочная невзгода
Так рано поднимает нас от сна?

Входят Капулетти, леди Капулетти и другие.

КАПУЛЕТТИ

О чем кричат, сбегаясь отовсюду?

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Народ бежит по улицам бегом,
Крича: «Парис», «Ромео» и «Джульетта»,
И окружает наш фамильный склеп.

КНЯЗЬ

Что тут случилось?

ПЕРВЫЙ СТОРОЖ

Вот лежит Ромео,
А вот Парис. А вот, светлейший князь,
Скончавшаяся перед тем Джульетта,
Опять тепла и вновь умерщвлена.

КНЯЗЬ

Ищите, кто виновник изуверства.

ПЕРВЫЙ СТОРОЖ

Вот тут слуга Ромео и монах.
При них орудье взлома. Ими вскрыта
Могила эта.

КАПУЛЕТТИ

Боже! Глянь, жена,
Как наша дочка истекает кровью!
Кинжал ошибся местом. Вон ремень
С его ножнами на боку Монтекки,
А он торчит у дочери в груди.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ

Ах, это все, как колокольный звон,
Мне мысль о близкой смерти напевает!

Входят Монтекки и другие.

КНЯЗЬ

Монтекки, ты сегодня рано встал,
Но до восхода сын твой закатился.

МОНТЕККИ

Жена моя сегодня умерла:
Она не вынесла разлуки с сыном.
Какая скорбь еще готова мне?

КНЯЗЬ

Взгляни и сам увидишь!

МОНТЕККИ

О невежа!

Тесниться к гробу впереди отца!

КНЯЗЬ

Сдержите горестные восклицанья,
Пока не разъяснили этих тайн.
Когда я буду знать их смысл и корень,
То я, как предводитель ваших бед,
Не буду вас удерживать от смерти.
Пока пусть пострадавшие молчат.
Где эти подозрительные лица?

БРАТ ЛОРЕНЦО

Хоть без вины, как будто главный я.
Так говорят, на первый взгляд, улики.
Итак, я тут стою в двойном лице —
Как обвиняемый и обвинитель,
Чтоб осудить себя и оправдать.

КНЯЗЬ

Рассказывай, что ты об этом знаешь.

БРАТ ЛОРЕНЦО

Я буду краток, коротко и так
Для длинной повести мое дыханье.
Простертый на земле Ромео — муж
Джульетты, и она — жена Ромео.
Я тайно их венчал, и в этот день
Убит Тибальт, и смерть его — причина
Изгнания новобрачного. О нем,

А не о брате плакала Джульетта.
Тогда для прекращения этих слез
Вы ей велели выйти за Париса.
Она пришла ко мне, чтоб я помог
Избавиться ей от второго брака,
А то б она покончила с собой.
Я, пользуясь познаниями своими,
Дал ей снотворное. Как я и ждал,
Она уснула сном, подобным смерти,
А я Ромео написал письмо,
Чтоб он за ней приехал этой ночью,
Когда ослабнет действие питья,
И взял с собой. К несчастью, брат Джованни,
Посыльный мой, не мог отвезть письма
И мне его вернул, застряв в Вероне.
Тогда за бедной узницей, к поре,
Когда она должна была очнуться,
Пошел я сам и думал приютить
Ее, до вызова Ромео, в келье.
Однако же, когда я к ней вошел
За несколько минут до пробуждения,
Я тут уж натолкнулся на тела
Погибшего Париса и Ромео.
Но вот она встает. Я, как могу,
Зову ее с собой и убеждаю
Смириться пред судьбой, но шум извне
Меня внезапно вынуждает скрыться.
Она не пожелала уходить
И, видимо, покончила с собою.
Вот все, что знаю я. Их тайный брак
Известен няне. Если в происшедшем
Я виноват хоть сколько, пусть мой век
Укоротят в угоду правосудью
За несколько часов перед концом.

КНЯЗЬ

Мы праведным всегда тебя считали.
Слуга Ромео, что ты скажешь нам?

БАЛТАЗАР

Я свез Ромео весть про смерть Джульетты,
И мы пустились вскачь на лошадях
Из Мантуи сюда, к ограде склепа.

Он дал письмо для своего отца,
Которое при мне, и под угрозой
Велел его оставить одного.

КНЯЗЬ

Дай мне письмо. Посмотрим содержание.
Где графов паж, позвавший караул? —
Что делал господин твой в этом месте?

ПАЖ

Он возлагал цветы на гроб жены
И приказал мне отойти подальше.
Вдруг входит кто-то с факелом в руках,
И господин выхватывает шпагу.
Тут я за стражею и побежал.

КНЯЗЬ

В письме подтверждены слова монаха.
Рассказывая, как он встретил весть
Про смерть жены, Ромео прибавляет,
Что добыл яду в лавке бедняка,
Чтоб отравиться в склепе у Джульетты.
Где вы, непримиримые враги,
И спор ваш, Капулетти и Монтекки?
Какой для ненавистников урок,
Что небо убивает вас любовью!
И я двух родственников потерял
За то, что потакал вам. Всем досталось.

КАПУЛЕТТИ

Монтекки, руку дай тебе пожму.
Лишь этим возмести мне вдовью долю
Джульетты.

МОНТЕККИ

За нее я больше дам.
Я памятник ей в золоте воздвигну.
Пока Вероной город наш зовут,
Стоять в нем будет лучшая из статуй
Джульетты, верность сохранившей свято.

КАПУЛЕТТИ

А рядом изваяньем золотым
Ромео по достоинству почтим.

КНЯЗЬ

Сближение ваше сумраком объято.
Сквозь толщу туч не кажет солнце глаз.

Пойдем обсудим сообща утраты
И обвиним иль оправдаем вас.
Но повесть о Ромео и Джульетте
Останется печальнейшей на свете...

Уходят.

Гамлет

HAMLET, PRINCE OF DENMARK

Перевод с английского
М. ЛОЗИНСКОГО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Клавдий, король Датский.

Гамлет, сын покойного и племянник царствующего короля.

Фортинбрас, принц Норвежский.

Полоний, ближний вельможа.

Горацио, друг Гамлета.

Лазрт, сын Полония.

Вольтиманд

Корнелий

Розенкранц

Гильденстерн

Озрик

Первый дворянин

Второй дворянин

Священник.

Марцелл } офицеры.

Бернардо }

Франсиско, солдат.

Рейнальдо, слуга Полония.

Актеры.

Два могильщика.

Капитан.

Английские послы.

Гертруда, королева Датская, мать Гамлета.

Офелия, дочь Полония.

Призрак отца Гамлета.

Вельможи, дамы, офицеры, солдаты, моряки, гонцы и другие слуги.

Место действия — Эльсинор.

АКТ I

СЦЕНА I

Эльсинор. Площадка перед замком.

Франсиско на страже. Входит Бернардо.

БЕРНАРДО

Кто здесь?

ФРАНСИСКО

Нет, сам ответь мне; стой и объявись.

БЕРНАРДО

Король да здравствует!

ФРАНСИСКО

Бернардо?

БЕРНАРДО

Он.

ФРАНСИСКО

Вы в самое пожаловали время.

БЕРНАРДО

Двенадцать бьет; иди ложись, Франсиско.

ФРАНСИСКО

Спасибо, что сменили; холод резкий,

И мне не по себе.

БЕРНАРДО

Все было тихо?

ФРАНСИСКО

Мышь не шевельнулась.

БЕРНАРДО

Ну, доброй ночи.

И, если встретишь остальных — Марцелла

Или Горацио, — поторопи их.

ФРАНСИСКО

Я их как будто слышу.— Стой! Кто тут?

Входят Горацио и Марцелл.

ГОРАЦИО

Друзья стране.

МАРЦЕЛЛ

И люди датской службы.

ФРАНСИСКО

Покойной ночи.

МАРЦЕЛЛ

С богом, честный воин.

А кто сменил тебя?

ФРАНСИСКО

Пришел Бернардо.

Покойной ночи.

(Уходит.)

МАРЦЕЛЛ

Эй! Бернардо!

БЕРНАРДО

Что,

Горацио с тобой?

ГОРАЦИО

Кусок его.

БЕРНАРДО

Привет, Горацио; Марцелл, привет.

МАРЦЕЛЛ

Ну, что, опять сегодня появлялось?

БЕРНАРДО

Я ничего не видел.

МАРЦЕЛЛ

Горацио считает это нашей
Фантазией, и в жуткое виденье,
Представшее нам дважды, он не верит;
Поэтому его я пригласил
Посторожить мгновенья этой ночи,
И, если призрак явится опять,
Пусть взглянет сам и пусть его окликнет.

ГОРАЦИО

Чушь, чушь, не явится.

БЕРНАРДО

Давайте сядем
И двинем вновь на штурм твоих ушей,
Для нашего рассказа неприступных,
Все, что мы видели.

ГОРАЦИО

Ну хорошо,
Присядем и слушаем Бернардо.
БЕРНАРДО

Минувшей ночью,
Когда вон та звезда, левой Полярной,
Пришла светить той области небес,
Где блещет и теперь, Марцелл и я,
Едва пробило час...

Входит Призрак.

МАРЦЕЛЛ

Тс-с, замолчи! Смотри, вот он опять!
БЕРНАРДО
Совсем такой, как был король покойный.
МАРЦЕЛЛ

Ты книжник; обратись к нему, Горацио*.
БЕРНАРДО

Похож на короля? Взгляни, Горацио.
ГОРАЦИО

Да, я пронизан страхом и смущением!
БЕРНАРДО
Он ждет вопроса*.

МАРЦЕЛЛ

Спрашивай, Горацио.

ГОРАЦИО

Кто ты, что посягнул на этот час
И этот бранный и прекрасный облик,
В котором мертвый повелитель дятчан
Ступал когда-то? Заклинаю, молви!

МАРЦЕЛЛ

Он оскорблен.
БЕРНАРДО

Смотри, шагает прочь!

ГОРАЦИО

Стой! Молви, молви! Заклинаю, молви!

Призрак уходит.

МАРЦЕЛЛ

Ушел — и не ответил.

БЕРНАРДО

Ну что, Горацио? Дрожишь и бледен?

Пожалуй, это не одна фантазия?

Что скажешь ты?

ГОРАЦИО

Клянусь вам богом, я бы не поверил,

Когда бы не бесспорная порука

Моих же глаз.

МАРЦЕЛЛ

Похож на короля?

ГОРАЦИО

Как ты сам на себя.

Такой же самый был на нем доспех,

Когда с кичливым бился он Норвежцем;

Вот так он хмурился, когда на льду

В свирепой схватке разгромил поляков.

Как странно!

МАРЦЕЛЛ

И так он дважды в этот мертвый час

Прошел при нашей страже грозным шагом.

ГОРАЦИО

Что в точности подумать, я не знаю;

Но вообще я в этом вижу знак

Каких-то странных смут для государства.

МАРЦЕЛЛ

Не сесть ли нам? И пусть кто знает, скажет,

К чему вот эти строгие дозоры

Всеночно трудят подданных страны?

К чему литье всех этих медных пушек

И эта скупка боевых припасов,

Вербовка плотников, чей тяжкий труд

Не различает праздников от будней?

В чем тайный смысл такой горячей спешки,

Что стала ночь сотрудицею дня?

Кто объяснит мне?

ГОРАЦИО

Я, по крайней мере,
Есть слух такой. Покойный наш король,
Чей образ нам сейчас являлся, был,
Вы знаете, норвежским Фортинбрасом,
Подвигнутым ревнивою гордыней,
На поле вызван; и наш храбрый Гамлет —
Таким он слыл во всем известном мире —
Убил его; а тот по договору,
Скрепленному по чести и законам,
Лишался вместе с жизнью всех земель,
Ему подвластных, в пользу короля,
Взамен чего покойный наш король
Ручался равной долей, каковая
Переходила в руки Фортинбраса,
Будь победитель он; как и его
По силе заключенного условия
Досталась Гамлету. И вот, незрелой
Кипя отвагой, младший Фортинбрас
Набрал себе с норвежских побережий
Ватагу незаконных удалцов
За корм и харч для некоего дела,
Где нужен зуб, и то не что иное —
Так понято и нашею державой, —
Как отобрать с оружием в руках,
Путем насилья, сказанные земли,
Отцом его утраченные; вот
Чем вызваны приготовления наши
И эта наша стража, вот причина
И торопи и шума в государстве.

БЕРНАРДО

Я думаю, что так оно и есть.
Вот почему и этот вещий призрак
В доспехах бродит, схожий с королем,
Который подал повод к этим войнам.

ГОРАЦИО

Соринка, чтоб затмился глаз рассудка.
В высоком Риме, городе побед,
В дни перед тем, как пал могучий Юлий*,
Покинув гробы, в саванах, вдоль улиц
Визжали и гнули мертвецы;

Кровавый дождь, косматые светила,
 Смущенья в солнце, влажная звезда*,
 В чьей области Нептунова держава*,
 Болела тьмой, почти как в судный день;
 Такие же предвестья злых событий,
 Спешащие гонцами пред судьбой
 И возвещающие о грядущем,
 Явили вместе небо и земля
 И нашим соплеменникам и странам.

Призрак возвращается.

Но тише, видите? Вот он опять!
 Иду, я порчи не боюсь*.— Стой, призрак!
 Когда владеешь звуком ты иль речью,
 Молви мне!
 Когда могу я что-нибудь свершить
 Тебе в угоду и себе на славу,
 Молви мне!
 Когда тебе открыт удел отчизны,
 Предвиденьем, быть может, отвратимый,
 О, молви!
 Или когда при жизни ты зарыл
 Награбленные клады, по которым
 Вы, духи, в смерти, говорят, томитесь,

Поет петух.

То молви; стой и молви! Задержи
 Его, Марцелл.

МАРЦЕЛЛ

Ударить протазаном?*

ГОРАЦИО

Да, если двинется.

БЕРНАРДО

Он здесь!

ГОРАЦИО

Он здесь!

Призрак уходит.

МАРЦЕЛЛ

Ушел!

Напрасно мы, раз он так величав,
Ему являем видимость насилья;
Ведь он для нас неуязвим, как воздух,
И этот жалкий натиск — лишь обида.

БЕРНАРДО

Он бы ответил, да запел петух.

ГОРАЦИО

И вздрогнул он, как некто виноватый
При грозном оклике. Я слышал, будто
Петух, трубач зари, своей высокой
И звонкой глоткой будит ото сна
Дневного бога, и при этом зове,
Будь то в воде, в огне, в земле иль в ветре,
Блуждающий на воле дух спешит
В свои пределы; то, что это правда,
Нам настоящий случай доказал.

МАРЦЕЛЛ

Он стал незрим при петушином крике.
Есть слух, что каждый год близ той поры,
Когда родился на земле Спаситель,
Певец зари не молкнет до утра;
Тогда не смеют шелохнуться духи,
Целебны ночи, не разят планеты,
Безвредны феи, ведьмы не чаруют,—
Так благостно и свято это время.

ГОРАЦИО

Я это слышал и отчасти верю.
Но вот и утро, рыжий плащ накинув,
Ступает по росе восточных гор.
Прервемте стражу; и, я так бы думал,
То, что мы ночью видели, не скроем
От молодого Гамлета; клянусь,
Что дух, немой для нас, ему ответит.
Согласны вы, чтоб мы ему сказали,
Как это нам велят любовь и долг?

МАРЦЕЛЛ

Да, я прошу; и я сегодня знаю,
Где нам его найти всего верней.

Уходят.

СЦЕНА 2

Парадная зала в замке.

Трубы. Входят король, королева, Гамлет, Полоний, Лаэрт, Вольтиманд, Корнелий, вельможи и слуги.

КОРОЛЬ

Смерть нашего возлюбленного брата
Еще свежа, и подобает нам
Несть боль в сердцах и всей державе нашей
Нахмуриться одним челом печали,
Однако разум поборол природу,
И, с мудрой скорбью помня об умершем,
Мы помышляем также о себе.
Поэтому сестру и королеву,
Наследницу воинственной страны,
Мы, как бы с омраченным торжеством —
Одним смеясь, другим кручинясь оком,
Грустя на свадьбе, веселясь над гробом,
Уравновесив радость и унынье, —
В супруги взяли, в этом опираясь
На вашу мудрость, бывшую нам вольной
Пособницей. За все — благодарим.
Теперь другое. Юный Фортинбрас,
Ценя нас невысоко или мысля,
Что с той поры, как опочил наш брат,
Пришло в упадок наше королевство,
Вступил в союз с мечтой самолюбивой
И неустанно требует от нас
Возврата тех земель, что в обладанье
Законно принял от его отца
Наш достославный брат. То про него.
Теперь про нас и про собрание наше.
Здесь дело таково: мы просим этим
Письмом Норвежца, дядю Фортинбраса,
Который, немогущий, едва ль что слышал
О замыслах племянника, пресечь
Его шаги, затем что и наборы
И все снабжение войск обременяют
Его же подданных; и мы хотим,
Чтоб ты, мой Вольтиманд, и ты, Корнелий,
Свезли посланье старому Норвежцу,
Причем мы вам даем не больше власти

В переговорах с королем, чем здесь
Дозволено статьями. Добрый путь.
Поспешностью отметьте ваше рвенье.

КОРНЕЛИЙ И ВОЛЬТИМАНД

Здесь, как во всем, мы явим наше рвенье.

КОРОЛЬ

Мы в том не сомневались; добрый путь.

Вольтиманд и Корнелий уходят.

А ты, Лаэрт, что нам расскажешь ты?
О чем ты нас хотел просить, Лаэрт?
Пред Датчанином голос твой напрасно
Не прозвучит. Что мог бы ты желать,
Чего бы сам тебе не предложил я?
Не так родима сердцу голова,
Не так рука услужлива устам,
Как датский скипетр твоему отцу.
Что б ты хотел, Лаэрт?

ЛАЭРТ

Мой государь,
Дозвольте мне во Францию вернуться;
Хотя оттуда я и прибыл сам
Исполнить долг при вашей коронации,
Но, сознаюсь, теперь мои надежды
И помыслы опять назад стремятся
И ждут, склонясь, от вас соизволения.

КОРОЛЬ

А как отец? Что говорит Полоний?

ПОЛОНИЙ

Он долго докучал мне, государь,
Настойчивыми просьбами, пока
Я не скрепил их нехотя согласьем.
Я вас прошу, дозволейте ехать сыну.

КОРОЛЬ

Что ж, в добрый час, Лаэрт; твоим будь время,
И трать его по мере лучших сил! —
А ты, мой Гамлет, мой племянник милый...

ГАМЛЕТ *(в сторону)*

Племянник — пусть; но уж никак не милый.

КОРОЛЬ

Ты все еще окутан прежней тучей?

ГАМЛЕТ

О нет, мне даже слишком много солнца.

КОРОЛЕВА

Мой милый Гамлет, сбрось свой черный цвет,
Взгляни как друг на датского владыку.
Нельзя же день за днем, потупя взор,
Почившего отца искать во прахе.
То участь всех: все жившее умрет
И сквозь природу в вечность перейдет.

ГАМЛЕТ

Да, участь всех.

КОРОЛЕВА

Так что ж в его судьбе

Столь необычным кажется тебе?

ГАМЛЕТ

Мне кажется? Нет, есть. Я не хочу
Того, что кажется. Ни плащ мой темный,
Ни эти мрачные одежды, мать,
Ни бурный стон стесненного дыхания,
Нет, ни очей поток многообильный,
Ни горем удрученные черты
И все обличья, виды, знаки скорби
Не выразят меня; в них только то,
Что кажется и может быть игрою;
То, что во мне, правдивей, чем игра;
А это все — наряд и мишура.

КОРОЛЬ

Весьма отрадно и похвально, Гамлет,
Что ты отцу печальный платишь долг;
Но и отец твой потерял отца;
Тот — своего; и переживший призван
Сыновней верностью на некий срок
К надгробной скорби; но являть упорство
В строптивом горе будет печестивым
Упрямством; так не сетует мужчина;
То признак воли, непокорной небу,
Души нестойкой, буйного ума,
Худого и немудрого рассудка.
Ведь если что-нибудь неотвратимо
И потому случается со всеми,
То можно ль этим в хмуром возмущенье

Тревожить сердце? Это грех пред небом,
Грех пред усопшим, грех пред естеством,
Противный разуму, чье паставление
Есть смерть отцов, чей вековечный клич
От первого покойника донныне:
«Так должно быть». Тебя мы просим, брось
Бесплодную печаль, о нас помысли,
Как об отце; пусть не забудет мир,
Что ты всех ближе к нашему престолу
И я не меньшей щедростью любви,
Чем сына самый нежный из отцов,
Тебя дарю. Что до твоей заботы
Вернуться для ученья в Виттенберг,
Она с желаньем нашим в расхождение.
И я прошу тебя, склонись остаться
Здесь, в ласке и в утехе наших взоров,
Наш первый друг, наш родич и наш сын.

КОРОЛЕВА

Пусть мать тебя не тщетно просит, Гамлет,
Останься здесь, не ездь в Виттенберг.

ГАМЛЕТ

Сударыня, я вам во всем послушен.

КОРОЛЬ

Вот любящий и милый нам ответ!
Будь здесь, как мы.— Сударыня, идемте;
В согласье принца, вольном и радушном,—
Улыбка сердцу; в знак чего сегодня
На всякий ковш, что Датчанин осушит,
Большая пушка грянет в облака,
И гул небес над королевской чашей
Земным громам откликнется. Идем.

Трубы.

Все, кроме Гамлета, уходят.

ГАМЛЕТ

О, если б этот плотный сгусток мяса
Растаял, сгинул, изошел росой!
Иль если бы предвечный не уставил
Запрет самоубийству! Боже! Боже!
Каким докучным, тусклым и ненужным
Мне кажется все, что ни есть на свете!

О мерзость! Это буйный сад, плодящий
Одно лишь семя; дикое и злое
В нем властвует. До этого дойти!
Два месяца, как умер! Меньше даже.
Такой достойнейший король! Сравнить их —
Феб и сатир*. Он мать мою так нежил,
Что ветрам неба не дал бы коснуться
Ее лица. О небо и земля!
Мне ль вспоминать? Она к нему тянулась,
Как если б голод только возрастал
От насыщения. А через месяц..
Не думать бы об этом! Бренность, ты
Зовешься: женщина! — и башмаков
Не износив, в которых шла за гробом,
Как Ниобея*, вся в слезах, она —
О боже, зверь, лишенный разума,
Скучал бы дольше! — замужем за дядей,
Который на отца похож не боле,
Чем я на Геркулеса. Через месяц!
Еще и соль ее бесчестных слез
На покрасневших веках не исчезла,
Как вышла замуж. Гнусная поспешность —
Так броситься на одр кровосмешенья!
Нет и не может в этом быть добра.—
Но смолкни, сердце, скован мой язык!

Входят Горацио, Марцелл и Бернардо.

ГОРАЦИО

Привет вам, принц!

ГАМЛЕТ

Я очень рад вас видеть.—

Горацио? Или я сам не я.

ГОРАЦИО

Он самый, принц, и бедный ваш слуга.

ГАМЛЕТ

Мой добрый друг, пусть то взаимно будет.

Но почему же вы не в Виттенберге?

Марцелл?

МАРЦЕЛЛ

Мой добрый принц...

ГАМЛЕТ

Я очень рад вас видеть.

(Бернардо.)

Добрый вечер.—

Так почему же вы не в Виттенберге?

ГОРАЦИО

По склонности к безделью, добрый принц.

ГАМЛЕТ

Мне этого и враг ваш не сказал бы,

И слух мой не насилуйте и вы,

Чтоб он поверил вашему извету

На самого себя; вы не бездельник,

Но что у вас за дело в Эльсиноре?

Пока вы здесь, мы вас научим пить.

ГОРАЦИО

Я плыл на похороны короля.

ГАМЛЕТ

Прошу тебя, без шуток, друг студент;

Скорей уже — на свадьбу королевы.

ГОРАЦИО

Да, принц, она последовала быстро.

ГАМЛЕТ

Расчет, расчет, приятель! От поминок

Холодное пошло на брачный стол.

О, лучше бы мне встретился в раю

Мой злейший враг, чем этот день, Горацио!

Отец!.. Мне кажется, его я вижу.

ГОРАЦИО

Где, принц?

ГАМЛЕТ

В очах моей души, Горацио.

ГОРАЦИО

Его я помню; истый был король.

ГАМЛЕТ

Он человек был, человек во всем;

Ему подобных мне уже не встретить.

ГОРАЦИО

Мой принц, он мне явился пынче ночью.

ГАМЛЕТ

Явился? Кто?

ГОРАЦИО

Король, отец ваш.

ГАМЛЕТ

Мой отец, король?

ГОРАЦИО

На миг умерьте ваше изумление
И слушайте, что я вам расскажу,
В свидетели взяв этих офицеров,
Об этом диве.

ГАМЛЕТ

Ради бога, да!

ГОРАЦИО

Две ночи кряду эти офицеры,
Бернардо и Марцелл, неся дозор,
В безжизненной пустыне полуночи
Видали вот что. Некто, как отец ваш,
Вооруженный с ног до головы,
Является и величавым шагом
Проходит мимо. Трижды он прошел
Пред их замершим от испуга взором
На расстоянии жезла; они же,
Почти что в стужень обратясь от страха,
Стоят, храня безмолвье. Это мне
Они поведали под страшной тайной.
На третью ночь я с ними был на страже;
И, как они сказали, в тот же час
И в том же виде, подтвердив все точно,
Явилась тень. Я помню короля:
Так схожи две руки.

ГАМЛЕТ

Где ж это было?

МАРЦЕЛЛ

Прищ, на площадке, где мы сторожим.

ГАМЛЕТ

Вы с ним не говорили?

ГОРАЦИО

Говорил,

Но он не отвечал; хотя однажды
Он поднял голову, и мне казалось,
Как будто он хотел заговорить;
Но в этот самый миг запел петух;

При этом звуке он метнулся быстро
И стал невидим.

ГАМЛЕТ

Это очень странно.

ГОРАЦИО

Как то, что я живу, принц, это правда,
И мы считали предписаньем долга
Сказать вам это.

ГАМЛЕТ

Да-да, конечно, только я смущен.
Сегодня кто на страже? Вы?

МАРЦЕЛЛ И БЕРНАРДО

Да, принц.

ГАМЛЕТ

Вооружен, сказали вы?

МАРЦЕЛЛ И БЕРНАРДО

Да, принц.

ГАМЛЕТ

От головы до ног?

МАРЦЕЛЛ И БЕРНАРДО

От пят до темя.

ГАМЛЕТ

Так вы не видели его лица?

ГОРАЦИО

Нет, как же, принц; он шел, подняв забрало.

ГАМЛЕТ

Что, он смотрел угрюмо?

ГОРАЦИО

В лице была скорей печаль, чем гнев.

ГАМЛЕТ

И бледен иль багров?

ГОРАЦИО

Нет, очень бледен.

ГАМЛЕТ

И смотрел на вас?

ГОРАЦИО

Да, пристально.

ГАМЛЕТ

Жаль, что я не был там.

ГОРАЦИО

Он ужаснул бы вас.

ГАМЛЕТ

Весьма возможно. И он долго пробыл?

ГОРАЦИО

Вы счесть могли бы до ста не спеша.

МАРЦЕЛЛ И БЕРНАРДО

Нет, дольше, дольше.

ГОРАЦИО

При мне не дольше.

ГАМЛЕТ

Борода седая?

ГОРАЦИО

Такая, как я видел у живого,—

Чернь с серебром.

ГАМЛЕТ

Сегодня буду с вами;

Быть может, вновь придет он.

ГОРАЦИО

Я ручаюсь.

ГАМЛЕТ

И, если вновь он примет вид отца,
 Я с ним заговорю, хоть ад разверзнись,
 Веля, чтоб я умолк. Прошу вас всех —
 Как до сих пор об этом вы молчали,
 Так вы и впредь храните это в тайне
 И, что бы ни было сегодня ночью,
 Всему давайте смысл, но не язык;
 Я за любовь вам отплачу. Прощайте;
 Так я приду в двенадцатом часу
 К вам на площадку.

ВСЕ

Принц, наш долг примите.

ГАМЛЕТ

Приму любовь, а вы — мою. Прощайте.

Все, кроме Гамлета, уходят.

Дух Гамлета в оружьи! Дело плохо.
 Здесь что-то кроется. Скорей бы ночь!
 Терпи, душа; изблещится зло,
 Хотя б от глаз в подземный мрак ушло.
(Уходит.)

СЦЕНА 3

Комната в доме Полония.
Входят Лаэрт и Офелия.

ЛАЭРТ

Мой скорб уже на корабле; простимся;
И если ветер выдастся попутный
И будет случай, то не спи, сестра,
И весть пришли.

ОФЕЛИЯ

Ты сомневался в этом?

ЛАЭРТ

А Гамлет и его расположение —
Так это лишь порыв, лишь прихоть крови,
Цветок фиалки на заре весны,
Поспешный, хрупкий, сладкий, неживучий,
Благоухание одной минуты,
И только.

ОФЕЛИЯ

Только и всего?

ЛАЭРТ

Поверь мне:

Природа, зрея, умножает в нас
Не только мощь и статность: с ростом храма
Растет служенье духа и ума.
Сейчас тебя он, может быть, и любит;
Ни скверна, ни лукавства не пятнают
Его благих желаний; но страшись:
Великие в желаниях не властны;
Он в подданстве у своего рожденья;
Он сам себе не режет свой кусок,
Как прочие; от выбора его
Зависят жизнь и здоровье всей державы,
И в нем он связан изволением тела,
Которому он голова. И если
Тебе он говорит слова любви,
То будь умна и верь им лишь настолько,
Насколько он в своем высоком сани
Их может оправдать; а это будет,
Как общий голос Дании решит.
И взвесь, как умалится честь твоя,

Коль ты согласишься песням обольщения,
 Иль потеряешь сердце, иль откроешь
 Свой чистый клад беспутным настояньям.
 Страшись, Офелия, страшись, сестра,
 И хоронись в тылу своих желаний,
 Вдали от стрел и пагубы страстей.
 Любая девушка щедра не в меру,
 Давая на себя взглянуть луне;
 Для клеветы ничто и добродетель;
 Червь часто точит первенцев весны,
 Пока еще их не раскрылись почки,
 И в утро юности, в росистой мгле,
 Тлетворные опасны дуновенья.
 Будь осторожна; робость — лучший друг;
 Враг есть и там, где никого вокруг.

ОФЕЛИЯ

Я стражем сердца моего поставлю
 Урок твой добрый. Только, милый брат,
 Не будь как грешный пастырь, что другим
 Указывает к небу путь тернистый,
 А сам, беспечный и пустой гуляка,
 Идет цветущею тропой утех,
 Забыв свои советы.

ЛАЭРТ

О, не бойся.

Но я замешкался; вот и отец.

Входит Полоний.

Вдвойне блажен благословенный дважды;
 Мне улыбнулся случай вновь проститься.

ПОЛОНИЙ

Ты здесь еще? Стыдись, пора, пора!
 У паруса сидит на шее ветер,
 И ждут тебя. Ну, будь благословен!
(Кладя руку на голову Лаэрты.)

И в память запиши мои заветы:
 Держи подальше мысль от языка,
 А необдуманную мысль — от действий.
 Будь прост с другими, но отнюдь не пошл.
 Своих друзей, их выбор испытай,
 Прикуй к душе стальными обручами,

Но не мозоль ладони кумовством
С любым бесперым панибратом. В ссору
Вступать остерегайся; но, вступив,
Так действуй, чтоб остерегался недруг.
Всем жадуй ухо, голос — лишь немногим;
Сбирай все мненья, но свое храни.
Шей платье по возможности дороже,
Но без затей — богато, но не броско:
По виду часто судят человека,
А у французов высшее сословье
Весьма изысканно и чинно в этом.
В долг не бери и займы не давай;
Легко и ссуду потерять и друга,
А займы тупят лезвёе хозяйства.
Но главное: будь верен сам себе;
Тогда, как вслед за днем бывает ночь,
Ты не изменишь и другим. Прощай;
Благословеньем это все скрепится.

ЛАЭРТ

Почтительно прощаюсь, господа мои.

ПОЛОНИЙ

Иди, вызывает время; слуги ждут.

ЛАЭРТ

Прощай, Офелия, и не забудь
Мои слова.

ОФЕЛИЯ

Я их замкнула в сердце,
И ключ от них уносишь ты с собой.

ЛАЭРТ

Прощайте.

(Уходит.)

ПОЛОНИЙ

О чем он говорил с тобой, Офелия?

ОФЕЛИЯ

О принце Гамлете, коль вам угодно.

ПОЛОНИЙ

Что ж, это кстати;
Мне сообщали, будто очень часто
Он стал с тобой делить досуг и ты
Ему весьма свободно даришь доступ;
Коль это так — а так мне говорили,

Желая остеречь,— то я скажу,
Что о себе ты судишь неразумней,
Чем дочь мою обязывает честь.
Что это там у вас? Скажи мне правду.

ОФЕЛИЯ

Он мне принес немало уверений
В своих сердечных чувствах.

ПОЛОНИЙ

В сердечных чувствах! Вот слова девицы,
Не искушенной в столь опасном деле.
И что ж, ты этим увереньям веришь?

ОФЕЛИЯ

Не знаю, что и думать, господин мой.

ПОЛОНИЙ

А думать ты должна, что ты дитя,
Раз уверенья приняла за деньги.
Уверь себя, что ты дороже стоишь:
Не то — совсем заездил это слово! —
Боюсь увериться, что я дурак.

ОФЕЛИЯ

Он о своей любви твердил всегда
С отменным вежеством.

ПОЛОНИЙ

Ты это вежество зовешь; ну-ну!

ОФЕЛИЯ

И речь свою скрепил он, господин мой,
Едва ль не всеми клятвами небес.

ПОЛОНИЙ

Силки для куликов! Я знаю сам,
Когда пылает кровь, как щедр бывает
Язык на клятвы; эти вспышки, дочь,
Которые сияют, но не греют
И тухнут при своем возникновенье,
Не принимай за пламя. Впредь скупее
Будь на девичье общество свое;
Цени свою беседу подороже,
Чем встреча по приказу. Что до принца,
То верь тому, что молод он и может
Гулять на привязи длиннее той,
Которая дана тебе; но клятвам
Его не верь, затем что это сводни

Другого цвета, чем на них наряд,
Ходатаи греховных домогательств,
Звучащие как чистые обеты,
Чтоб лучше обмануть. Раз навсегда:
Я не желаю, чтобы ты отныне
Губила свой досуг на разговоры
И речи с принцем Гамлетом. Смотри,
Я это приказал. Теперь ступай.

ОФЕЛИЯ

Я буду вам послушна, господин мой.

Уходят.

СЦЕНА 4

Плошадка.

Входят Гамлет, Горацио и Марцелл.

ГАМЛЕТ

Как воздух щиплет: большой мороз.

ГОРАЦИО

Жестокий и кусающийся воздух.

ГАМЛЕТ

Который час?

ГОРАЦИО

Должно быть, скоро полночь.

МАРЦЕЛЛ

Уже пробило.

ГОРАЦИО

Да? Я не слышал; значит, близко время,
Когда виденье примется бродить.

Трубные звуки и пушечный выстрел за сценой.

Что это значит, принц?

ГАМЛЕТ

Король сегодня тешится и кутит,
За здоровье пьет и кружит в бурном плясе;
И чуть он опорожнит кубок с рейнским,
Как гром литавр и труб разносит весть
Об этом подвиге.

ГОРАЦИО

Такой обычай?

ГАМЛЕТ

Да, есть такой;
По мне, однако,—хоть я здесь родился
И свyksя с нравами—обычай этот
Похвальнее нарушить, чем блюсти.
Тупой разгул на запад и восток
Позорит нас среди других народов;
Нас называют пьяницами, клички
Дают нам свинские; да ведь и вправду—
Он наши высочайшие дела
Лишает самой сердцевины славы.
Бывает и с отдельными людьми,
Что если есть у них порок врожденный—
В чем нет вины, затем что естество
Своих истоков избирать не может,—
Иль перевес какого-нибудь свойства,
Сносящий прочь все крепости рассудка,
Или привычка слишком быть усердным
В старанье нравиться, то в этих людях,
Отмеченных хотя б одним изъяном,
Пягном природы иль клеймом судьбы,
Все их достоинства—пусть нет им счета
И пусть они, как совершенство, чисты,—
По мнению прочих, этим недостатком
Уже погублены: крупица зла
Все доброе проникнет подозреньем
И обесславит.

Входит Призрак.

ГОРАЦИО

Принц, смотрите: вот он!

ГАМЛЕТ

Да охранят нас ангелы господни!—
Блаженный ты или проклятый дух,
Овеян небом иль геенной дышишь,
Злых или добрых умыслов исполнен,—
Твой образ так загадочен, что я
К тебе взываю: Гамлет, повелитель,
Отец, державный Датчанин, ответь мне!
Не дай сгореть в неведение, скажи,
Зачем твои схороненные кости

Раздрали саван свой; зачем гробница,
В которой был ты мирно упокоен,
Разъяв свой тяжкий мраморный оскал,
Тебя извергла вновь? Что это значит,
Что ты, бездушный труп, во всем железе
Вступаешь вновь в мерцание луны,
Ночь исказив, и нам, шутам природы,
Так жутко потрясает естество
Мечтой, для наших душ недостижимой?
Скажи: зачем? к чему? и что нам делать?

Призрак манит Гамлета.

ГОРАЦИО

Он манит вас последовать за ним,
Как если бы хотел сказать вам что-то
Наедине.

МАРЦЕЛЛ

Смотрите, как учтиво
Он вас зовет поодаль отойти;
Но вы с ним не идите.

ГОРАЦИО

Ни за что!

ГАМЛЕТ

Не отвечает; ну, так я иду.

ГОРАЦИО

Не надо, принц.

ГАМЛЕТ

Зачем? Чего бояться?

Мне жизнь моя дешевле, чем булавка;
А что он сделает моей душе,
Когда она бессмертна, как и он?
Меня он снова манит; я иду.

ГОРАЦИО

Что, если вас он завлечет к волне
Иль на вершину грозного утеса,
Нависшего над морем, чтобы там
Принять какой-нибудь ужасный облик,
Который в вас низложит власть рассудка
И ввергнет вас в безумие? Оставайтесь;
Там поневоле сами возникают
Отчаянные помыслы в мозгу

У тех, кто с этой кручи смотрит в море
И слышит, как оно ревет внизу.

ГАМЛЕТ

Он манит вновь.— Иди, я за тобой!

МАРЦЕЛЛ

Нет, принц, вы не пойдете!

ГАМЛЕТ

Руки прочь!

ГОРАЦИО

Нельзя, одумайтесь.

ГАМЛЕТ

Мой рок взывает,
И это тело в каждой малой жилке
Полно отваги, как Немейский лев*.

Призрак манит.

Он все зовет? — Пустите! Я клянусь,
Сам станет тенью, кто меня удержит;
Прочь, говорю! — Иди. Я за тобой.

Гамлет и Призрак уходят.

ГОРАЦИО

Он одержим своим воображеньем.

МАРЦЕЛЛ

Идем за ним; нельзя оставить так.

ГОРАЦИО

Идем.— Чем может кончиться все это?

МАРЦЕЛЛ

Подгнило что-то в Датском государстве.

ГОРАЦИО

Всем правит небо.

МАРЦЕЛЛ

Все ж таки идем.

Уходят.

СЦЕНА 5

Другая часть площадки.
Входят Призрак и Гамлет.

ГАМЛЕТ

Куда ведешь? Я дальше не пойду.

ПРИЗРАК

Так слушай.

ГАМЛЕТ

Я готов.

ПРИЗРАК

Уж близок час мой,

Когда в мучительный и серный пламень

Вернуться должен я.

ГАМЛЕТ

О бедный призрак!

ПРИЗРАК

Нет, не жалею меня, но всей душой

Внимай мне.

ГАМЛЕТ

Говори; я буду слушать.

ПРИЗРАК

И должен отомстить, когда услышишь.

ГАМЛЕТ

Что?

ПРИЗРАК

Я дух, я твой отец,

Приговоренный по ночам скитаться,

А днем томиться посреди огня,

Пока грехи моей земной природы

Не выжгутся дотла. Когда б не тайна

Моей темницы, я бы мог поведать

Такую повесть, что малейший звук

Тебе бы душу взрыл, кровь обдал стужей,

Глаза, как звезды, вырвал из орбит,

Разъял твои заплетшиеся кудри

И каждый волос водрузил стоймя,

Как иглы на взъяренном дикобразе;

Но вечное должно быть недоступно

Плотским ушам. О, слушай, слушай, слушай!

Коль ты отца когда-нибудь любил...

ГАМЛЕТ

О боже!

ПРИЗРАК

Отомсти за гнусное его убийство.

ГАМЛЕТ

Убийство?

ПРИЗРАК

Убийство гнусно по себе, но это
Гнуснее всех и всех бесчеловечней.

ГАМЛЕТ

Скажи скорей, чтоб я на крыльях, быстрых,
Как помысел, как страстные мечтанья,
Помчался к мести.

ПРИЗРАК

Вижу, ты готов;
Но даже будь ты вял, как тучный плевел,
Растущий мирно у летейских вод*,
Ты бы теперь воспрянул. Слушай, Гамлет:
Идет молва, что я, уснув в саду,
Ужален был змеей; так ухо Дании
Поддельной басней о моей кончине
Обмануто; но знай, мой сын достойный:
Змей, поразивший твоего отца,
Надел его венец.

ГАМЛЕТ

О вещая моя душа! Мой дядя?

ПРИЗРАК

Да, этот блудный зверь, кровосмеситель
Волшбой ума, коварства черным даром —
О гнусный ум и гнусный дар, что властны
Так обольщать! — склонил к постыдным ласкам
Мою, казалось, чистую жену;
О Гамлет, это ль не было паденьем!
Меня, чья благородная любовь
Шла неизменно об руку с обетом,
Мной данным при венчанье, променять
На жалкое творенье, чьи дары
Убоги пред моими!
Но как вовек не дрогнет добродетель,
Хотя бы грех ей льстил в обличьях рая,
Так похоть, будь с ней ангел лучезарный,
Пресытится и на небесном ложе,
Тоскуя по отбросам.
Но тише! Я почуял воздух утра;
Дай кратким быть. Когда я спал в саду,
Как то обычно делал пополудни,
Мой мирный час твой дядя подстерег

С проклятым соком белены в сосуде
И тихо мне в преддверия ушей
Влил прокажающий настой, чье свойство
Так глубоко враждебно пашей крови,
Что, быстрый, словно ртуть, он проникает
В природные врата и ходы тела
И свертывает круто и внезапно,
Как если кислым капнуть в молоко,
Живую кровь; так было и с моею;
И мерзостные струнья облепили,
Как Лазарю*, мгновенною коростой
Все тело мне.

Так я во сне от братственной руки
Утратил жизнь, венец и королеву;
Я скошен был в цвету моих грехов,
Врасплох, не причащен и не помазан;
Не сведши счетов, призван был к ответу
Под бременем моих несовершенств.
О ужас! Ужас! О великий ужас!
Не потерпи, коль есть в тебе природа:
Не дай постели датских королей
Стать ложем блуда и кровосмешенья.
Но, как бы это дело ни повел ты,
Не запятнай себя, не умышляй
На мать свою; с нее довольно неба
И терний, что в груди у ней живут,
Язва и жала. Но теперь прощай!
Уже светляк предвозвещает утро
И гасит свой ненужный огонек;
Прощай, прощай! И помни обо мне.

(Уходит.)

ГАМЛЕТ

О рать небес! Земля! И что еще
Прибавить? Ад? — Тыфу, нет! — Стой, сердце, стой.
И не дряхлейте, мышцы, но меня
Несите твердо. — Помнить о тебе?
Да, бедный дух, пока гнездится память
В несчастном этом шаре. О тебе?
Ах, я с таблицы памяти моей
Все суетные записи сотру,
Все книжные слова, все отпечатки,

Что молодость и опыт сберегли;
И в книге мозга моего пребудет
Лишь твой завет, не смешанный ни с чем,
Что низменнее; да, клянуся небом!
О пагубная женщина! — Подлец.
Улыбчивый подлец, подлец проклятый! —
Мои таблички, — надо записать,
Что можно жить с улыбкой и с улыбкой
Быть подлецом; по крайней мере — в Дании.

(Пишет.)

Так, дядя, вот, вы здесь. — Мой клич отныне:
«Прощай, прощай! И помни обо мне».
Я клятву дал.

ГОРАЦИО И МАРЦЕЛЛ *(за сценой)*

Принц, принц!

Входят Горацио и Марцелл.

МАРЦЕЛЛ

Принц Гамлет!

ГОРАЦИО

Да хранит вас небо!

ГАМЛЕТ

Да будет так!

МАРЦЕЛЛ

Илло, хо-хо*, мой принц!

ГАМЛЕТ

Илло, хо-хо! Сюда, сюда, мой сокол!

МАРЦЕЛЛ

Ну что, мой принц?

ГОРАЦИО

Что нового, мой принц?

ГАМЛЕТ

О, чудеса!

ГОРАЦИО

Скажите, принц.

ГАМЛЕТ

Нет; вы проговоритесь.

ГОРАЦИО

Не я, мой принц, клянусь вам!

МАРЦЕЛЛ

И не я.

ГАМЛЕТ

Как вам покажется? Кто мог бы думать?

Но это будет тайной?

ГОРАЦИО И МАРЦЕЛЛ

Да, клянемся.

ГАМЛЕТ

Нет в Датском королевстве подлеца,

Который не был бы отпетым плутом.

ГОРАЦИО

Не стоит призраку вставать из гроба,

Чтоб это нам поведать.

ГАМЛЕТ

Да, вы правы;

Поэтому без дальних слов давайте

Пожмем друг другу руки и пойдем;

Вы по своим делам или желаниям —

Ведь есть у всех желания и дела

Те иль другие, я же в бедной доле,

Вот видите ль, пойду молиться.

ГОРАЦИО

Принц,

То дикие, бессвязные слова.

ГАМЛЕТ

Сердечно жаль, что вам они обидны;

Да, жаль сердечно.

ГОРАЦИО

Здесь обиды нет.

ГАМЛЕТ

Обида есть, клянусь святым Патрикием*,

И тяжкая. А что до привиденья,

То это честный дух, скажу вам прямо;

Но узнавать, что между нами было,

Вы не пытайтесь. А теперь, друзья —

Раз вы друзья, студенты и солдаты,—

Исполните мне просьбу.

ГОРАЦИО

Какую, принц? Мы рады.

ГАМЛЕТ

Вовек не разглашать того, что было.

ГОРАЦИО И МАРЦЕЛЛ

Принц, мы не станем.

ГАМЛЕТ

Поклянитесь.

ГОРАЦИО

Ей-же,

Не стану, принц.

МАРЦЕЛЛ

И я не стану, ей-же.

ГАМЛЕТ

Нет, на моем мече.

МАРЦЕЛЛ

Ведь мы клялись.

ГАМЛЕТ

Как должно, на моем мече, как должно.

ПРИЗРАК (*из-под земли*)

Клянитесь!

ГАМЛЕТ

А! Это ты сказал? Ты здесь, приятель? —

Вот, слышите его из подземелья?

Клянитесь же.

ГОРАЦИО

Скажите клятву, принц.

ГАМЛЕТ

Молчать о том, что видели вы здесь,

Моим мечом клянитесь.

ПРИЗРАК (*из-под земли*)

Клянитесь!

ГАМЛЕТ

Nis et ubique?¹ Переменим место.

Здесь станем, господа,

И вновь на меч мой возложите руки.

Что будете о слышанном молчать,

Моим мечом клянитесь!

ПРИЗРАК (*из-под земли*)

Клянитесь!

ГАМЛЕТ

Так, старый крот! Как ты проворно роешь!

Отличный землекоп! Что ж, отойдем.

ГОРАЦИО

О день и ночь! Все это крайне странно!

¹ Здесь и всюду? (*лат.*)

ГАМЛЕТ

Как странника и встретьте это с миром.
И в небе и в земле сокрыто больше,
Чем снится вашей мудрости, Гораццо.
Но отойдем.
Клянитесь снова — бог вам да поможет, —
Как странно бы себя я ни повел,
Затем что я сочту, быть может, нужным
В причуды облекаться иногда, —
Что вы не станете, со мною встретясь,
Ни скрещивать так руки, ни кивать,
Ни говорить двусмысленные речи,
Как: «Мы-то знаем», иль: «Когда б могли бы»,
Иль: «Если б мы хотели рассказать»,
Иль что-нибудь такое, намекая,
Что вам известно что-то; так не делать —
И в этом бог вам помощи в нужде —
Клянитесь.

ПРИЗРАК (*из-под земли*)

Клянитесь!

ГАМЛЕТ

Мир, мир, смятенный дух!

Они клянутся.

Так, господа,
Я вам себя с любовью поручаю;
И все, чем только может бедный Гамлет
Вам выразить свою любовь и дружбу,
Даст бог, исполнится. Идемте вместе;
И пальцы на губах, я вас прошу.
Век расшатался — и скверней всего,
Что я рожден восстановить его! —
Ну что ж, идемте вместе.

Уходят.

АКТ II

СЦЕНА I

Комната в доме Полония.
Входят Полоний и Рейнальдо.

ПОЛОНИЙ

Вот деньги и письмо к нему, Рейнальдо.

РЕЙНАЛЬДО

Да, господин мой.

ПОЛОНИЙ

Ты поступишь мудро,

Рейнальдо, ежели до встречи с ним

Поразузнаешь, как себя ведет он.

РЕЙНАЛЬДО

Я так и думал сделать, господин мой.

ПОЛОНИЙ

Хвалю, хвалю. Так вот, сперва узнай,

Какие там есть датчане в Париже,

И как, и кто; на что живут и где;

С кем водятся, что тратят; обнаружив

При помощи таких обиняков,

Что сын мой им известен, вникни ближе,

Но так, чтоб это не было расспросом;

Прикинься, будто с ним знаком немного,

Скажи: «Я знал его отца, друзей,

Отчасти и его». Следишь, Рейнальдо?

РЕЙНАЛЬДО

Да, как же, господин мой.

ПОЛОНИЙ

«Отчасти и его; а впрочем, мало;

Но слыхивал, что он большой буян»,

И то и се; тут на него взведи

Все что угодно; впрочем, не настолько,

Чтоб обесчестить; это — берегись;

Нет, так, блажные, буйные проказы,

С которыми, мол, юность и свобода

Неразлучимы.

РЕЙНАЛЬДО

Например, игра.

ПОЛОНИЙ

Да, или пьянство, ругань, поединки,

Распутство; можешь и на то пойти.

РЕЙНАЛЬДО

Но это обесчестит, господин мой.

ПОЛОНИЙ

Да нет же; ты и сам смягчишь все это.

Ты про него не должен говорить,
Что он живет в безудержном разврате;
Совсем не то; представь его грехи
Так, чтоб они казались вольнолюбством,
Порывами горячего ума,
Дикарствами неукрошенной крови,
Чему подвластны все.

РЕЙНАЛЬДО

Но, господин мой...

ПОЛОНИЙ

Зачем так действовать?

РЕЙНАЛЬДО

Да, господин мой,

Хотел бы знать.

ПОЛОНИЙ

А умысел мой вот в чем —

И думаю, что это способ верный:
Когда его ты очернишь слегка,
Так, словно вещь затаскана немного,
Изволишь видеть,
Твой собеседник, если замечал,
Что юноша, которого ты назвал,
Повинен в вышесказанных проступках,
Наверное, тебе ответит так:
«Милейший», или «друг мой», или «сударь»,
Смотря как принято у них в стране
И кто он сам.

РЕЙНАЛЬДО

Так точно, господин мой.

ПОЛОНИЙ

И тотчас будет он... он будет...

Что это я хотел сказать? Ей-богу, ведь я что-то хотел сказать: на чем я остановился?

РЕЙНАЛЬДО

На «ответит так», на «друг мой» и «сударь».

ПОЛОНИЙ

Вот-вот; «ответит так»; да, он ответит
Так: «С этим господином я знаком;
Видал его вчера, или намерен,
Или тогда-то с тем-то или с тем-то,
И он как раз играл, или подвыпил,

Повздорил за лаптой»; а то и так:
«Я видел, он входил в веселый дом»,
Сиречь в притон, иль что-нибудь такое.
И видишь сам:
Приманка лжи поймала карпа правды;
Так мы, кто умудрен и дальновиден,
Путем крюков и косвенных приемов,
Обходами находим нужный ход;
И ты, руководясь моим советом,
Мне испытасешь сына. Понял? Нет?

РЕЙНАЛЬДО

Да, господин мой.

ПОЛОНИЙ

С богом. Будь здоров.

РЕЙНАЛЬДО

Мой добрый господин!

ПОЛОНИЙ

Его привычки сам понаблюдай.

РЕЙНАЛЬДО

Так, господин мой.

ПОЛОНИЙ

И пусть дудит вовсю.

РЕЙНАЛЬДО

Да, господин мой.

ПОЛОНИЙ

Счастливый путь!

Рейнальдо уходит. Входит Офелия.

Офелия! В чем дело?

ОФЕЛИЯ

О господин мой, как я испугалась!

ПОЛОНИЙ

Чего, помилуй бог?

ОФЕЛИЯ

Когда я шила, сидя у себя,
Принц Гамлет — в незастегнутом камзоле,
Без шляпы, в неподвязанных чулках,
Испачканных, спадающих до пяток,
Стуча коленями, бледней сорочки
И с видом до того плачевным, словно
Он был из ада выпущен на волю
Вещать об ужасах, — вошел ко мне.

ПОЛОНИЙ

Безумен от любви к тебе?

ОФЕЛИЯ

Не знаю,

Но я боюсь, что так.

ПОЛОНИЙ

И что сказал он?

ОФЕЛИЯ

Он взял меня за кисть и крепко сжал;
Потом, отпрянув на длину руки,
Другую руку так подняв к бровям,
Стал пристально смотреть в лицо мне, словно
Его рисуя. Долго так стоял он;
И наконец, слегка трягнув мне руку
И трижды головой кивнув вот так,
Он издал вздох столь скорбный и глубокий,
Как если бы вся грудь его разбилась
И гасла жизнь; он отпустил меня;
И, глядя на меня через плечо,
Казалось, путь свой находил без глаз,
Затем что вышел в дверь без их подмоги,
Стремя их свет все время на меня.

ПОЛОНИЙ

Идем со мной; отыщем короля.
Здесь точно исступление любви,
Которая себя ж убийством губит
И клонит волю к пагубным поступкам,
Как и любая страсть под небесами,
Бушующая в естестве. Мне жаль.
Что, ты была с ним эти дни сурова?

ОФЕЛИЯ

Нет, господин мой, но, как вы велели,
Я отклоняла и записки принца
И посещения.

ПОЛОНИЙ

Он и помешался.

Жаль, что за ним я не следил усердней.
Я думал, он играет, он тебя
Замыслил погубить; все недоверье!
Ей-богу, наши годы так же склонны
Чресчур далеко заходить в расчетах,

Как молодости свойственно грешить
 Поспешностью. Идем же к королю;
 Он должен знать; опасней и вредней
 Укрыть любовь, чем объявить о ней.
 Идем.

Уходят.

СЦЕНА 2

Зала в замке.

Трубы. Входят король, королева, Розенкранц,
 Гильденстерн и слуги.

КОРОЛЬ

Привет вам, Розенкранц и Гильденстерн!
 Не только тем, что вас мы рады видеть,
 Но и нуждою в вас был причинен
 Столь спешный вызов. Вам уже известно
 Преображение Гамлета: в нем точно
 И внутренний и внешний человек
 Не сходен с прежним. Что еще могло бы,
 Коли не смерть отца, его отторгнуть
 От разума самого себя,
 Не ведаю. Я вас прошу обоих,
 Затем что с юных лет вы с ним росли
 И близки с ним по юности и нраву,
 Остаться при дворе у нас в гостях
 На некоторый срок; своим общеньем
 Вовлечь его в забавы и разведать,
 Насколько вам позволит случай, нет ли
 Чего сокрытого, чем он подавлен
 И что, узнав, мы властны исцелить.

КОРОЛЕВА

Он часто вспоминал вас, господа,
 И, верно, нет на свете двух людей,
 Ему любезней. Если вы готовы
 Быть столь добры и благосклонны к нам,
 Чтоб поступиться временем своим,
 Придя на помощь нашим упованиям,
 Услуга ваша будет не забыта
 Монаршею признательностью.

РОЗЕНКРАНЦ

Ваши

Величества своей державной властью
Могли б облечь не в просьбу вашу волю,
А в приказанье.

ГИЛЬДЕНСТЕРН

Повинуясь оба,

Мы здесь готовы в самой полной мере
Сложить наш вольный долг у ваших ног
И ждать распоряжений.

КОРОЛЬ

Спасибо, Розенкранц и Гильденстерн.

КОРОЛЕВА

Спасибо, Гильденстерн и Розенкранц!
Пойдите же скорее к моему
Не в меру изменившемуся сыну.—
Пусть к принцу проведут его гостей!

ГИЛЬДЕНСТЕРН

Да обратит всевышний нашу близость
Ему в добро и помощь!

КОРОЛЕВА

Так, аминь!

Розенкранц, Гильденстерн и несколько слуг
уходят. Входит Полоний.

ПОЛОНИЙ

Мой государь, посольство из Норвегии
Вернулось счастливо.

КОРОЛЬ

Ты был всегда отцом благих известий.

ПОЛОНИЙ

Да, государь мой? Смею вас уверить,
Свой долг и душу я блюду пред богом
И пред моим высоким королем;
И вот мне кажется—иль это мозг мой
Утратил свой когда-то верный нюх
В делах правленья,—будто я нашел
Источник умоисступленья принца.

КОРОЛЬ

О, так скажи: я жажду это слышать.

ПОЛОНИЙ

Сперва послов примите; мой рассказ
Останется как плод к концу трапезы.

КОРОЛЬ

Сам окажи им почесть и введи их.

Полоний уходит.

Он говорит, Гертруда, что нашел
Причину всех несчастий с вашим сыном.
КОРОЛЕВА

Мне кажется, основа здесь все та же —
Смерть короля и наш поспешный брак.

КОРОЛЬ

Мы это выясним.

Полоний возвращается с Вольтимандом и Корнелием.

Привет, друзья!

Что ж, Вольтиманд, нам шлет наш брат Норвежец?
ВОЛЬТИМАНД

Ответные привет и пожеланья.
Он с первых слов послал пресечь наборы
Илемянника, которые считал
Приготовлениями против Польши,
Но убедился, что они грозят
Впрямь вашему величеству; печалясь,
Что хворь его, и возраст, и бессилье
Обойдены так лживо, он послал
За Фортинбрасом; тот повиновался,
Упрек Норвежца выслушал и тут же
Дал дяде клятву никогда на ваше
Величество не подымать оружия.
На радостях старик ему назначил
Три тысячи червонцев ежегодно
И разрешил употребить солдат,
Уже им снаряженных, против Польши,
С ходатайством, изображенным здесь,
(подает бумагу)

Чтоб вы дозволили для этой цели
Проход чрез ваши земли на условиях

Охраны безопасности и права,
Как здесь изложено.

КОРОЛЬ

Мы очень рады
И в более досужий час прочтем,
Ответим и обсудим это дело.
Пока спасибо за успешный труд;
Передохните; ночью попируем;
Добро пожаловать!

Вольтиманд и Корнелий уходят.

ПОЛОНИЙ

Исход удачный.—
Светлейшие монархи, излагать,
В чем состоит величество, в чем — долг,
Зачем день — день, ночь — ночь и время — время,
То было б расточать ночь, день и время.
И, так как краткость есть душа ума,
А многословье — бременные прикрасы,
Я буду краток. Принц, ваш сын, безумен;
Безумен, ибо в чем и есть безумье,
Как именно не в том, чтоб быть безумным?
Но это пусть.

КОРОЛЕВА

Поменьше бы искусства.

ПОЛОНИЙ

О, тут искусства нет. Что он безумен,
То правда; правда то, что это жаль,
И жаль, что это правда; вышло глупо;
Но все равно, я буду безыскусен.
Итак, ваш сын безумен; нам осталось
Найти причину этого эффекта,
Или, верней, дефекта, потому что
Дефектный сей эффект небеспричинен.
Вот что осталось, и таков остаток.
Извольте видеть. У меня есть дочь —
Есть, потому что эта дочь моя,—
Которая, послушливая долгу,
Дала мне вот что: взвесьте и судите.

(Читает.)

«Небесной, идолу моей души, преукрашенной Офелии...». — Это плохое выражение, пошлое выражение; «преукрашенной» — пошлое выражение; но вы послушайте. Вот. *(Читает.)* «На ее прелестную грудь эти...» И так далее.

КОРОЛЕВА

Ей это пишет Гамлет?

ПОЛОНИЙ

Сударыня, сейчас; я все скажу.

(Читает.)

«Не верь, что солнце ясно,
Что звезды — рой огней,
Что правда лгать не властна,
Но верь любви'моей.

О дорогая Офелия, не даются мне эти размеры. Я не умею высчитывать мои вздохи; но что я люблю тебя вполне, о вполне чудесная, этому верь. Прощай. Твой навсегда, дражайшая дева, пока этот механизм ему принадлежит. Гамлет».

Дочь, повинуюсь, это мне вручила;

И все его искательства притом,

Когда, и где, и как оно случилось,

Пересказала мне.

КОРОЛЬ

А как она

Их приняла?

ПОЛОНИЙ

По-вашему, я кто?

КОРОЛЬ

Прямой и благородный человек.

ПОЛОНИЙ

Рад доказать. Но что бы вы сказали,
Когда б я видел эту страсть в полете,—
А я, признаться, понял все и раньше,
Чем дочь мне сообщила,— что бы ваши
Величества сказали, если б я
Изображал пюпитр или таблички,
Иль сердцу молчаливо подмигнул,
Иль праздно эту созерцал любовь?
Что б вы сказали? Нет, я взялся круто
И так моей девице заявил:
«Принц Гамлет — принц, он вне твоей звезды*;
Пусть этого не будет»; и велел ей

Замкнуться от дальнейших посещений,
Не принимать послов, не брать подарков.
Дочь собрала плоды моих советов;
А он, отвергнутый,— сказать короче —
Впал в скорбь и грусть, потом в недоеданье,
Потом в бессоницу, потом в бессилье,
Потом в рассеянность и шаг за шагом —
В безумие, в котором ныне бредит,
Всех нас печали.

КОРОЛЬ

По-вашему, он прав?

КОРОЛЕВА

Весьма возможно.

ПОЛОНИЙ

Бывало ли когда-нибудь, скажите,
Чтоб я удостоверил: «Это так!» —
А оказалось иначе?

КОРОЛЬ

Не помню.

ПОЛОНИЙ (*указывая на свою голову и плечо*)

Снимите это с этого, коль я
Не прав. Будь только случай, я найду,
Где скрыта истина, хотя б она
Таилась в центре.

КОРОЛЬ

Как нам доискаться?

ПОЛОНИЙ

Вы знаете, он иногда часами
Гуляет здесь по галерее.

КОРОЛЕВА

Да.

ПОЛОНИЙ

В такой вот час к нему я вышла дочь;
Мы с вами станем за ковром; посмотрим
Их встречу; если он ее не любит
И не от этого сошел с ума,
То место мне не при делах правленья,
А у телег, на мызе.

КОРОЛЬ

Пусть так будет.

КОРОЛЕВА

Вот он идет печально с книгой, бедный.

ПОЛОНИЙ

Я вас прошу, вы оба удалитесь;

Я подойду к нему.

Король, королева и слуги уходят.

Входит Гамлет, читая.

Прошу прощения;

Как поживает добрый принц мой Гамлет?

ГАМЛЕТ

Хорошо, спаси вас бог.

ПОЛОНИЙ

Вы узнаете меня, принц?

ГАМЛЕТ

Конечно; вы — торговец рыбой.

ПОЛОНИЙ

Нет, принц.

ГАМЛЕТ. Тогда мне хотелось бы, чтобы вы были таким же честным человеком.

ПОЛОНИЙ. Честным, принц?

ГАМЛЕТ. Да, сударь; быть честным при том, каков этот мир,— это значит быть человеком, выуженным из десятка тысяч.

ПОЛОНИЙ. Это совершенно верно, принц.

ГАМЛЕТ. Ибо если солнце плодит червей в дохлом псе,— божество, лобзающее падаль... Есть у вас дочь?

ПОЛОНИЙ. Есть, принц.

ГАМЛЕТ. Не давайте ей гулять на солнце; всякий плод — благословение; но не такой, какой может быть у вашей дочери. Друг, берегитесь.

ПОЛОНИЙ *(в сторону)*. Что вы об этом скажете? Все время наигрывает на моей дочери; вначале он меня не узнал; сказал, что я торговец рыбой; он далеко зашел; и действительно, в молодости я много терпел крайностей от любви; почти что вот так же. Заговорю с ним опять.— Что вы читаете, принц?

ГАМЛЕТ. Слова, слова, слова.

ПОЛОНИЙ. И что говорится, принц?

ГАМЛЕТ. Про кого?

ПОЛОНИЙ. Я хочу сказать: что говорится в том, что вы читаете?

ГАМЛЕТ. Клевета, сударь мой; потому что этот сатирический плут говорит здесь, что у старых людей **седые бороды**, что лица их сморщены, глаза источают густую **камедь и сливовую смолу** и что у них полнейшее отсутствие ума и крайне слабые поджилки; всему этому, сударь мой, я хоть и **верю** весьма могуче и властно, однако же считаю непристойностью взять это и написать; потому что и сами вы, сударь мой, были бы так же стары, как я, если бы могли, подобно раку, идти задом наперед.

ПОЛОНИЙ (*в сторону*). Хоть это и безумие, но в нем есть последовательность.— Не хотите ли уйти из этого воздуха, принц?

ГАМЛЕТ. В могилу?

ПОЛОНИЙ. Действительно, это значило бы уйти из этого воздуха. (*В сторону.*) Как содержательный раз его ответы! Удача, нередко выпадающая на долю безумия и которою разум и здравие не могли бы разрешиться так счастливо. Я его покину и тотчас же постараюсь устроить ему встречу с моей дочерью.— Высокочитимый принц, я вас смиреннейше покину.

ГАМЛЕТ. Нет ничего, сударь мой, с чем бы я охотнее расстался; разве что с моею жизнью, разве что с моею жизнью, разве что с моею жизнью.

ПОЛОНИЙ. Желаю здравствовать, принц.

ГАМЛЕТ. Эти неспособные старые дураки!

Входят Розенкранц и Гильденстерн.

ПОЛОНИЙ. Вам надо принца Гамлета? Он здесь.

РОЗЕНКРАНЦ (*Полонию*). Благослови вас бог.

Полоний уходит.

ГИЛЬДЕНСТЕРН

Мой досточтимый принц!

РОЗЕНКРАНЦ

Мой драгоценный принц!

ГАМЛЕТ. Милейшие друзья мои! Как поживаешь, Гильденстерн? — А, Розенкранц? Ребята, как вы живете оба?

РОЗЕНКРАНЦ

Как безразличные сыны земли.

ГИЛЬДЕНСТЕРН

Уж тем блаженно, что не сверхблаженно;

На колпачке Фортуны мы не шишка.

ГАМЛЕТ. Но и не подошвы ее башмаков?

РОЗЕНКРАНЦ. Ни то, ни другое, принц.

ГАМЛЕТ. Так вы живете около ее пояса или в средоточии ее милостей?

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Право же, мы занимаем у нее скромное место.

ГАМЛЕТ. В укромных частях Фортуны? О, конечно; это особа непотребная. Какие новости?

РОЗЕНКРАНЦ. Да никаких, принц, кроме разве того, что мир стал честен.

ГАМЛЕТ. Так, значит, близок судный день; но только ваша новость неверна. Позвольте вас расспросить обстоятельнее: чем это, дорогие мои друзья, вы провинились перед Фортуной, что она шлет вас сюда, в тюрьму?

ГИЛЬДЕНСТЕРН. В тюрьму, принц?

ГАМЛЕТ. Дания — тюрьма.

РОЗЕНКРАНЦ. Тогда весь мир — тюрьма.

ГАМЛЕТ. И превосходная: со множеством затворов, темниц и подземелий, причем Дания — одна из худших.

РОЗЕНКРАНЦ. Мы этого не думаем, принц.

ГАМЛЕТ. Ну, так для вас это не так; ибо нет ничего ни хорошего, ни плохого; это размышление делает все таковым, для меня она — тюрьма.

РОЗЕНКРАНЦ. Ну, так это ваше честолюбие делает ее тюрьмою: она слишком тесна для вашего духа.

ГАМЛЕТ. О боже, я бы мог замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя царем бесконечного пространства, если бы мне не снились дурные сны.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. А эти сны и суть честолюбия; ибо самая сущность честолюбца всего лишь тень сна.

ГАМЛЕТ. И самый сон всего лишь тень.

РОЗЕНКРАНЦ. Верно; и я считаю честолюбие по-своему таким воздушным и легким, что оно не более нежели тень тени.

ГАМЛЕТ. Тогда наши нищие суть тела, а наши монархи и напыщенные герои суть тени нищих. Не пойти ли нам ко двору? Потому что, честное слово, я не в силах рассуждать.

РОЗЕНКРАНЦ И ГИЛЬДЕНСТЕРН. Мы в вашем распоряжении.

ГАМЛЕТ. Не надо этого. Я не хочу приравнивать вас к остальным моим слугам; потому что — сказать вам, как честный

человек,—служат мне отвратительно. Но, если идти стезею дружбы, что вы делаете в Эльсиноре?

РОЗЕНКРАНЦ. Мы хотели навестить вас, принц, ничего другого.

ГАМЛЕТ. Такой нищий, как я, беден даже благодарностью; но я вас благодарю; хотя, по правде, дорогие друзья, моя благодарность не стоит и полгроша. За вами не посылали? Это ваше собственное желание? Это добровольное посещение? Ну, будьте же со мною честны; да ну же, говорите.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Что мы должны сказать, принц?

ГАМЛЕТ. Да что угодно, но только об этом. За вами посылали; в ваших взорах есть нечто вроде признания, и ваша совесть недостаточно искусна, чтобы это скрасить. Я знаю, добрые король и королева за вами посылали.

РОЗЕНКРАНЦ. С какой целью, принц?

ГАМЛЕТ. Это уж вы должны мне объяснить. Но только я вас заклинаю—во имя прав нашего товарищества, во имя согласия нашей юности, во имя долга нашей нерушимой любви, во имя всего еще более дорогого, к чему лучший оратор мог бы воззвать пред вами, будьте со мной откровенны и прямые: посылали за вами или нет?

РОЗЕНКРАНЦ (*тихо, Гильденстерну*). Что ты скажешь?

ГАМЛЕТ (*в сторону*). Так, теперь я вижу.—Если вы меня любите, не таитесь.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Принц, за вами посылали.

ГАМЛЕТ. Я вам скажу, для чего, таким образом моя предупредительность устранил ваше признание и ваша тайна перед королем и королевой не обронит ни единого перышка. Последнее время—а почему, я и сам не знаю—я утратил всю свою веселость, забросил все привычные занятия; и действительно, на душе у меня так тяжело, что эта прекрасная храмина, земля, кажется мне пустынным мысом; этот несравненный полог, воздух, видите ли, эта великолепно раскинутая твердь, эта величественная кровля, выложенная золотым огнем,—все это кажется мне не чем иным, как мутным и чумным скоплением паров. Что за мастерское создание—человек! Как благороден разумом! Как беспределен в своих способностях, обличьях и движениях! Как точен и чудесен в действии! Как он похож на ангела глубоким постижением! Как он похож на некоего бога! Краса Вселенной! Венец всего живущего! А что для меня эта квинтэссенция праха? Из людей меня не радует ни один; нет,

также и ни одна, хотя вашей улыбкой вы как будто хотите сказать другое.

РОЗЕНКРАНЦ. Принц, такого предмета не было в моих мыслях.

ГАМЛЕТ. Так почему же вы смеялись, когда я сказал, что «из людей меня не радует ни один»?

РОЗЕНКРАНЦ. Оттого, что я подумал, принц, что если люди вас не радуют, то какой постный прием найдут у вас актеры; мы настигли их в пути, и они едут сюда предложить вам свои услуги.

ГАМЛЕТ. Тот, что играет короля, будет желанным гостем; его величеству я воздам должное; отважный рыцарь пусть орудует шпагой и щитом; любовник пусть не вздыхает даром; чудака пусть мирно кончает свою роль; шут пусть смешит тех, у кого щекоотливые легкие; героиня пусть свободно высказывает свою душу, а белый стих при этом пусть хромает. Что это за актеры?

РОЗЕНКРАНЦ. Те самые, которые вам так нравились, — столичные трагики.

ГАМЛЕТ. Как это случилось, что они странствуют? Оседлость была для них лучше и в смысле славы и в смысле доходов.

РОЗЕНКРАНЦ. Мне кажется, что их затруднения происходят от последних новшеств.

ГАМЛЕТ. Таким же ли они пользуются почетом, как в те времена, когда я был в городе? Так же ли их посещают?

РОЗЕНКРАНЦ. Нет, по правде, этого уже не бывает.

ГАМЛЕТ. Почему же? Или они начали ржать?

РОЗЕНКРАНЦ. Нет, их усердие идет обычным шагом; но там имеется выводок детей*, маленьких соколят, которые кричат громче, чем требуется, за что им и хлопают прежестoko; сейчас они в моде и так честят простой театр — как они его зовут, — что многие шпагоносцы побаиваются гусиных перьев и едва осмелываются ходить туда.

ГАМЛЕТ. Как, это дети? Кто их содержит? Что им платят? Или они будут заниматься своим ремеслом только до тех пор, пока могут петь? Не скажут ли они впоследствии, если вырастут в простых актеров, — а это весьма возможно, если у них не найдется ничего лучшего, — что их писатели им повредили, заставляя их глумиться над собственным наследием?

РОЗЕНКРАНЦ. Признаться, немало было шуму с обеих

сторон, и народ не считает грехом подстрекать их к препирательствам; одно время за пьесу ничего не давали, если в этой распре сочинитель и актер не доходили до кулаков.

ГАМЛЕТ. Не может быть!

ГИЛЬДЕНСТЕРН. О, много было раскидано мозгов.

ГАМЛЕТ. И власть забрали дети?

РОЗЕНКРАНЦ. Да, принц, забрали; Геркулеса вместе с его ношей.

ГАМЛЕТ. Это не так уж странно; вот мой дядя — король Датский, и те, кто строил ему рожи, пока жив был мой отец, платят по двадцать, сорок, пятьдесят и по сто дукатов за его портрет в миниатюре. Черт возьми, в этом есть нечто сверхъестественное, если бы только философия могла доискаться.

Трубы.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Вот и актеры.

ГАМЛЕТ. Господа, я рад вам в Эльсиноре. Ваши руки. Спутниками радушия служат вежество и обходительность; позвольте мне приветствовать вас этим способом, а не то мое обращение с актерами, которое, как я вам говорю, должно быть наружно прекрасным, покажется более гостеприимным, чем по отношению к вам. Я рад вам; но мой дядя-отец и моя тетка-мать ошибаются.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. В чем, дорогой мой принц?

ГАМЛЕТ. Я безумен только при норд-норд-весте; когда ветер с юга, я отличаю сокола от цапли.

Входит Полоний.

ПОЛОНИЙ. Всяких вам благ, господа!

ГАМЛЕТ. Послушайте, Гильденстерн, — и вы также, — на каждое ухо по слушателю: этот большой младенец, которого вы видите, еще не вышел из пеленок.

РОЗЕНКРАНЦ. Быть может, он вторично в них понал: ведь говорят, старый человек — вдвойне ребенок.

ГАМЛЕТ. Я вам пророчу, что он явился сообщить мне об актерам, вот увидите. — Вы правы, сударь; в понедельник утром; так это и было, совершенно верно.

ПОЛОНИЙ. Государь мой, у меня для вас новости.

ГАМЛЕТ. Государь мой, у меня для вас новости. Когда Росций* был актером в Риме...

ПОЛОНИЙ. Принц, актеры приехали сюда.

ГАМЛЕТ. Кш, кш!

ПОЛОНИЙ. По чести моей...

ГАМЛЕТ. «И каждый ехал на осле...»

ПОЛОНИЙ. Лучшие актеры в мире для представлений трагических, комических, исторических, пасторальных, пасторально-комических, историко-пасторальных, трагико-исторических, трагико-комико-историко-пасторальных для неопределенных сцен и неограниченных поэм; у них и Сенека* не слишком тяжел, и Плавт* не слишком легок. Для писанных ролей и для свободных — это единственные люди.

ГАМЛЕТ. О Иеффай*, судия израильский, какое у тебя было сокровище!

ПОЛОНИЙ. Какое у него было сокровище, принц?

ГАМЛЕТ. Как же:

«Одна-единственная дочь,

Что он любил нежней всего».

ПОЛОНИЙ (*в сторону*). Все о моей дочери.

ГАМЛЕТ. Разве я не прав, старый Иеффай?

ПОЛОНИЙ. Если вы меня зовете Иеффаем, принц, то у меня есть дочь, которую я люблю нежней всего.

ГАМЛЕТ. Нет, следует не это.

ПОЛОНИЙ. А что же следует, принц?

ГАМЛЕТ. А вот что:

«Но выпал жребий, видит бог»,
и дальше, сами знаете:

«Случилось так, как и думал всяк».

Первая строфа этой благочестивой песни скажет вам остальное; потому что, вот видите, идут мои отвлекатели.

Входят четверо или пятеро актеров.

Добро пожаловать, господа; добро пожаловать всем.— Я рад тебя видеть благополучным.— Добро пожаловать, дорогие друзья!— А, мой старый друг! Твое лицо обросло бахромой с тех пор, как я тебя в последний раз видел; или ты приехал в Данию, чтобы меня затмить?— Что я вижу, моя молодая госпожа! Клянусь владычицей небесной, ваша милость ближе к небу, чем когда я видел ее в последний раз, на целый каблук. Молю бога, чтобы ваш голос не оказался надтреснутым, как вышедший из обращения золотой.— Господа, всем вам добро пожаловать. Мы, как французские сокольники, налетим на пер-

вое, что нам попадется; давайте сразу же монолог; ну-ка, покажите нам образец вашего искусства; ну-ка, страстный монолог.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Какой монолог, мой добрый принц?

ГАМЛЕТ. Я слышал, как ты однажды читал монолог, но только он никогда не игрался; а если это и было, то не больше одного раза; потому что пьеса, я помню, не понравилась толпе; для большинства это была икра*; но это была — как я ее воспринял и другие, чье суждение в подобных делах погромче моего, — отличная пьеса, хорошо распределенная по сценам, построенная столь же просто, сколь и умело. Я помню, кто-то сказал, что стихи не приправлены для того, чтобы сделать содержание вкусным, а речи не содержат ничего такого, что обличало бы автора в вычурности; и называл это добропорядочным приемом, здоровым и приятным, и гораздо более красивым, нежели нарядным. Один монолог я в ней особенно любил: это был рассказ Энея* Дидонс*; и главным образом то место, где он говорит об убиении Приама*. Если он жив в вашей памяти, начните с этой строки. Позвольте, позвольте:

«Косматый Пирр*, с гирканским зверем* схожий...» Не так: начинается с Пирра:

«Косматый Пирр — тот, чье оружие черно,
Как мысль его, и ночи той подобно,
Когда в зловещем он лежал коне,—
Свой мрачный облик ныне изукрасил
Еще страшней финифтью*; ныне он —
Сплошная червлень, весь расцвечен кровью
Мужей и жен, сынов и дочерей,
Запекшейся от раскаленных улиц,
Что льют проклятый и жестокий свет
Цареубийству; жгуч огнем и злобой,
Обросший липким багрецом, с глазами,
Как два карбункула, Пирр ищет старца
Приама».

Так, продолжайте вы.

ПОЛОНИЙ. Ей-богу, принц, хорошо прочитано, с должной выразительностью и с должным чувством.

ПЕРВЫЙ АКТЕР

«Вот его находит он

Вотще разящим греков; ветхий меч,
Руке строптивый, лег, где опустился,
Не внемля воле; Пирр в неравный бой

Спешит к Приаму; буйно замахнулся;
 Уже от свиста дикого меча
 Царь падает. Бездушный Иллион*,
 Как будто чуждый этот взмах, склоняет
 Горящее чело и жутким треском
 Пленяет Пирров слух; и меч его,
 Вознесшийся над млечною главою
 Мاستитого Приама, точно замер.
 Так Пирр стоял, как изверг на картине,
 И, словно чуждый воле и свершенью,
 Бездействовал.

Но как мы часто видим пред грозой —
 Молчанье в небе, тучи недвижимы,
 Безгласны ветры и земля внизу
 Тиха, как смерть, и вдруг ужасным громом
 Разодран воздух, так, помедлив, Пирра
 Проснувшаяся месть влечет к делам;
 И никогда не падали, кую,
 На броню Марса молоты Циклопов
 Так яростно*, как Пирров меч кровавый
 Пал на Приама.
 Прочь, прочь, развратница Фортуна! Боги,
 Вы все, весь сонм, ее лишите власти;
 Сломайте колесо ей, спицы, обод —
 И ступицу с небесного холма
 Швырните к бесам!»

ПОЛОНИЙ. Это слишком длинно.

ГАМЛЕТ. Это пойдет к цирюльнику вместе с вашей бородой. — Прошу тебя, продолжай; ему надо плясовую песенку или непристойный рассказ, иначе он спит. Продолжай; перейди к Гекубе*.

ПЕРВЫЙ АКТЕР

«Но кто бы видел жалкую царицу...»

ГАМЛЕТ. «Жалкую царицу»?

ПОЛОНИЙ. Это хорошо, «жалкую царицу» — это хорошо.

ПЕРВЫЙ АКТЕР

«...Бегущую босой, в слепых слезах,
 Грозящих пламени; доскут накинута
 На венценосное чело; одеждой
 Вкруг родами иссушенного лона —
 Захваченная в страхе простыня;

Кто б это видел, тот на власть Фортуны
Устами змея молвил бы хулу;
И если бы ее видали боги,
Когда пред нею, злобным делом тешась,
Пирр тело мужнее кромсал мечом,
Мгновенный вопль, исторгшийся у ней,—
Коль смертное их трогает хоть мало,—
Огни очей небесных увлажнил бы
И возмутил богов».

ПОЛОНИЙ. Смотрите, ведь он изменялся в лице, и у него слезы на глазах.— Пожалуйста, довольно.

ГАМЛЕТ. Хорошо, ты мне доскажешь остальное потом.— Милостивый мой государь, не позаботитесь ли вы о том, чтобы актеров хорошо устроили? Слышите, пусть их примут хорошо, потому что они — обзор и краткие летописи века; лучше вам после смерти получить плохую эпитафию, чем дурной отзыв от них, пока вы живы.

ПОЛОНИЙ. Принц, я их приму сообразно их заслугам.

ГАМЛЕТ. Черта с два, милейший, много лучше! Если принимать каждого по заслугам, то кто избежит кнута? Примите их согласно с собственной честью и достоинством; чем меньше они заслуживают, тем больше славы вашей добrote. Проводите их.

ПОЛОНИЙ. Идемте, господа.

ГАМЛЕТ. Ступайте за ним, друзья; завтра мы дадим представление.

Полоний и все актеры, кроме первого, уходят.

Послушайте, старый друг; можете вы сыграть «Убийство Гонзаго»?

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Да, принц.

ГАМЛЕТ. Мы это представим завтра вечером. Вы могли бы, если потребуется, выучить монолог в каких-нибудь двенадцать или шестнадцать строк, которые я бы сочинил и вставил туда? Могли бы вы?

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Да, принц.

ГАМЛЕТ. Отлично. Ступайте за этим господином; и смотрите не смейтесь над ним.

Первый актер уходит.

Дорогие мои друзья, я прощусь с вами до вечера; рад вас видеть в Эльсиноре.

РОЗЕНКРАНЦ. Мой добрый принц!

ГАМЛЕТ. Итак, храни вас бог!

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Вот я один.

О, что за дрянь я, что за жалкий раб!
Не стыдно ли, что этот вот актер
В воображение, в вымышленной страсти
Так поднял дух свой до своей мечты,
Что от его работы стал весь бледен;
Увлажнен взор, отчаянье в лице,
Надломлен голос, и весь облик вторит
Его мечте. И все из-за чего?
Из-за Гекубы! Что ему Гекуба,
Что он Гекубе, чтоб о ней рыдать?
Что совершил бы он, будь у него
Такой же повод и подсказ для страсти,
Как у меня? Залив слезами сцену,
Он общий слух рассек бы грозной речью,
В безумье вверг бы грешных, чистых — в ужас,
Незнающих — в смятение и сразил бы
Бессилием и уши и глаза.

А я,

Тупой и вялодушный дурень, мямлю,
Как ротозей, своей же правде чуждый,
И ничего сказать не в силах; даже
За короля, чья жизнь и достоянье
Так гнусно сгублены. Или я трус?
Кто скажет мне: «подлец»? Пробьет башку?
Клок вырвав бороды, швырнет в лицо?
Потянет за нос? Ложь забудет мне в глотку
До самых легких? Кто желает первый?
Ха!

Ей-богу, я бы снес: ведь у меня
И печень голубиная — нет желчи,
Чтоб огорчаться злом, не то давно
Скормил бы я всем коршунам небес
Труп негодяя. Хищник и подлец!
Блудливый, вероломный, злой подлец!
О мщенье!
Ну и осел же я! Как это славно,

Что я, сын умерщвленного отца,
Влекомый к мести небом и геенной,
Как шлюха, отвожу словами душу
И упражняюсь в ругани, как баба,
Как судомойка!
Фу, гадость! К делу, мозг! Гм, я слышал,
Что иногда преступники в театре
Бывали под воздействием игры
Так глубоко потрясены, что тут же
Свои провозглашали злодеянья;
Убийство, хоть и немо, говорит
Чудесным языком. Велю актерам
Представить нечто, в чем бы дядя видел
Смерть Гамлета; вопьюсь в его глаза;
Проникну до живого; чуть он дрогнет,
Свой путь я знаю. Дух, представший мне,
Быть может, был и дьявол; дьявол властен
Облечься в милый образ; и возможно,
Что, так как я расслаблен и печален,—
А над такой душой он очень силен,—
Меня он в гибель вводит. Мне нужна
Верней опора. Зрелище-петля,
Чтоб заарканить совесть короля.
(Уходит.)

АКТ III

СЦЕНА I

Комната в замке.

Входят король, королева, Полоний, Офелия,
Розенкранц и Гильденстерн.

КОРОЛЬ

И вам не удастся разузнать,
Зачем он распаляет эту смуту,
Терзающую дни его покоя
Таким тревожным и опасным бредом?

РОЗЕНКРАНЦ

Он признается сам, что он расстроен,
Но чем—сказать не хочет ни за что.

ГИЛЬДЕНСТЕРН

Расспрашивать себя он не дает
И с хитростью безумства ускользает,
Чуть мы хотим склонить его к признанию
О нем самом.

КОРОЛЕВА

А как он принял вас?

РОЗЕНКРАНЦ

Со всей учтивостью.

ГИЛЬДЕНСТЕРН

Но и с большой натянутостью тоже.

РОЗЕНКРАНЦ

Скуп на вопросы, но непринужден
В своих ответах.

КОРОЛЕВА

Вы не домогались,
Чтоб он развлекался?

РОЗЕНКРАНЦ

Случилось так, что мы перехватили
В дороге неких актеров; эго
Ему сказали мы, и он как будто
Обрадовался даже; здесь они
И, кажется, уже приглашены
Играть пред ним сегодня.

ПОЛОНИЙ

Это верно;
И он через меня шлет просьбу вашим
Величествам послушать и взглянуть.

КОРОЛЬ

От всей души; и мне отрадно слышать,
Что к этому он склонен.—
Вы, господа, старайтесь в нем усилить
Вкус к удовольствиям.

РОЗЕНКРАНЦ

Да, государь.

Розенкранц и Гильденстери уходят.

КОРОЛЬ

Оставьте нас и вы, моя Гертруда,
Мы, под рукой, за Гамлетом послали,
Чтоб здесь он встретился как бы случайно

С Офелией. А мы с ее отцом,
Законные лазутчики, побудем
Невдалеке, чтобы, незримо видя,
О встрече их судить вполне свободно
И заключить по поведению принца,
Любовное ль терзание или нет
Его так мучит.

КОРОЛЕВА

Я вам повинуюсь! —
И пусть, Офелия, ваш милый образ
Окажется счастливою причиной
Его безумств, чтоб ваша добродетель
На прежний путь могла его наставить,
Честь принеся обоим.

ОФЕЛИЯ

Если б так!

Королева уходит.

ПОЛОНИЙ

Ты здесь гуляй, Офелия.— Пресветлый,
Мы скроемся.

(Офелии.)

Читай по этой книге,
Дабы таким занятием прикрасить
Уединенье. В этом все мы грешны.—
Доказано, что набожным лицом
И постным видом мы и черта можем
Обсахарить.

КОРОЛЬ (в сторону)

Ах, это слишком верно!
Как больно мне по совести хлестнул он!
Щека блудницы в наводных румянах
Не так мерзка под лживой красотой,
Как мой поступок под раскраской слов.
О тягостное бремя!

ПОЛОНИЙ

Его шаги; мой государь, идемте
Прочь.

Король и Полоний уходят. Входит Гамлет.

ГАМЛЕТ

Быть или не быть — таков вопрос;

Что благородней духом — покоряться
Пращам и стрелам яростной судьбы
Иль, ополчась на море смут, сразить их
Противоборством? Умереть, уснуть —
И только; и сказать, что сном кончаешь
Тоску и тысячу природных мук,
Наследье плоти, — как такой развязки
Не жаждать? Умереть, уснуть. — Уснуть!
И видеть сны, быть может? Вот в чем трудности;
Какие сны приснятся в смертном сне,
Когда мы сбросим этот бранный шум, —
Вот что сбивает нас; вот где причина
Того, что бедствия так долговечны;
Кто снес бы плети и глумление века,
Гнет сильного, насмешку гордеца,
Боль презренной любви, судей медливости,
Запосчивость властей и оскорбления,
Чинимые безропотной заслуге,
Когда б он сам мог дать себе расчет
Простым кинжалом? Кто бы плелся с ношей,
Чтоб охать и потеть под нудной жизнью,
Когда бы страх чего-то после смерти —
Безвестный край, откуда нет возврата
Земным скитальцам, — волю не смущал,
Внушая нам терпеть невзгоды наши
И не спешить к другим, от нас сокрытым?
Так трусами нас делает раздумье,
И так решимости природный цвет
Хиреет под налетом мысли бледным,
И начинанья, взнесшиеся мощно,
Сворачивая в сторону свой ход,
Теряют имя действия. Но тише!
Офелия? — В твоих молитвах, нимфа,
Все, чем я грешен, помани.

ОФЕЛИЯ

Мой принц,
Как поживали вы все эти дни?

ГАМЛЕТ

Благодарю вас; чудно, чудно, чудно.

ОФЕЛИЯ

Принц, у меня от вас подарки есть,

Я вам давно их возвратить хотела;
Примите их, я вас прошу.

ГАМЛЕТ

Я? Нет;

Я не дарил вам ничего.

ОФЕЛИЯ

Нет, принц мой, вы дарили; и слова,
Дышавшие так сладко, что вдвойне
Был ценен дар,—их аромат исчез.
Возьмите же; подарок нам не мил,
Когда разлюбит тот, кто подарил.
Вот, принц.

ГАМЛЕТ. Ха-ха! Вы добродетельны?

ОФЕЛИЯ. Мой принц?

ГАМЛЕТ. Вы красивы?

ОФЕЛИЯ. Что ваше высочество хочет сказать?

ГАМЛЕТ. То, что, если вы добродетельны и красивы, ваша добродетель не должна допускать собеседований с вашей красотой.

ОФЕЛИЯ. Разве у красоты, мой принц, может быть лучшее общество, чем добродетель?

ГАМЛЕТ. Да, это правда; потому что власть красоты скорее преобразит добродетель из того, что она есть, в сводню, нежели сила добродетели превратит красоту в свое подобие; некогда это было парадоксом, но наш век это доказывает. Я вас любил когда-то.

ОФЕЛИЯ. Да, мой принц, и я была вправе этому верить.

ГАМЛЕТ. Напрасно вы мне верили; потому что, сколько ни прививать добродетель к нашему старому стволу, он все-таки в нас будет сказываться; я не любил вас.

ОФЕЛИЯ. Тем больше была я обманута.

ГАМЛЕТ. Уйди в монастырь; к чему тебе плодить грешников? Сам я, скорее, честен, и все же я мог бы обвинить себя в таких вещах, что лучше бы моя мать не родила меня на свет; я очень горд, мстителен, честолюбив; к моим услугам столько прегрешений, что мне не хватает мыслей, чтобы о них подумать, воображения, чтобы придать им облик, и времени, чтобы их совершить. К чему таким молодцам, как я, пресмыкаться между небом и землей? Все мы — отпетые плуты; никому из нас не верь. Ступай в монастырь. Где ваш отец?

ОФЕЛИЯ. Дома, принц.

ГАМЛЕТ. Пусть за ним запирают двери, чтобы он разыгрывал дурака только у себя. Прощайте.

ОФЕЛИЯ. О, помоги ему, всеблагое небо!

ГАМЛЕТ. Если ты выйдешь замуж, то вот какое проклятие я тебе дам в приданое: будь ты целомудренна, как лед, чиста, как снег, ты не избежешь клеветы. Уходи в монастырь. Прощай. Или, если уж ты непременно хочешь замуж, выходи замуж за дурака, потому что умные люди хорошо знают, каких чудовищ вы из них делаете. В монастырь — и поскорее. Прощай.

ОФЕЛИЯ. О силы небесные, исцелите его!

ГАМЛЕТ. Слышал я и про ваше малевание, вполне достаточно; бог дал вам одно лицо, а вы себе делаете другое; вы приплясываете, вы припрыгиваете, и щебечете, и даете прозвища божьим созданиям, и хотите, чтобы ваше беспутство принимали за неведение. Нет, с меня довольно: это свело меня с ума. Я говорю, у нас не будет больше браков; те, кто уже в браке, все, кроме одного, будут жить; прочие останутся, как они есть. В монастырь! (*Уходит.*)

ОФЕЛИЯ

О, что за гордый ум сражен! Вельможи,
Бойца, ученого — взор, меч, язык;
Цвет и надежда радостной державы,
Чекан изящества, зеркало вкуса,
Пример примерных — пал, пал до конца!
А я, всех женщин жалче и злосчастней,
Вкусившая от меда лирных клятв,
Смотрю, как этот мощный ум скрежещет,
Подобно треснувшим колоколам,
Как этот облик юности цветущей
Растерзан бредом. О, как сердцу снести!
Видав бывшее, видеть то, что есть!

Король и Полоний возвращаются.

КОРОЛЬ

Любовь? Не к ней его мечты стремятся;
И речь его, хоть в ней и мало строя,
Была не бредом. У него в душе
Уныние высиживает что-то;
И я боюсь, что вылупиться может
Опасность. Чтоб ее предотвратить,

Я, быстро рассудив, решаю так:
Он в Англию отправится немедля
Сбирать недополученную дань;
Быть может, море, новые края
И перемена зрелищ истребят
То, что засело в сердце у него,
Над чем так бьется мозг, обезобразив
Его совсем. Что ты об этом скажешь?

ПОЛОНИЙ

Так будет хорошо; а все ж, по мне,
Начало и причина этой скорби —
В отвергнутой любви.— Ну что, Офелия?
О принце можешь нам не сообщать,
Все было слышно.— Государь, да будет
По-вашему; но после представления
Пусть королева-мать его попросит
Открыться ей; пусть говорит с ним прямо.
Дозвольте мне прислушаться. И если
Он будет заператься, вы его
Пошлите в Англию или заточите,
Куда сочтете мудрым.

КОРОЛЬ

Да, нет спора.
Безумье сильных требует надзора.
(Уходит.)

СЦЕНА 2

Зала в замке.

Входят Гамлет и актеры.

ГАМЛЕТ. Произносите монолог, прошу вас, как я вам его прочел, легким языком; а если вы станете его горланить, как это у вас делают многие актеры, то мне было бы одинаково приятно, если бы мои строки читал бирюч. И не слишком напните воздух руками, вот этак; но будьте во всем ровны; ибо в самом потоке, в буре и, я бы сказал, в смерче страсти вы должны усвоить и соблюдать меру, которая придавала бы ей мягкость. О, мне возмущает душу, когда я слышу, как здоровенный лохматый детина рвет страсть в клочки, прямо-таки в лохмотья, и раздирает уши партеру, который по большей

части ни к чему не способен, кроме невразумительных пантомим и шума; я бы отхлестал такого молодца, который старается перещегоолять Термаганта*; они готовы Ирода* переиродить. Прошу вас, избегайте этого.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Я ручаюсь вашей чести.

ГАМЛЕТ. Не будьте также и слишком вялы, но пусть ваше собственное разумение будет вашим наставником; сообразуйте действие с речью, речь — с действием; причем особенно наблюдайте, чтобы не переступать простоты природы; ибо все, что так преувеличено, противно назначению лицедейства, чья цель как прежде, так и теперь была и есть — держать как бы зеркало перед природой: являть добродетели ее же черты, спеси — ее же облик, а всякому веку и сословию — его подобие и отпечаток. Если это переступить или же этого не достигнуть, то хотя невежда это и рассмешит, однако же ценитель будет огорчен; а его суждение, как вы и сами согласитесь, должно перевешивать целый театр прочих. Ах, есть актеры — и я видел, как они играли, и слышал, как иные их хвалили, и притом весьма, — которые, если не грех так выразиться, и голосом не обладая христианским, и поступью не похожие ни на христиан, ни на язычников, ни вообще на людей, так ломались и завывали, что мне думалось, не сделал ли их какой-нибудь поденщик природы, и сделал плохо, до того отвратительно они подражали человеку.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Надеюсь, мы более или менее искоренили это у себя.

ГАМЛЕТ. Ах, искорените совсем. А тем, кто у вас играет шутов, давайте говорить не больше, чем им полагается: потому что среди них бывают такие, которые сами начинают смеяться, чтобы рассмешить известное количество пустейших зрителей, хотя как раз в это время требуется внимание к какому-нибудь важному месту пьесы; это пошло и доказывает весьма приискорбное тщеславие у того дурака, который так делает. Идите приготовьтесь.

Актеры уходят. Входят Полоний, Розенкранц и Гильденстерн.

Ну, что, сударь мой? Желает король послушать это произведение?

ПОЛОНИЙ. И королева также, и притом немедленно.

ГАМЛЕТ. Скажите актерам поторопиться.

Полоний уходит.

Не поможете ли и вы оба поторопиться их?

РОЗЕНКРАНЦ И ГИЛЬДЕНСТЕРН. Да, принц.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

ГАМЛЕТ. Эй! Горацио!

Входит Горацио.

ГОРАЦИО

Здесь, принц, к услугам вашим.

ГАМЛЕТ

Горацио, ты лучший из людей,

С которыми случалось мне сходиться.

ГОРАЦИО

О принц...

ГАМЛЕТ

Нет, не подумай, я не льщу;
Какая мне в тебе корысть, раз ты
Одет и сыт одним веселым правом?
Таким не льстят. Пусть сахарный язык
Дурацкую облизывает пышность
И клонится проворное колено
Там, где втираться прибыльно. Ты слышишь?
Едва мой дух стал выбирать свободно
И различать людей, его избранье
Отметило тебя; ты человек,
Который и в страданиях не страдает
И с равной благодарностью приемлет
Гнев и дары судьбы; благословен,
Чьи кровь и разум так отрадно слиты,
Что он не дудка в пальцах у Фортуны,
На нем играющей. Будь человек
Не раб страстей — и я его замкну
В середине сердца, в самом сердце сердца,
Как и тебя. Достаточно об этом.
Сегодня перед королем играют;
Одна из сцен напоминает то,
Что я тебе сказал про смерть отца;
Прошу тебя, когда ее начнут,
Всей силою души следи за дядей;
И если в нем при неких словах
Скрытая вина не содрогнется,

То, значит, нам являлся адский дух
И у меня воображение мрачно,
Как кузница Вулкана. Будь позорче;
К его лицу я прикую глаза,
А после мы сличим сужденья наши
И взвесим виденное.

ГОРАЦИО

Хорошо.

Когда он утаит хоть что-нибудь
И ускользнет, то я плачу за кражу.

ГАМЛЕТ

Они идут. Мне надо быть безумным.
Садись куда-нибудь.

Датский марш. Трубы. Входят король, королева, Полоний, Офелия, Розенкранц, Гильденстерн и другие приближенные вельможи вместе со стражей, несущей факелы.

КОРОЛЬ. Как поживает наш племянник Гамлет?

ГАМЛЕТ. Отлично, ей-же-ей; живу на хамелеоновой пище, питаюсь воздухом, пичкаюсь обещаниями; так не откармливают и каплунов.

КОРОЛЬ. Этот ответ ко мне не относится, Гамлет, эти слова не мои.

ГАМЛЕТ. Да, и не мои больше. *(Полонию.)* Сударь мой, вы говорите, что когда-то играли в университете?

ПОЛОНИЙ. Играл, мой принц, и считался хорошим актером.

ГАМЛЕТ. А что же вы изображали?

ПОЛОНИЙ. Я изображал Юлия Цезаря; я был убит на Капитолии; меня убил Брут.

ГАМЛЕТ. С его стороны было очень грубально убить столь капитальное тело.— Что, актеры готовы?

РОЗЕНКРАНЦ. Да, мой принц; они ожидают ваших распоряжений.

КОРОЛЕВА. Поди сюда, мой милый Гамлет, сядь возле меня.

ГАМЛЕТ. Нет, дорогая матушка, здесь есть металл более притягательный.

ПОЛОНИЙ *(тихо, королю)*. Ого, вы слышите?

ГАМЛЕТ. Сударыня, могу я прилечь к вам на колени?
(Ложится к ногам Офелии.)

ОФЕЛИЯ. Нет, мой принц.

ГАМЛЕТ. Я хочу сказать: положить голову к вам на колени?

ОФЕЛИЯ. Да, мой принц.

ГАМЛЕТ. Вы думаете, у меня были грубые мысли?

ОФЕЛИЯ. Я ничего не думаю, мой принц.

ГАМЛЕТ. Прекрасная мысль — лежать между девичьих пог.

ОФЕЛИЯ. Что, мой принц?

ГАМЛЕТ. Ничего.

ОФЕЛИЯ. Вам весело, мой принц?

ГАМЛЕТ. Кому? Мне?

ОФЕЛИЯ. Да, мой принц.

ГАМЛЕТ. О господи, я попросту скоморох. Да что и делать человеку, как не быть веселым? Вот посмотрите, как радостно смотрит моя мать, а нет и двух часов, как умер мой отец.

ОФЕЛИЯ. Нет, тому уже дважды два месяца, мой принц.

ГАМЛЕТ. Так давно? Ну, так пусть дьявол носит черное, а я буду ходить в соболях. О небо! Умереть два месяца тому назад и все еще не быть забытым? Тогда есть надежда, что память о великом человеке может пережить его жизнь на целых полгода! Но, клянусь владычицей небесной, он должен строить церкви, иначе ему грозит забвение, как коньку-скакунку*, чья эпитафия: «О стыд, о стыд! Конек-скакунок позабыт!»

Играют гобой. Начинается пантомима.

Входят актеры — король и королева; весьма нежно королева обнимает его, а он ее. Она становится на колени и делает ему знаки уверения. Он поднимает ее и склоняет голову к ней на плечо; ложится на цветущий дерн; она, видя, что он уснул, покидает его. Вдруг входит человек, снимает с него корону, целует ее, вливает яд в уши королю и уходит. Возвращается королева, застаёт короля мертвым и разыгрывает страстное действие. Огравитель, с двумя или тремя безмолвными, входит снова, делая вид, что скорбит вместе с нею. Мертвое тело уносят прочь. Огравитель уличивает королеву дарами; вначале она как будто недовольна и несогласна, но наконец принимает его любовь.

Все уходят.

ОФЕЛИЯ. Что это значит, мой принц?

ГАМЛЕТ. Это крадущееся малечо, что значит «злодейство».

ОФЕЛИЯ. Может быть, эта сцена показывает содержание пьесы?

Входит Пролог.

ГАМЛЕТ. Мы это узнаем от этого молодца; актеры не умеют хранить тайн; они всегда все скажут.

ОФЕЛИЯ. Он нам скажет, что значило то, что они сейчас показывали?

ГАМЛЕТ. Да, как и все то, что вы ему покажете; вы не стыдитесь ему показать, а он не постыдится сказать вам, что это значит.

ОФЕЛИЯ. Вы нехороший, вы нехороший! Я буду следить за представлением.

ПРОЛОГ

Пред нашим представлением

Мы просим со смирением

Нас подарить терпением.

(Уходит.)

ГАМЛЕТ. Что это: пролог или стихи для перстня?*

ОФЕЛИЯ. Это коротко, мой принц.

ГАМЛЕТ. Как женская любовь.

Входят актеры — король и королева.

АКТЕР-КОРОЛЬ

Се тридцать раз круг моря и земли

Колеса Феба в беге обтекли,

И тридцатью двенадцать лун на нас

Сияло тридцатью двенадцать раз,

С тех пор как нам связал во цвете дней

Любовь, сердца и руки Гименей*.

АКТЕР-КОРОЛЕВА

Пусть столько ж лун и солнц сочтем мы вновь

Скорей, чем в сердце кончится любовь!

Но только, ах, ты с некоторых пор

Так озабочен, утомлен и хвор,

Что я полна волненья. Но оно

Тебя ничуть печалить не должно;

Ведь в женщине любовь и страх равны:

Их вовсе нет или они сильны.

Мою любовь ты знаешь с юных дней;

Так вот и страх мой соразмерен с ней.

Растет любовь, растет и страх в крови;

Где много страха, много и любви.

АКТЕР-КОРОЛЬ

Да, нежный друг, разлуки близок час;

Могучих сил огонь во мне погас;

А ты на милом свете будешь жить
В почете и любви; и, может быть,
С другим супругом ты...

АКТЕР-КОРОЛЕВА

О, пощади!

Предательству не жить в моей груди.
Второй супруг — проклятие и стыд!
Второй — для тех, кем первый был убит.

ГАМЛЕТ (*в сторону*). Полюнь, полюнь!

АКТЕР-КОРОЛЕВА

Тех, кто в замужество вступает вновь,
Влечет одна корысть, а не любовь;
И мертвого я умерщвлю опять,
Когда другому дам себя обнять.

АКТЕР-КОРОЛЬ

Я верю, да, так мыслишь ты сейчас,
Но замыслы недолговечны в нас.
Подвластны нашей памяти они:
Могуче их рожденье, хрупки дни;
Так плод неспелый к древу прикреплен,
Но падает, когда созреет он.
Вполне естественно, из нас любой
Забудет долг перед самим собой;
Тому, что в страсти было решено,
Чуть минет страсть, забвенье суждено.
И радость и печаль, бушуя в нас,
Свои решения губят в тот же час;
Где смех, там плач,— они дружнее всех;
Легко смеется плач и плачет смех.
Не вечен мир, и все мы видим вновь,
Как счастьем вслед меняется любовь;
Кому кто служит — мудрый, назови:
Любовь ли счастьем, счастье ли любви?
Вельможа пал,— он не найдет слуги;
Бедняк в удаче,— с ним дружат враги;
И здесь любовь за счастьем вслед идет;
Кому не нужно, тот друзей найдет,
А кто в нужде спешит к былым друзьям,
Тот в недругов их превращает сам.
Но чтобы речь к началу привести:
Дум и судеб столь разнствуют пути,

Что нашу волю рушит всякий час,
 Желанья — наши, их конец вне нас;
 Ты новый брак отвергла наперед,
 Но я умру — и эта мысль умрет.

АКТЕР-КОРОЛЕВА

Земля, не шли мне снеди, твердь — лучей!
 Исчезни, радость дня, покой ночей!
 Мои надежды да поглотит тьма!
 Да ждут меня хлеб скудный и тюрьма!
 Все злобное, чем радость смущена,
 Мои мечты да истребит до дна!
 И здесь и там да будет скорбь со мной,
 Коль, овдовев, я стану вновь женой!

ГАМЛЕТ. Что, если она теперь это нарушит!

АКТЕР-КОРОЛЬ

Нет глубже клятв. Мой друг, оставь меня;
 Я утомлен и рад тревогу дня
 Рассеять сном.

(Засыпает.)

АКТЕР-КОРОЛЕВА

Пусть дух твой отдохнет,
 И пусть вовек не встретим мы невзгод.
(Уходит.)

ГАМЛЕТ. Сударыня, как вам нравится эта пьеса?

КОРОЛЕВА. Эта женщина слишком щедра на уверения,
 по-моему.

ГАМЛЕТ. О, ведь она сдержит слово.

КОРОЛЬ. Ты слышал содержание? Здесь нет ничего предосудительного?

ГАМЛЕТ. Нет, нет; они только шутят, отравляют ради шутки, ровно ничего предосудительного.

КОРОЛЬ. Как называется пьеса?

ГАМЛЕТ. «Мышеловка». Но в каком смысле? В переносном. Эта пьеса изображает убийство, совершенное в Вене; имя герцога — Гонзаго; его жена — Баптиста. Вы сейчас увидите. Это подлая история, но не все ли равно? Вашего величества и нас, у которых душа чиста, это не касается; пусть кляча брыкается, если у нее ссадина, — у нас загривок не патерт.

Входит актер — Луциан.

Это некий Луциан, племянник короля.

ОФЕЛИЯ. Вы отличный хор, мой принц.

ГАМЛЕТ. Я бы мог служить толкователем вам и вашему милому, если бы мог видеть, как эти куклы пляшут.

ОФЕЛИЯ. Вы колки, мой принц, вы колки.

ГАМЛЕТ. Вам пришлось бы постонать, прежде чем при-
тушится мое острие.

ОФЕЛИЯ. Все лучше, и все хуже.

ГАМЛЕТ. Так и вы должны брать себе мужей.— Начинай,
убийца. Да брось же проклятые свои ужимки и начинай. Ну:
«Взывает к мщенью каркающий ворон».

ЛУЦИАН

Рука тверда, дух черен, верен яд,
Час дружествен, ничей не видит взгляд;
Тлетворный сок полночных трав, трикраты
Пронизанный проклятием Гекаты,
Твоей природы страшным волшебством
Да истребится ныне жизнь в живом.

(Вливает яд в ухо спящему.)

ГАМЛЕТ. Он отравляет его в саду ради его державы. Его
зовут Гонзаго. Такая повесть имеется и написана отменней-
шим итальянским языком. Сейчас вы увидите, как убийца сни-
скивает любовь Гонзаговой жены.

ОФЕЛИЯ. Король встает!

ГАМЛЕТ. Что? Испугался холостого выстрела!

КОРОЛЕВА. Что с вашим величеством?

ПОЛОНИЙ. Прекратите игру!

КОРОЛЬ. Дайте сюда огня.— Уйдем!

ВСЕ. Огня, огня, огня!

Все, кроме Гамлета и Горацио, уходят.

ГАМЛЕТ

Олень подстреленный хрипит,
А лани горя пет.
Тот — караулит, этот — спит.
Уж так устроен свет.

Неужто с этим, сударь мой, и с лесом перьев,— если в осталь-
ном судьба обошлась бы со мною, как турок,— да с парой про-
ванских роз на прорезных башмаках я не получил бы места в
труппе актеров, сударь мой?

ГОРАЦИО. С половинным паем.

ГАМЛЕТ. С целым, по-моему.

Мой милый Дамон, о поверь,

На этом троне цвел

Второй Юпитер; а теперь

Здесь царствует — павлин.

ГОРАЦИО. Вы могли бы сказать в рифму.

ГАМЛЕТ. О дорогой Горацио, я за слова призрака поручился бы тысячей золотых. Ты заметил?

ГОРАЦИО. Очень хорошо, мой принц.

ГАМЛЕТ. При словах об отравлении?

ГОРАЦИО. Я очень зорко следил за ним.

ГАМЛЕТ. Ха-ха! Эй, музыку! Эй, флейты!

Раз королю не нравятся спектакли,

То, значит, он не любит их, не так ли?

Эй, музыку!

Розенкранц и Гильденстерн возвращаются.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Мой добрый принц, разрешите сказать вам два слова.

ГАМЛЕТ. Сударь мой, хоть целую историю.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Король...

ГАМЛЕТ. Да, сударь мой, что с ним?

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Удавился, и ему очень не по себе.

ГАМЛЕТ. От вина, сударь мой?

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Нет, мой принц, скорее от желчи.

ГАМЛЕТ. Ваша мудрость выказала бы себя более богатой, если бы вы сообщили об этом его врачу, потому что если за его очищение возьмусь я, то, пожалуй, погружу его в еще пущую желчь.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Мой добрый принц, приведите вашу речь в некоторый порядок и не отклоняйтесь так дико от моего предмета.

ГАМЛЕТ. Сударь мой, я смирен; повествуйте.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Королева, ваша мать, в величайшем сокрушении духа, послала меня к вам.

ГАМЛЕТ. Милости прошу.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Нет, мой добрый принц, эта любезность не того свойства, как нужно. Если вам угодно будет дать мне здравый ответ, я исполню приказание вашей матери; если нет,

то мое поручение окончится тем, что вы меня отпустите и я удалюсь.

ГАМЛЕТ. Сударь мой, я не могу.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Чего, мой принц?

ГАМЛЕТ. Дать вам здравый ответ: рассудок мой болен. Но, сударь мой, такой ответ, какой я могу дать, к вашим услугам или, вернее, как вы говорите, к услугам моей матери. Итак, довольно этого, и к делу; моя мать, говорите вы...

РОЗЕНКРАНЦ. Так вот, она говорит: ваши поступки повергли ее в изумление и недоумение.

ГАМЛЕТ. О, чудесный сын, который может так удивлять свою мать! А за этим материнским изумлением ничто не следует по пятам? Поведайте.

РОЗЕНКРАНЦ. Она желает поговорить с вами у себя в комнате, прежде чем вы пойдете ко сну.

ГАМЛЕТ. Мы повинемся, хотя бы она десять раз была нашей матерью. Есть у вас еще какие-нибудь дела ко мне?

РОЗЕНКРАНЦ. Мой принц, вы когда-то любили меня.

ГАМЛЕТ. Так же, как и теперь, клянусь этими ворами и грабителями.

РОЗЕНКРАНЦ. Мой добрый принц, в чем причина вашего расстройства? Вы же сами заграждаете дверь своей свободе, отстраняя вашего друга от ваших печалей.

ГАМЛЕТ. Сударь мой, у меня нет никакой будущности.

РОЗЕНКРАНЦ. Как это может быть, когда у вас есть голос самого короля, чтобы наследовать датский престол?

ГАМЛЕТ. Да, сударь мой, но «пока трава растет...»* — половица слегка заплесневела.

Возвращаются музыканты с флейтами.

А, флейты! Дайте-ка мне одну.— Отойдите в сторону.— Почему вы все стараетесь гнать меня по ветру, словно хотите загнать меня в сеть?

ГИЛЬДЕНСТЕРН. О, мой принц, если моя преданность слишком смела, то это моя любовь так неучлива.

ГАМЛЕТ. Я это не совсем понимаю. Не сыграете ли вы на этой дудке?

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Мой принц, я не умею.

ГАМЛЕТ. Я вас прошу.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Поверьте мне, я не умею.

ГАМЛЕТ. Я вас умоляю.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Я и держать ее не умею, мой принц.

ГАМЛЕТ. Это так же легко, как жать; управляйте этими отверстиями при помощи пальцев, дышите в нее ртом, и она заговорит красноречивейшей музыкой. Видите — вот это лады.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Но я не могу извлечь из них никакой гармонии; я не владею этим искусством.

ГАМЛЕТ. Вот видите, что за негодную вещь вы из меня делаете? На мне вы готовы играть; вам кажется, что мои лады вы знаете; вы хотели бы исторгнуть сердце моей тайны; вы хотели бы испытать от самой низкой моей ноты до самой вершины моего звука; а вот в этом маленьком снаряде — много музыки, отличный голос; однако вы не можете сделать так, чтобы он заговорил. Черт возьми, или, по-вашему, на мне легче играть, чем на дудке? Назовите меня каким угодно инструментом — вы хоть и можете меня терзать, но играть на мне не можете.

Полоний возвращается.

Благослови вас бог, сударь мой!

ПОЛОНИЙ. Принц, королева желала бы поговорить с вами, и тотчас же.

ГАМЛЕТ. Вы видите вон то облако, почти что вроде верблюда?

ПОЛОНИЙ. Ей-богу, оно действительно похоже на верблюда.

ГАМЛЕТ. По-моему, оно похоже на ласточку.

ПОЛОНИЙ. У него спина, как у ласточки.

ГАМЛЕТ. Или как у кита?

ПОЛОНИЙ. Совсем как у кита.

ГАМЛЕТ. Ну, так я сейчас приду к моей матери.

(В сторону.)

Они меня совсем с ума сведут! — Я сейчас приду.

ПОЛОНИЙ. Я так и скажу.

(Уходит.)

ГАМЛЕТ. Сказать «сейчас» легко. — Оставьте меня, друзья.

Все, кроме Гамлета, уходят.

Теперь как раз тот колдовской час ночи,
Когда гроба зияют и заразой
Ад дышит в мир; сейчас я жаркой крови

Испить бы мог и совершить такое,
Что день бы дрогнул. Тише! Мать звала.
О сердце, не утрать природы; пусть
Душа Нерона в эту грудь не внидет*;
Я буду с ней жесток, но я не изверг;
Пусть речь грозит кинжалом, не рука;
Язык и дух да будут лицемерны;
Хоть на словах я причину ей боль,
Дать скрепу им, о сердце, не дозволю!
(Уходит.)

СЦЕНА 3

Комната в замке.

Входят король, Розенкранц и Гильденстерн.

КОРОЛЬ

Он ненавистен мне, да и нельзя
Давать простор безумству. Приготовьтесь;
Я вас снабжу немедля полномочьем,
И вместе с вами он отбудет в Англию;
Наш сан не может потерпеть соседство
Опасности, которою всечасно
Грозит нам бред его.

ГИЛЬДЕНСТЕРН

Мы снарядимся;

Священная и правая забота —
Обезопасить эту тьму людей,
Живущих и питающихся вашим
Величеством.

РОЗЕНКРАНЦ

Жизнь каждого должна
Всей крепостью и всей броней души
Хранить себя от бед, а наипаче
Тот дух, от счастья коего зависит
Жизнь множества. Кончина государя
Не одинока, но влечет в пучину
Все, что вблизи; то как бы колесо,
Поставленное на вершине горной,
К чьим мощным спицам тысячи предметов
Прикреплены; когда оно падет,
Малейший из придатков будет схвачен

Грозой крушенья. Искони времен
Монаршей скорби вторит общий стон.

КОРОЛЬ

Готовьтесь, я прошу вас, в скорый путь;
Пора связать страшилище, что бродит
Так, нестреноженно.

РОЗЕНКРАНЦ И ГИЛЬДЕНСТЕРН

Мы поспешим.

Розенкранц и Гильденстерн уходят. Входит Полоний.

ПОЛОНИЙ

Мой государь, он к матери пошел.
Я спрячусь за ковром, чтоб слышать все;
Ручаюсь вам, она его приструнит.
Как вы сказали — и сказали мудро, —
Желательно, чтоб кто-нибудь другой,
Не только мать — природа в них пристрастна, —
Внимал ему. Прощайте, государь.
Я к вам зайду, пока вы не легли,
Сказать, что я узнал.

КОРОЛЬ

Благодарю.

Полоний уходит.

О, мерзок грех мой, к небу он смердит;
На нем старейшее из всех проклятий —
Братоубийство! Не могу молиться,
Хотя остра и склонность, как и воля;
Вина сильней, чем сильное желание,
И, словно тот, кто призван к двум делам,
Я медлю и в бездействии колеблюсь.
Будь эта вот проклятая рука
Плотней самой себя от братской крови,
Ужели у небес дождя не хватит
Омыть ее, как снег? На что и милость,
Как не на то, чтоб стать лицом к вине?
И что в молитве, как не власть двойная —
Стеречь наш путь и снискивать прощенье
Тому, кто пал? Вот я поднимаю взор, —
Вина отпущена. Но что скажу я?
«Прости мне это гнусное убийство»?

Тому не быть, раз я владею всем,
Из-за чего я совершил убийство:
Венцом, и торжеством, и королевой.
Как быть прощенным и хранить свой грех?
В порочном мире золотой рукой
Неправда отстраняет правосудье
И часто покупается закон
Ценой греха; но наверху не так:
Там кривды нет, там дело предлежит
Вонистине, и мы принуждены
На очной ставке с нашею виной
Свидетельствовать. Что же остается?
Раскаянье? Оно так много может.
Но что оно тому, кто нераскаян?
О жалкий жребий! Грудь чернее смерти!
Увязший дух, который, вырываясь,
Лишь глубже вязнет! Ангелы, спасите!
Гнишь, жесткое колено! Жилы сердца!
Смягчитесь, как у малого младенца!
Все может быть еще и хорошо.
(Отходит в сторону и становится на колени.)

Входит Гамлет.

ГАМЛЕТ

Теперь свершить бы все,— он на молитве;
И я свершу, и он взойдет на небо;
И я отмщен. Здесь требуется взвесить:
Отец мой гибнет от руки злодея,
И этого злодея сам я шлю
На небо.
Ведь это же награда, а не месть!
Отец сражен был в грубом пресыщении,
Когда его грехи цвели, как май;
Каков расчет с ним, знает только небо.
Но по тому, как можем мы судить,
С ним тяжело; и буду ль я отмщен,
Сразив убийцу в чистый миг молитвы,
Когда он в путь снаряжен и готов?
Нет.
Назад, мой меч, узнай страшной обхват;
Когда он будет пьян, или во гневе,

Иль в кровосмесных наслаждениях лежа;
 В кошунстве, за игрой, за чем-нибудь,
 В чем нет добра.— Тогда его сшиби,
 Так, чтобы пятками брыкнул он в небо
 И чтоб душа была черна, как ад,
 Куда она отправится.— Мать ждет,—
 То лишь отсрочку врач тебе дает.
(Уходит.)

КОРОЛЬ *(вставая)*

Слова летят, мысль остается тут;
 Слова без мысли к небу не дойдут.
(Уходит.)

СЦЕНА 4

Комната королевы.

Входят королева и Полоний.

ПОЛОНИЙ

Сейчас придет он. Будьте с ним построже;
 Скажите, что он слишком дерзко шутит,
 Что вы его спасли, став между ним
 И грозным гневом. Я укроюсь тут.
 Прошу вас, будьте круты.

ГАМЛЕТ *(за сценой)*

Мать, мать, мать!

КОРОЛЕВА

Я вам ручаюсь; за меня не бойтесь.
 Вы отойдите; он идет, я слышу.

Полоний прячется за ковром.
 Входит Гамлет.

ГАМЛЕТ

В чем дело, мать, скажите?

КОРОЛЕВА

Сын, твой отец тобой обижен тяжко.

ГАМЛЕТ

Мать, мой отец обижен вами тяжко.

КОРОЛЕВА

Не отвечайте праздным языком.

ГАМЛЕТ

Не вопрошайте грешным языком.

КОРОЛЕВА

Что это значит, Гамлет?

ГАМЛЕТ

Что вам надо?

КОРОЛЕВА

Вы позабыли, кто я?

ГАМЛЕТ

Нет, клянусь.

Вы королева, дядина жена;

И — о, зачем так вышло! — вы мне мать.

КОРОЛЕВА

Так пусть же с вами говорят другие!

ГАМЛЕТ

Нет, сядьте. Вы отсюда не уйдете,

Пока я в зеркале не покажу вам

Все сокровеннейшее, что в вас есть.

КОРОЛЕВА

Что хочешь ты? Меня убить ты хочешь?

О, помогите!

ПОЛОНИЙ *(за ковром)*

Эй, люди! Помогите, помогите!

ГАМЛЕТ *(обнажая шпагу)*

Что? Крыса?

(Пронзает ковер.)

Ставлю золотой — мертва!

ПОЛОНИЙ *(за ковром)*

Меня убили!

(Падает и умирает.)

КОРОЛЕВА

Боже, что ты сделал?

ГАМЛЕТ

Я сам не знаю; это был король?

КОРОЛЕВА

Что за кровавый и шальной поступок!

ГАМЛЕТ

Немногим хуже, чем в грехе проклятом,

Убив царя, венчаться с царским братом.

КОРОЛЕВА

Убив царя?

ГАМЛЕТ

Да, мать, я так сказал.

(Откидывает ковер и обнаруживает Полония.)

Ты, жалкий, суетливый шут, прощай!
Я метил в высшего; прими свой жребий;
Вот как опасно быть не в меру шустрим.—
Рук не ломайте. Тише! Я хочу
Ломать вам сердце; я его сломаю,
Когда оно доступно прониканью,
Когда оно проклятою привычкой
Насквозь не закалилось против чувств.

КОРОЛЕВА

Но что я сделала, что твой язык
Столь шумен предо мной?

ГАМЛЕТ

Такое дело,
Которое пятнает лик стыда,
Зовет невинность лгуней, на челе
Святой любви сменяет розу язвой,
Преображает брачные обеты
В посулы игрока; такое дело,
Которое из плоти договоров
Изъемлет душу, веру превращает
В смешенье слов; лицо небес горит;
И эта крепь и плотная громада
С унылым взором, как перед судом,
Скорбит о нем.

КОРОЛЕВА

Какое ж это дело,
Чье предваренье так гремит и стонет?

ГАМЛЕТ

Взгляните, вот портрет и вот другой,
Искусные подобию двух братьев.
Как несравненна прелесть этих черт;
Чело Зевеса, кудри Аполлона,
Взор, как у Марса,—властная гроза;
Осанкою — то сам гонец Меркурий*
На небом лобызаемой скале;
Поистине такое сочетание,
Где каждый бог вдавил свою печать,
Чтоб дать Вселенной образ человека.
То был ваш муж. Теперь смотрите дальше.
Вот ваш супруг, как ржавый колос, насмерть

Сразивший брата. Есть у вас глаза?
С такой горы пойти в таком болоте
Искать свой корм! О, есть у вас глаза?
То не любовь, затем что в ваши годы
Разгул в крови утих — он присмирел
И связан разумом; а что за разум
Сравнит то с этим? Чувства есть у вас,
Раз есть движенья; только эти чувства
Разрушены; безумный различил бы,
И, как бы чувства ни служили бреду,
У них бы все ж явился некий выбор
Перед таким несходством. Что за бес
Запутал вас, играя с вами в жмурки?
Глаза без оцупи, слепая оцупь,
Слух без очей и рук, нюх без всего,
Любого чувства хилая частица
Так не сгруппят.
О стыд! Где твой румянец? Ад мятежный,
Раз ты бесчинствуешь в костях матроны,
Пусть пламенная юность чистоту,
Как воск, растопит; не зови стыдом,
Когда могучий пыл идет на приступ,
Раз сам мороз пылает и рассудок
Случает волю.

КОРОЛЕВА

О, довольно, Гамлет:

Ты мне глаза направил прямо в душу,
И в ней я вижу столько черных пятен,
Что их ничем не вывести!

ГАМЛЕТ

Нет, жить

В гнилом поту засаленной постели,
Варясь в разврате...

КОРОЛЕВА

О, молчи, довольно!

Ты уши мне кинжалами пронзаешь.
О, пощади!

ГАМЛЕТ

Убийца и холоп;

Смерд, мельче в двадцать раз одной десятой
Того, кто был вам мужем; шут на троне;

Вор, своровавший власть и государство,
Стянувший драгоценную корону
И сунувший ее в карман!

КОРОЛЕВА

Довольно!

ГАМЛЕТ

Король из пестрых тряпок...*

Входит Призрак.

Спаси меня и осени крылами,
О воинство небес! — Чего ты хочешь,
Блаженный образ?

КОРОЛЕВА

Горе, он безумен!

ГАМЛЕТ

Иль то упрек медлительному сыну
За то, что, упуская страсть и время,
Он не свершает страшный твой приказ?
Скажи!

ПРИЗРАК

Не забывай. Я посетил тебя,
Чтоб заострить притупленную волю.
Но видишь, страх сошел на мать твою.
О, стань меж ней и дум ее бореньем;
Воображение мощно в тех, кто слаб;
Заговори с ней, Гамлет.

ГАМЛЕТ

Что с вами, госпожа?

КОРОЛЕВА

Ах, что с тобой,
Что ты глаза вперяешь в пустоту
И бестелесный воздух вопрошаешь?
Из глаз твоих твой дух взирает дико,
И, словно полк, разбуженный тревогой,
Твои как бы живые волосы
Поднялись и стоят. О милый сын,
Пыл и огонь волнения окропи
Спокойствием холодным. Что ты видишь?

ГАМЛЕТ

Его, его! Смотрите, как он бледен!
Его судьба и вид, воззвав к камням,

Растрогали бы их.— О, не смотри;
Твой скорбный облик отвратит меня
От грозных дел; то, что свершить я должен,
Свой цвет утратит: слезы вместо крови!

КОРОЛЕВА

С кем ты беседуешь?

ГАМЛЕТ

Вы ничего

Не видите?

КОРОЛЕВА

Нет, то, что есть, я вижу.

ГАМЛЕТ

И ничего не слышали?

КОРОЛЕВА

Нас только.

ГАМЛЕТ

Да посмотрите же! Вот он уходит!
Отец, в таком же виде, как при жизни!
Смотрите, вот, он перешел порог!

Призрак уходит.

КОРОЛЕВА

То лишь создание твоего же мозга;
В бесплотных грезах умоисступленье
Весьма искусно.

ГАМЛЕТ

«Умоисступленье»?

Мой пульс, как ваш, размеренно звучит
Такой же здоровой музыкой. Не бред
То, что сказал я; испытайте тут же,
И я вам все дословно повторю,—
А бред отпрянул бы. Мать, умоляю,
Не умащайте душу лстивой мазью,
Что это бред мой, а не ваш позор;
Она больное место лишь затянет,
Меж тем как порча все внутри разъест
Незримо. Исповедайтесь пред небом,
Покайтесь в прошлом, стерегитесь впредь
И плевелы не удобряйте туком.
Простите мне такую добродетель;
Ведь добродетель в этот жирный век

Должна просить прощенья у порока,
Молить согбенно, чтоб ему помочь.

КОРОЛЕВА

О милый Гамлет, ты рассек мне сердце!

ГАМЛЕТ

Отбросьте же дурную половину
И с лучшею живите в чистоте.
Покойной ночи; но не спите с дядей.
Раз нет ее, займите добродетель.
Привычка — это чудище, что гложет
Все чувства, этот дьявол — все же ангел
Тем, что свершение благородных дел
Он точно так же наряжает в платье
Вполне к лицу. Сегодня воздержитесь,
И это вам невольно облегчит
Дальнейшую воздержанность; дальше — легче;
Обычай может смыть чекан природы
И дьявола смирить иль прочь извергнуть
С чудесной силой. Итак, покойной ночи.
Когда возжаждете благословенья,
Я к вам за ним приду. — Что до него,
(указывая на Полония)
То я скорблю; но небеса велели,
Им покарав меня и мной его,
Чтобы я стал бичом их и слугою.
О нем я позабочусь и отвечу
За смерть его. — Итак, покойной ночи.
Из жалости я должен быть жесток.
Плох первый шаг, но худший недалек.
Еще два слова.

КОРОЛЕВА

Что должна я делать?

ГАМЛЕТ

Отнюдь не то, что я сейчас сказал:
Пусть вас король к себе в постель заманит;
Щипнет за щечку; мышкой назовет;
А вы за грязный поцелуй, за ласку
Проклятых пальцев, глядящих вам шею,
Ему распутайте все это дело, —
Что вовсе не безумен я, а просто
Хитер безумно. Пусть он это знает.

Ведь как прекрасной, мудрой королеве
Скрыть от кога, нетопыря, от жабы
Такую тайну? Кто бы это мог?
Нет, вопреки рассудку и доверью,
Взберитесь с клеткою на крышу, птиц
Лететь пустите и, как та мартышка,
Для опыта залезьте в клетку сами
Да и сломайте шею.

КОРОЛЕВА

О, если речь — дыханье, а дыханье
Есть наша жизнь, — поверь, во мне нет жизни,
Чтобы слова такие продышать.

ГАМЛЕТ

Я еду в Англию; вам говорили?

КОРОЛЕВА

Я и забыла! Это решено.

ГАМЛЕТ

Готовят письма; два моих собрата,
Которым я, как двум гадюкам, верю,
Везут приказ; они должны расчистить
Дорогу к западне. Ну что ж, пускай.
В том и забава, чтобы землекопа
Взорвать его же миной; плохо будет,
Коль я не вруюсь глубже их аршином,
Чтоб их пустить к луне. Есть прелесть в том,
Когда две хитрости столкнутся лбом!
Вот кто теперь ускорит наши сборы;
Я оттащу подальше потроха.—
Мать, доброй ночи. Да, вельможа этот
Теперь спокоен, важен, молчалив,
А был болтливый плут, пока был жив.—
Ну, сударь мой, чтоб развязаться с вами...—
Покойной ночи, мать.

Уходят врозь, Гамлет — волоча Полония.

АКТ IV

СЦЕНА I

Комната в замке.

Входят король, королева, Розенкранц и Гильденстерн.

КОРОЛЬ

У этих тяжких вздохов есть причина;
Откройтесь нам; мы их должны понять.
Где сын ваш?

КОРОЛЕВА

Оставьте нас на несколько минут.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Ах, государь, что видела я ночью!

КОРОЛЬ

Скажите все. Что с Гамлетом?

КОРОЛЕВА

Безумен,

Как море и гроза, когда они
О силе спорят. В буйном исступлении,
Заслышав за ковром какой-то шорох,
Хватает меч и с криком: «Крыса, крыса!» —
В своем бреде, не видя, убивает
Беднягу старика.

КОРОЛЬ

О, злое дело!

Так было бы и с нами, будь мы там.
Его свобода пагубна для всех —
Для вас самих, для нас и для любого.
Кто будет отвечать за грех кровавый?
Его на нас возложат, чья забота
Была стеречь, взять в руки, удалить
Безумного; а мы из-за любви
Не видели того, что надлежало,
И, словно обладатель мерзкой язвы,
Боящийся огласки, дали ей
До мозга вьестся в жизнь. Где он сейчас?

КОРОЛЕВА

Он потащил убитого; над ним,
Как золото среди плохой руды,
Его безумье проявилось чистым.
Он плачется о том, что совершил.

КОРОЛЬ

Идем, Гертруда!
Едва коснется солнце горных высей,
Он отплывет; а этот тяжкий случай

Нам надобно умело и достойно
Представить и смягчить.— Эй, Гильденстерн!

Розенкранц и Гильденстерн возвращаются.

Друзья мои, сходите за подмогой;
В безумье Гамлет умертвил Полония
И выволок из комнат королевы.
Поладьте с ним, а тело отнесите
В часовню. И прошу вас, поскорее.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Идем, Гертруда, созовем друзей.
Расскажем им и то, что мы решили,
И что случилось; так, быть может, сплетня,
Чей шепот неуклонно мчит сквозь мир,
Как пушка в цель, свой ядовитый выстрел,
Мишует наше имя и пронзит
Неуязвимый воздух. О, иди!
Страх и смятение у меня в груди.

Уходят.

СЦЕНА 2

Другая комната в замке.

Входит Гамлет.

ГАМЛЕТ

Надежно спрятан.

РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН (за сценой). Принц
Гамлет! Гамлет!

ГАМЛЕТ

Тсс! Что за шум? Кто Гамлета зовет?

А, вот они.

Входят Розенкранц и Гильденстерн.

РОЗЕНКРАНЦ. Принц, что вы учинили с мертвым телом?

ГАМЛЕТ

Смешал с землей— она ему сродни.

РОЗЕНКРАНЦ

Скажите, где оно, чтоб мы могли

Снести его в часовню.

ГАМЛЕТ. Вы этому не верьте.

РОЗЕНКРАНЦ. Не верить чему?

ГАМЛЕТ. Тому, что вашу тайну я хранить умею, а свою нет. К тому же на вопросы губки какой ответ может дать королевский сын?

РОЗЕНКРАНЦ. Вы принимаете меня за губку, мой принц?

ГАМЛЕТ. Да, сударь; которая впитывает благоволение короля, его щедроты, его пожалования. Но такие царедворцы служат королю лучше всего напоследок; он держит их, как обезьяна орехи, за щекой: раньше всех берет в рот, чтобы позже всех проглотить. Когда ему понадобится то, что вы скопили, ему стоит только нажать на вас — и, губка, вы снова сухи.

РОЗЕНКРАНЦ. Я вас не понимаю, мой принц.

ГАМЛЕТ. Я этому рад; хитрая речь спит в глупом ухе.

РОЗЕНКРАНЦ. Мой принц, вы должны нам сказать, где тело, и пойти с нами к королю.

ГАМЛЕТ. Тело у короля, но король без тела. Король есть вещь...

ГИЛЬДЕНСТЕРН. «Вещь», мой принц?

ГАМЛЕТ. Невещественная. Ведите меня к нему. Беги, лиса, и все за ней.

Уходят.

СЦЕНА 3

Другая комната в замке.

Входит король с приближенными.

КОРОЛЬ

За принцем послано, и тело ищут.
Как пагубно, что он на воле ходит!
Однако же быть строгим с ним нельзя:
К нему пристрастна буйная толпа,
Судящая не смыслом, а глазами;
Она лишь казнь виновного приметит,
А не вину. Чтоб гладко все сошло,
Должно казаться, что его отъезд
Решен давно; отчаянный недуг
Врачуют лишь отчаянные средства
Иль никакие.

Входит Розенкранц.

Что там? Что случилось?

РОЗЕНКРАНЦ

Куда он спрятал тело, государь,
Узнать мы не могли.

КОРОЛЬ

А где он сам?

РОЗЕНКРАНЦ

Здесь рядом; под присмотром, в ожидание
Велений ваших.

КОРОЛЬ

Пусть его введут.

РОЗЕНКРАНЦ

Эй, Гильденстерн! Введите принца.

Входят Гамлет и Гильденстерн.

КОРОЛЬ

Ну что же, Гамлет, где Полоний?

ГАМЛЕТ

За ужином.

КОРОЛЬ. За ужином? Где?

ГАМЛЕТ. Не там, где он ест, а там, где его едят; у него как раз собрался некий сейм политических червей. Червь — истинный император по части пищи. Мы откармливаем всех прочих тварей, чтобы откормить себя, а себя откармливаем для червей. И жирный король и сухопарый нищий — это только разveсмeны, два блюда, но к одному столу; конец таков.

КОРОЛЬ. Увы, увy!

ГАМЛЕТ. Человек может поймать рыбу на червя, который поел короля, и поесть рыбы, которая питалась этим червем.

КОРОЛЬ. Что ты хочешь этим сказать?

ГАМЛЕТ. Я хочу вам только показать, как король может совершить путешествие по кишкам нищего.

КОРОЛЬ. Где Полоний?

ГАМЛЕТ. На небесах. Пошлите туда посмотреть; если ваш посланный его там не найдет, тогда поищите его в другом месте сами. А только если вы в течение месяца его не сыщете, то вы его почуете, когда пойдете по лестнице на галерею.

КОРОЛЬ (нескольким слугам). Пойдите поищите его там.

ГАМЛЕТ. Он вас подождет.

Слуги уходят.

КОРОЛЬ

Во имя твоего же, Гамлет, блага,
Которым дорожим мы, как скорбим
О том, что ты свершил, ты должен скрыться
Быстрее огня. Так соберись в дорогу.
Корабль готов, благоприятен ветер,
Ждут спутники, и Англия вас ждет.

ГАМЛЕТ

Ждет Англия?

КОРОЛЬ

Да, Гамлет.

ГАМЛЕТ

Хорошо.

КОРОЛЬ

Да, так и есть, коль ведать наши мысли.

ГАМЛЕТ. Я вижу херувима, который видит их.— Но едем!
В Англию! — Прощайте, дорогая мать.

КОРОЛЬ. Твой любящий отец, Гамлет.

ГАМЛЕТ. Моя мать; отец и мать — муж и жена, муж и
жена — единая плоть, и поэтому — моя мать.— Едем! В Англию!

(Уходит.)

КОРОЛЬ

За ним ступайте; торопите в путь.
Хочу, чтоб он отплыл еще до ночи.
Все запечатано, и все готово,
Что следует. Прошу вас, поскорей.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Когда мою любовь ты чтить, Британец,—
А мощь моя ей цену придает,
Затем что свеж и ал еще рубец
От датского меча и вольный страх твой
Нам платит дань,— ты не воспримешь хладно
Наш царственный приказ, тот, что содержит,
Как это возвещается в письме,
Смерть Гамлета. Британец, сделай это.
Как огневица, он мне гложет кровь.
Будь мне врачом; пока не свершено,
Мне радости не ведать все равно.

(Уходит.)

СЦЕНА 4

Равнина в Дании.

Входят Фортинбрас, капитан и солдаты на походе.

ФОРТИНБРАС

Снесите мой привет владыке датчан;
Напомните ему, что Фортинбрас
Обещанного просит разрешенья
Пройти его землю. Встреча там же.
И, ежели мы королю нужны,
Свой долг пред ним исполнить мы готовы.
Ему скажите это.

КАПИТАН

Да, мой принц.

ФОРТИНБРАС

Вперед не торопясь.

Фортинбрас и солдаты уходят.

Входят Гамлет, Розенкранц, Гильденстерн и другие.

ГАМЛЕТ

Скажите, сударь мой, чье это войско?

КАПИТАН

Норвежца, сударь.

ГАМЛЕТ

Куда оно идет, спросить дозвольте?

КАПИТАН

Оно идет на Польшу.

ГАМЛЕТ

А кто их предводитель?

КАПИТАН

Фортинбрас,

Племянник старого Норвежца.

ГАМЛЕТ

На всю ли Польшу вы идете, сударь,
Иль на какую-либо из окраин?

КАПИТАН

Сказать по правде и без добавлений,
Нам хочется забрать клочок земли,
Который только и богат названьем.
За пять дукатов я его не взял бы

В аренду. И Поляк или Норвежец
На нем навряд ли больше наживут.

ГАМЛЕТ

Так за него Поляк не станет драться.

КАПИТАН

Там ждут войска.

ГАМЛЕТ

Две тысячи людей
И двадцать тысяч золотых не могут
Уладить спор об этом пустяке!
Вот он, гнойник довольства и покоя:
Прорвавшись внутрь, он не дает понять,
Откуда смерть.— Благодарю вас, сударь.

КАПИТАН

Благослови вас бог.

(Уходит.)

РОЗЕНКРАНЦ

Идемте, принц?

ГАМЛЕТ

Я догоню вас. Вы пока идите.

Все, кроме Гамлета, уходят.

Как всё кругом меня изобличает
И вялую мою торопит месть!
Что человек, когда он занят только
Сном и едой! Животное, не больше.
Тот, кто нас создал с мыслью столь обширной,
Глядящей и вперед и вспять, вложил в нас
Не для того богоподобный разум,
Чтоб праздно плесневел он. То ли это
Забвенье скотское иль жалкий навыв
Раздумывать чрезмерно об исходе,—
Мысль, где на долю мудрости всегда
Три доли трусости,—я сам не знаю,
Зачем живу, твердя: «Так надо сделать»,
Раз есть причина, воля, мощь и средства,
Чтоб это сделать. Вся земля пример;
Вот это войско, тяжкая громада,
Ведомая изящным, нежным принцем,
Чей дух, объятый дивным честолюбьем,
Смеется над невидимым исходом,

Обрекши то, что смертно и неверно,
Всему, что могут счастье, смерть, опасность,
Так, за скорлупку. Истинно велик,
Кто не встревожен малою причиной,
Но вступит в ярый спор из-за былинки,
Когда задета честь. Так как же я,
Я, чей отец убит, чья мать в позоре,
Чей разум и чья кровь возмущены,
Стою и сплю, взирая со стыдом,
Как смерть вот-вот поглотит двадцать тысяч,
Что ради прихоти и вздорной славы
Идут в могилу, как в постель, сражаться
За место, где не развернуться всем,
Где даже негде схоронить убитых?
О мысль моя, отныне ты должна
Кровавой быть, иль прах тебе цена!
(Уходит.)

СЦЕНА 5

Эльсинор. Комната в замке.

Входят королева, Горацио и первый дворянин.

КОРОЛЕВА

Я не хочу с ней говорить.

ПЕРВЫЙ ДВОРЯНИН

Она упорствует, совсем безумна;

Ее невольно жаль.

КОРОЛЕВА

Чего ей надо?

ПЕРВЫЙ ДВОРЯНИН

Все об отце она твердит, о том,

Что мир лукав; вздыхает, грудь колотит

И сердится легко. В ее речах —

Лишь полусмысл, ее слова — ничто,

Но слушателей их бессвязный строй

Склоняет к размышлению. Их толкуют

И к собственным прилаживают мыслям;

А по ее кивкам и странным знакам

Иной и впрямь решит, что в этом скрыт

Хоть и неясный, но зловеющий разум.

ГОРАЦИО

С ней лучше бы поговорить: она
В злокозненных умах посеять может
Опасные сомненья.

КОРОЛЕВА

Пусть приходит.

Первый дворянин уходит.

(В сторону.)

Моей больной душе, где грех живет,
Все кажется предвестьем злых невзгод.
Всего страшится тайная вина
И этим страхом изобличена.

Возвращается первый дворянин с Офелией.

ОФЕЛИЯ

Где светлая властительница Дании?

КОРОЛЕВА

Ну что, Офелия?

ОФЕЛИЯ *(поет)*

Как узнать, кто милый ваш?

Он идет с жезлом,

Перловица на тулье*,

Поршни с ремешком.

КОРОЛЕВА. Ах, милая, что значит эта песнь?

ОФЕЛИЯ. Что? Нет, вы слушайте, прошу вас.

(Поет.)

Ах, он умер, госпожа,

Он — холодный прах;

В головах зеленый дерн,

Камешек в ногах.

КОРОЛЕВА. Милая...

ОФЕЛИЯ. Нет, слушайте, прошу вас.

(Поет.)

Саван бел, как горный снег...

Входит король.

КОРОЛЕВА. Увы, взгляните, государь!

ОФЕЛИЯ *(поет)*

...Цветик над могилой;

Он в нее сошел навек,
Не оплакан милой.

КОРОЛЬ

Как поживаете, мое дитя?

ОФЕЛИЯ. Хорошо, спасибо! Говорят, у совы отец был хлебник*. Господи, мы знаем, кто мы такие, но не знаем, чем можем стать. Благослови бог вашу трапезу!

КОРОЛЬ

Мысль об отце.

ОФЕЛИЯ. Пожалуйста, не будем говорить об этом. Но, если вас спросят, что это значит, вы скажите.

(Поет.)

Завтра Валентинов день*,

И с утренним лучом

Я Валентиною твоей

Жду под твоим окном.

Он встал на зов, был вмиг готов,

Затворы с двери снял;

Впускал к себе он деву в дом,

Не деву отпускал.

КОРОЛЬ

О милая Офелия!

ОФЕЛИЯ. Да, без всяких клятв, я сейчас кончу.

(Поет.)

Клянусь Христом, святым крестом.

Позор и срам, беда!

У всех мужчин конец один;

Иль нет у них стыда?

Ведь ты меня, пока не смял,

Хотел женой назвать!

Он отвечает:

И было б так, срази нас враг,

Не ляг ты ко мне в кровать.

КОРОЛЬ

Давно ль она такая?

ОФЕЛИЯ. Я надеюсь, что все будет хорошо. Надо быть терпеливыми; но я не могу не плакать, когда подумаю, что они положили его в холодную землю. Мой брат об этом узнает; и я вас благодарю за добрый совет.— Подайте мою карету!— Покойной ночи, сударыня. Покойной ночи, дорогие сударыни. Покойной ночи, покойной ночи. *(Уходит.)*

КОРОЛЬ

Прошу тебя, следи за ней позорче.

Горацио уходит.

Вот яд глубокой скорби; смерть отца —
Его источник. — Ах, Гертруда, беды,
Когда идут, идут не в одиночку,
А толпами. Ее отец убит;
Ваш сын далек, неистовый виновник
Своей же ссылки; всполошен народ,
Гнилой и мутный в шепотах и в мыслях,
Полониевой смертью; было глупо
Похоронить его тайком; Офелия
Разлучена с собой и с мыслью светлой,
Без коей мы — лишь звери иль картины;
И, наконец, хоть стоит остального, —
Лаэрт из Франции вернулся тайно,
Живет сомненьем, кутается в тучи,
А шептуны ему смущают слух
Тлетворною молвой про смерть отца;
И, так как нет предмета, подозренье
Начнет на нас же возлагать вину
Из уст в уста. О милая Гертруда,
Все это, как картечь, мне шлет с избытком
Смерть отовсюду.

Шум за сценой.

КОРОЛЕВА

Боже, что за шум?

КОРОЛЬ

Швейцарцы где? Пусть охраняют дверь.

Входит второй дворянин.

Что это там?

ВТОРОЙ ДВОРЯНИН

Спасайтесь, государь!

Сам океан, границы перехлынув,
Так яростно не пожирает землю,
Как молодой Лаэрт с толпой мятежной
Сметает стражу. Чернь идет за ним;
И, словно мир впервые начался,

Забыта древность и обычай презрен —
Опора и скрепление всех речей,—
Они кричат: «Лаэрт король! Он избран!»
Взлетают шапки, руки, языки:
«Лаэрт, будь королем, Лаэрт — король!»

КОРОЛЕВА

Визжат и рады, сбившись со следа!
Назад, дрянные датские собаки!

Шум за сценой.

КОРОЛЬ

Взломали дверь.

Входит Лаэрт, вооруженный; за ним — датчане.

ЛАЭРТ

Где их король? — Вы, господа, уйдите.

ДАТЧАНЕ

Нет, допустите нас.

ЛАЭРТ

Прошу, оставьте.

ДАТЧАНЕ

Ну хорошо.

(Удаляются за дверь.)

ЛАЭРТ

Спасибо. Дверь стеречь.—

Ты, мерзостный король, верни отца мне!

КОРОЛЕВА

Спокойно, друг.

ЛАЭРТ

Когда хоть капля крови
Во мне спокойна, пусть зовусь ублюдком;
Пусть мой отец почтется рогачом
И мать моя здесь, на челе безгрешном,
Несет клеймо блудницы.

КОРОЛЬ

Что причиной,
Лаэрт, что ты мятежен, как гигант? —
Оставь, Гертруда. Нет, за нас не бойся;
Такой святыней огражден король,
Что, увидав свой умысел, крамола
Бессильна действовать.— Скажи, Лаэрт,

. Чем распален ты так? — Оставь, Гертруда.—
Ответь мне.

ЛАЭРТ

Где мой отец?

КОРОЛЬ

Он умер.

КОРОЛЕВА

Но король

Здесь ни при чем.

КОРОЛЬ

Пусть обо всем расспросит.

ЛАЭРТ

Как умер он? Я плутен не стерплю.
В геенну верность! Клятвы к черным бесам!
Боязнь и благочестье в бездну бездн!
Мне гибель не страшна. Я заявляю,
Что оба света для меня презренны,
И будь что будет, лишь бы за отца
Отмстить как должно.

КОРОЛЬ

Кто тебя удержит?

ЛАЭРТ

Моя лишь воля; целый мир не сможет,
А что до средств, то ими я управлюсь
И с малым далеко зайду.

КОРОЛЬ

Лаэрт,

Ты хочешь знать всю правду про отца.
Но разве же твое отмщенье в том,
Чтоб, как игрок, сгрести врага и друга,
Тех, чей барыш, и тех, кто проиграл?

ЛАЭРТ

Нет, лишь его врагов.

КОРОЛЬ

Ты хочешь знать их?

ЛАЭРТ

Его друзей я заключу в объятия;
И, жизнью жертвуя, как пеликан,
Отдам им кровь свою*.

КОРОЛЬ

Ты говоришь

Как верный сын и благородный рыцарь.
Что я вполне невинен в этой смерти
И опечален ею глубоко,
То в разум твой проникнет так же прямо,
Как свет в твои глаза.

ДАТЧАНИЕ (за сценой)

Впустить ее!

ЛАЭРТ

Что там за шум?

Офелия возвращается.

Зной, иссуши мне мозг!
Соль семикратно жгучих слез, спали
Живую силу глаз моих! — Клянусь,
Твое безумье взвесится сполна,
Пока не дрогнет чаша. Роза мая!
Дитя, сестра, Офелия моя! —
О небеса, ужель девичий разум
Такой же тлен, как старческая жизнь?
В своей любви утонченна природа —
И вот она шлет драгоценный дар
Вслед тому, что любит.

ОФЕЛИЯ (поет)

Он лежал в гробу с открытым лицом;
Веселей, веселей, веселее;
И пролито много слез по нем.

Прощай, мой голубь!

ЛАЭРТ

Будь ты в рассудке и зови к отмщенью,
Ты тронула бы меньше.

ОФЕЛИЯ

Надо петь: «Да, да, да!»
Так поется всегда.

Ах, как прятка к этому идет! Это лживый дворецкий, который похитил дочь у своего хозяина.

ЛАЭРТ. Бред полноценней смысла.

ОФЕЛИЯ. Вот розмарин, это для воспоминания. Прошу вас, милый, помните. А вот троицын цвет, это для дум.

ЛАЭРТ. Поучительность в безумии: думы в лад воспоминанию.

ОФЕЛИЯ. Вот укроп для вас и голубки, вот рута для вас; и для меня тоже; ее зовут травой благодати, воскресной травой. О, вы должны носить вашу руту с отличием! Вот маргаритка! Я бы вам дала фиалок, но они все увяли, когда умер мой отец. Говорят, он умер хорошо.

(Поет.)

Веселый мой Робин мне всех милей.

ЛАЭРТ

Скорбь и печаль, страданье, самый ад

Она в красу и прелесть превращает!

ОФЕЛИЯ *(поет)*

И он не вернется к нам?

И он не вернется к нам?

Нет, его уж нет,

Он покинул свет,

Вовек не вернется к нам.

Его борода — как снег,

Его голова — как лен,

Он уснул в гробу,

Полно клясть судьбу.

В раю да воскреснет он!

И все христианские души, я молю бога. — Да будет с вами бог! *(Уходит.)*

ЛАЭРТ

Вы видите? О боже мой!

КОРОЛЬ

Лаэрт,

Дай мне поговорить с твоей печалью,

Я это вправе требовать. Пойдем,

Сбери мудрейших из твоих друзей,

И пусть они рассудят нас с тобою.

Когда они сочтут, что мы иль прямо,

Иль косвенно задеты, мы уступим

Венец, державу, жизнь и все, что наше,

Тебе во искупление. Если ж нет,

То согласись нас одолжить терпением,

И мы найдем с твоей душой совместно,

Чем утолить ее.

ЛАЭРТ

Пусть будет так,

Его кончина, тайна похорон,

Где меч и герб костей не осеняли,
Без пышности, без должного обряда,
Взывают громко от небес к земле,
Да будет суд.

КОРОЛЬ

Так, он покончит спор,
И, где вина, там упадет топор.
Прошу, идем со мной.

Уходят.

СЦЕНА 6

Другая комната в замке.
Входят Горацио и слуга.

ГОРАЦИО

Кто это хочет говорить со мной?

СЛУГА

Какие-то матросы; и у них
Есть к вам письмо.

ГОРАЦИО

Пускай они войдут.

Слуга уходит.

Не знаю, кто бы мог на целом свете
Прислать мне вдруг привет, как не принц Гамлет.

Входят моряки.

ПЕРВЫЙ МОРЯК

Благослови вас бог, сударь.

ГОРАЦИО

Пусть и тебя благословит.

ПЕРВЫЙ МОРЯК. Он и благословит, сударь, коли ему
угодно будет. Тут вам письмо, сударь,— оно от посла, который
отправлялся в Англию,— если только вас зовут Горацио, как
мне сказали.

ГОРАЦИО (*читает*). «Горацио, когда ты это прочтешь,
устрой этим людям доступ к королю: у них есть письма к нему.
Мы и двух дней не пробыли в море, как за нами погнался
весьма воинственно снаряженный пират. Видя, что у нас слиш-
ком малый ход, мы поневоле облеклись храбростью, и во

время схватки я перескочил к ним; в тот же миг они отвалили от нашего судна; таким образом, я один очутился у них в плену. Они обошлись со мною как милосердные разбойники. Но они знали, что делают: я должен сослужить им службу. Позаботься, чтобы король получил письма, которые я послал, и отправляйся ко мне с такой же поспешностью, как если бы ты бежал от смерти. Мне надо сказать тебе на ухо слова, от которых ты онемеешь; и все же они слишком легковесны для дела такого калибра. Эти добрые люди доставят тебя туда, где я сейчас. Розенкранц и Гильденстерн держат путь в Англию; про них я тебе многое должен рассказать. Будь здоров. Тот, о ком ты знаешь, что он твой, Гамлет».

Идем, вы отдадите ваши письма;
Да поспешите, чтоб меня свезти
К тому, кто вам их дал.

Уходят.

СЦЕНА 7

Другая комната в замке.
Входят король и Лаэрт.

КОРОЛЬ

Теперь, мое скрепляя оправдание,
Ты должен в сердце взять меня как друга,
Затем что сам разумным ухом слышал,
Как тот, кем умерщвлен был твой отец,
Грозил и мне.

ЛАЭРТ

Нет спора. Но скажите,
Зачем вы не преследовали этих
Столь незаконных и преступных действий,
Как требуют того благоразумье
И безопасность?

КОРОЛЬ

О, по двум причинам,
По-твоему, быть может, очень слабым,
Но мощным для меня. Мать, королева,
Живет его лишь взором; я же сам —
Заслуга ль то иль бедствие, не знаю —
Так связан с нею жизнью и душой,

Что, как звезда в своем лишь ходит круге,
Я с ней во всем. Другое основание
Не прибегать к открытому разбору —
Любовь к нему простой толпы; она,
Его вину топя в своем пристрастие,
Как тот родник, где ветви каменеют,
Его оковы обратит в узор;
И, слишком легкие в столь шумном ветре,
Вернутся к луку пущенные стрелы,
Не долетев туда, куда я метил.

ЛАЭРТ

Итак, погиб отец мой благородный,
В мрак безнадежный ввержена сестра,
Чьи совершенства — если может вспять
Идти хвала — бросали вызов веку
С высот своих. Но месть моя придет.

КОРОЛЬ

Спи без тревог; мы не настолько тупы,
Чтобы, когда опасность нас хватает
За бороду, считать, что это вздор.
Ждать новостей недолго. Твой отец
Был дорог мне; себе же всякий дорог;
И, я надеюсь, ты рассудишь сам...

Входит гонец с письмами.

В чем дело?

ГОНЕЦ

Письма, государь, от принца;

Одно для вас, другое — королеве.

КОРОЛЬ

От принца? Кто принес их?

ГОНЕЦ

Моряки

Как будто, государь; я сам не видел,
Мне дал их Клавдио; он получил их
От тех, кто их принес.

КОРОЛЬ

Лаэрт, ты слушай.—

(Гонцу.)

Оставь нас.

Гонец уходит.

(Читает.) «Высокодержавный! Да будет вам известно, что я высажен нагим в вашем королевстве. Завтра я буду ходатайствовать о дозволении увидеть ваши королевские очи, и тогда, предварительно испросив на то ваше согласие, я изложу обстоятельства моего внезапного и еще более странного возвращения. Гамлет».

Что это значит? Или все вернулись?

Иль здесь обман и это все не так?

ЛАЭРТ

Вы узнаете руку?

КОРОЛЬ

То почерк принца Гамлета. «Нагим»!

А здесь, в приписке, сказано: «один»!

Ты можешь объяснить?

ЛАЭРТ

Я сам теряюсь. Но пускай придет;

Мне согревает горестную душу,

Что я могу сказать ему в лицо:

«То сделал ты».

КОРОЛЬ

Раз это так, Лаэрт

(Хоть как же так? А впрочем, что ж другого?),

Дай мне вести тебя.

ЛАЭРТ

Да, государь,

Но только если ваша цель — не мир.

КОРОЛЬ

Мир для тебя. Раз он теперь вернулся,

Прервав свой путь, и продолжать его

Не хочет больше, я его толкну

На подвиг, в мыслях у меня созревший,

В котором он наверно падет,

И смерть его не шелохнет упрека;

Здесь даже мать не умысел увидит,

А просто случай.

ЛАЭРТ

Государь, я с вами;

Особенно когда бы вы избрали

Меня своим орудьем.

КОРОЛЬ

Так и будет.

Тебя заочно здесь превозносили
При Гамлете за качество, которым
Ты будто блещешь; все твои дары
В нем зависти такой не пробудили,
Как этот дар, по-моему, не первый
По важности.

ЛАЭРТ

Какой же это дар?

КОРОЛЬ

На шляпе юности он только лента,
Хоть нужная; ведь юности к лицу
Беспечная и легкая одежда,
Как зрелым летам — сукна и меха
С их строгой величавостью. Здесь был
Тому два месяца один нормандец;
Я видел сам и воевал французом;
Им конь — ничто; но этот молодец
Был прямо чародей; к седлу припаян,
Он чудеса с конем творил такие,
Как будто сам наполовину сросся
С прекрасным зверем. Все, что мог я в мыслях
Вообразить по части ловкой прыти,
Он превзошел.

ЛАЭРТ

И это был нормандец?

КОРОЛЬ

Нормандец.

ЛАЭРТ

Ручаюсь головой, Ламонд.

КОРОЛЬ

Он самый.

ЛАЭРТ

Я с ним знаком; то в самом деле перл
И украшение всего народа.

КОРОЛЬ

Он о тебе признался
И дал такой блистательный отчет
В твоём искусстве мастерской защиты,
Особенно рапирой, что воскликнул:
То было бы невиданное дело —
С тобой сравняться в силе; их бойцы

Теряют, мол, глаз, и отпор, и натиск,
Когда ты бьешься с ними. Этот отзыв
Такую зависть в Гамлете разлил,
Что он лишь одного просил и жаждал:
Чтоб ты вернулся и сразился с ним.
Отсюда...

ЛАЭРТ

Что отсюда, государь?

КОРОЛЬ

Лаэрт, тебе был дорог твой отец?
Иль, может, ты, как живопись печали,
Лик без души?

ЛАЭРТ

К чему такой вопрос?

КОРОЛЬ

Не стану спорить: ты любил отца;
Но, знаю сам, любовью правит время,
И вижу на свидетельстве примеров,
Как временем огонь ее притушен.
Таится в самом пламени любви
Как бы нагар, которым он глушится;
Равно благим ничто не пребывает,
И благость, дорастя до полноты,
От изобилья гибнет; делать надо,
Пока есть воля; потому что воля
Изменчива, и ей помех не меньше,
Чем случаев, и языков, и рук,
И «надо» может стать как трудный вздох,
Целящий с болью. Но коснемся язвы:
Принц возвратился; чем же ты докажешь,
Что ты и впрямь сын твоего отца?

ЛАЭРТ

Ему я в церкви перережу горло.

КОРОЛЬ

Да, для убийства нет святой защиты,
И месть преград не знает. Но, Лаэрт,
Чтоб так случилось, оставайся дома.
Принц, возвратясь, узнает, что ты здесь,
Мы примемся хвалить твое искусство
И славу, данную тебе французом,
Покроем новым лоском. Мы сведем вас

И выставим заклады; он, беспечный,
Великодушный, чуждый всяким козням,
Смотреть не станет шпаг, и ты легко
Иль с небольшой уловкой можешь выбрать
Наточенный клинок и, метко выпав,
Ему отплатишь за отца.

ЛАЭРТ

Согласен;

И я при этом смажу мой клинок.
У знахаря купил я как-то мазь
Столь смертную, что если нож смочить в ней
И кровь пустить, то нет такой припарки
Из самых редких трав во всей подлунной,
Чтобы спасти того, кто оцарапан.
Я этим ядом трону лезвеё,
И если я хоть чуть задену принца,
То это смерть.

КОРОЛЬ

Все это надо взвесить:

Когда и как мы действовать должны.
Коль так не выйдет и затея наша
Проглянет сквозь неловкую игру,
Нельзя и начинать. Наш замысел надо
Скрепить другим, который устоял бы,
Коли взорвется этот.— Дай подумать!..
За вас мы будем биться об заклад...
Нашел:
Когда в движенье вы разгорячитесь—
Для этого ты выпадай смелей—
И он попросит пить, то будет кубок
Готов заранее; чуть он пригубит,
Хотя б он избежал отравной раны,—
Все будет кончено... Стой, что за шум?

Входит королева.

А, королева!

КОРОЛЕВА

Идет за горем горе по пятам,
Спеша на смену. Утонула ваша
Сестра, Лаэрт.

ЛАЭРТ

Как! Утонула? Где?

КОРОЛЕВА

Есть ива над потоком, что склоняет
 Седые листья к зеркалу волны;
 Туда она пришла, сплетя в гирлянды
 Крапиву, лютик, ирис, орхидеи,—
 У вольных пастухов грубей их кличка
 Для скромных дев они — персты умерших;
 Она старалась по ветвям развесить
 Свои венки; коварный сук сломался,
 И травы и она сама упали
 В рыдающий поток. Ее одежды,
 Раскинувшись, несли ее, как нимфу;
 Она меж тем обрывки песен пела,
 Как если бы не чуяла беды
 Или была созданием, рожденным
 В стихии вод; так длиться не могло,
 И одеянья, тяжело упившись,
 Несчастную от звуков увлекли
 В трясину смерти.

ЛАЭРТ

Значит, утонула!

КОРОЛЕВА

Да, утонула, утонула.

ЛАЭРТ

Офелия, тебе довольно влаги,
 И слезы я сдержу; однако все же
 Мы таковы; природа чтит обычай
 Назло стыду; излив печаль, я стану
 Опять мужчиной.— Государь, прощайте.
 Я полон жгучих слов, но плач мой глупый
 Их погасил.

(Уходит.)

КОРОЛЬ

Идем за ним, Гертруда.

С каким трудом я укротил в нем ярость!
 Теперь, боюсь, она возникнет вновь.
 Идем за ним.

Уходят.

АКТ V

СЦЕНА I

Кладбище.

Входят два могильщика с заступами и прочим.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Разве такую можно погребать христианским погребением, которая самочинно ищет своего же спасения?

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Я тебе говорю, что можно, и потому копай ей могилу живее. Следовательно рассматривал и признал христианское погребение.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Как же это может быть, если она утопилась не в самозащите?

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Да так уж признали.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Требуется необходимое нападение, иначе нельзя. Ибо в этом вся суть: ежели я топлюсь умышленно, то это доказывает действие, а всякое действие имеет три статьи: действие, поступок и совершение; отсюда эрго: она утопилась умышленно.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Нет, ты послушай, господин копатель...

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. погоди. Вот здесь тебе вода. Хорошо. Вот здесь тебе человек. Хорошо. Ежели человек идет к этой воде и топится, то хочет не хочет, а он идет; замечь себе это. Но ежели вода идет к нему и топит его, то он не топится. Отсюда эрго: кто неповинен в своей смерти, тот своей жизни не сокращает.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. И это такой закон?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Вот именно; уголовный закон.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Хочешь знать правду? Не будь она знатная дама, ее бы не хоронили христианским погребением.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. То-то оно и есть. И очень жаль, что знатные люди имеют на этом свете больше власти топиться и вешаться, чем их братья христиане.— Ну-ка, мой заступ. Нет стариннее дворян, чем садовники, землекопы и могильщики; они продолжают ремесло Адама*.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. А он был дворянин?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Он первый из всех ходил вооруженный.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Да у него не было оружия.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Да ты кто? Язычник, что ли? Как ты понимаешь Писание? В Писании сказано: «Адам копал». Как бы он копал, ничем для этого не вооружась? Я тебе еще вопрос задам; если ты ответишь невпопад, то покайся...

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Ну, валяй.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Кто строит прочнее каменщика, судостроителя и плотника?

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Виселичный мастер; потому что это сооружение переживет тысячу постояльцев.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Твое словцо мне нравится, скажу по правде. Виселица — это хорошо. Но только как это хорошо? Это хорошо для тех, кто поступает дурно; а ты вот поступаешь дурно, говоря, что виселица построена прочнее, нежели церковь; отсюда эрго: виселица была бы хороша для тебя. Ну-ка, начинай сначала.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Кто прочнее строит, чем каменщик, судостроитель и плотник?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Да, скажи, и можешь гулять.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. А вот могу сказать.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Ну-ка!

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Нет, черт, не могу.

Входят Гамлет и Горацио, поодаль.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Не домай себе над этим мозги; потому что глупый осел от колотушек скорей не пойдет, а ежели тебе в другой раз зададут такой вопрос, скажи «могильщик»: дома, которые он строит, простоят до судного дня. Вот что, сходи-ка к Йогену, принеси мне склянницу водки.

Второй могильщик уходит.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК *(копает и поет)*

В дни молодой любви, любви,

Я думал — милей всего

Коротать часы — ох! — с огнем — ух! — в крови,

Я думал — нет ничего.

ГАМЛЕТ. Или этот молодец не чувствует, чем он занят, что он поет, роя могилу?

ГОРАЦИО. Привычка превратила это для него в самое простое дело.

ГАМЛЕТ. Так всегда: рука, которая мало трудится, всего чувствительнее.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК *(поет)*

Но старость, крадучись, как вор,

Взяла своей рукой

И увезла меня в страну,

Как будто я не был такой.

(Выбрасывает череп.)

ГАМЛЕТ. У этого черепа был язык, и он мог петь когда-то; а этот мужик швыряет его оземь, словно это Каннова челюсть, того, что совершил первое убийство! Может быть, это башка какого-нибудь политика, которую вот этот осел теперь перехитрил; человека, который готов был провести самого господа бога,— разве нет?

ГОРАЦИО. Возможно, принц.

ГАМЛЕТ. Или придворного, который говорил: «Доброе утро, дражайший государь мой! Как вы себя чувствуете, все-милостивейший государь мой?» Быть может, это государь мой Такой-то, который хвалил лошадь государя моего Такого-то, рассчитывая ее выпросить,— разве нет?

ГОРАЦИО. Да мой принц.

ГАМЛЕТ. Вот именно. А теперь это—государыня моя Гниль, без челюсти, и ее стучает по крышке заступ могильщика. Вот замечательное превращение, если бы только мы обладали способностью его видеть! Разве так дешево стоило вскормить эти кости, что только и остается играть ими в рюхи? Моим костям больно от такой мысли.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК *(поет)*

Лопата и кирка, кирка,

И саван бел, как снег;

Ах, довольно яма глубока,

Чтоб гостю был ночлег.

(Выбрасывает еще череп.)

ГАМЛЕТ. Вот еще один. Почему бы ему не быть черепом какого-нибудь законоведа? Где теперь его крючки и каверзы, его казусы, его кляузы и тонкости? Почему теперь он позволяет этому грубому мужику хлопнуть его грязной лопатой по затылку и не грозитя привлечь его за оскорбление действием? Хм! Быть может, в свое время этот молодец был крупным скупщиком земель, со всякими закладными, обязательствами, купчими, двойными поручительствами и взысканиями. Неужели

все его купчие и взыскания только к тому и привели, что его землевладельческая башка набита грязной землей? Неужели все его поручительства, даже двойные, только и обеспечили ему из всех его приобретений что длину и ширину двух рукописных крепостей? Даже его земельные акты вряд ли уместились бы в этом ящике; а сам обладатель только это и получил?

ГОРАЦИО. Ровно столько, мой принц.

ГАМЛЕТ. Ведь пергамент выделывают из бараньей кожи?

ГОРАЦИО. Да, мой принц, и из телячьей также.

ГАМЛЕТ. Бараны и телята — те, кто ищет в этом обеспечении. Я поговорю с этим малым. — Чья это могила, любезный?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Моя, сударь.

(Поет.)

Ах, довольно яма глубока,

Чтоб гостю был ночлег.

ГАМЛЕТ. Разумеется, твоя, раз ты в ней путаешься.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Вы, сударь, путаетесь не в ней, так, значит, она не ваша; что до меня, то я в ней не путаюсь, и все-таки она моя.

ГАМЛЕТ. Ты в ней путаешься, потому что ты стоишь в ней и говоришь, что она твоя. Она для мертвых, а не для живых; значит, ты путаешься.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Это, сударь, путаница живая; она возьмет и перескочит от меня к вам.

ГАМЛЕТ. Для какого христианина ты ее роешь?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Ни для какого, сударь.

ГАМЛЕТ. Ну, так для какой христианки?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Тоже ни для какой.

ГАМЛЕТ. Кого в ней похоронят?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Того, кто был когда-то христианкой, сударь; но она — упокой, боже, ее душу — умерла.

ГАМЛЕТ. До чего точен этот плут! Приходится говорить осмотрительно, а не то мы погибнем от двусмысленности. Ей-богу, Горацио, за эти три года я заметил: все стали до того остры, что мужик носком задевает пятки придворному и берет ему болячки. — Как давно ты могильщиком?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Из всех дней в году я начал в тот самый день, когда покойный король наш Гамлет одолел Фортинбраса.

ГАМЛЕТ. Как давно это было?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. А вы сами сказать не можете?

Это всякий дурак может сказать; это было в тот самый день, когда родился молодой Гамлет, тот, что сошел с ума и послан в Англию.

ГАМЛЕТ. Вот как! Почему же его послали в Англию?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Да потому, что он сошел с ума; там он придет в рассудок; а если и не придет, так там это неважно.

ГАМЛЕТ. Почему?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Там в нем этого не заметят: там все такие же сумасшедшие, как он сам.

ГАМЛЕТ. Как же он сошел с ума?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Очень странно, говорят.

ГАМЛЕТ. Как так «странно»?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Да именно так, что лишился рассудка.

ГАМЛЕТ. На какой почве?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Да здесь же, в Дании; я здесь могильщиком с молодых годов, вот уж тридцать лет.

ГАМЛЕТ. Сколько времени человек пролежит в земле, пока не сгниет?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Да что ж, если он не сгнил раньше смерти — ведь нынче много таких гнилых покойников, которые и похороны едва выдерживают, — так он вам протянет лет восемь, а то и девять лет. Кожевник, тот вам протянет девять лет.

ГАМЛЕТ. Почему же он дольше остальных?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Да шкура у него, сударь, от ремесла такая дубленая, что долго не пропускает воду; а вода, сударь, великий разрушитель для такого собачьего мертвеца. Вот еще череп; этот череп пролежал в земле двадцать лет и три года.

ГАМЛЕТ. Чей же это?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Сумасброда одного собачьего. По-вашему, это чей?

ГАМЛЕТ. Право, не знаю.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Чума его разнеси, шалопаз сумасбродного! Он мне однажды бутылку рейнского на голову вылил. Вот этот самый череп, сударь, это — череп Йорика, королевского шута.

ГАМЛЕТ. Этот?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Этот самый.

ГАМЛЕТ. Покажи мне. (*Берет череп.*) Увы, бедный Йорик! Я знал его, Горацио. Человек бесконечно остроумный, чудеснейший выдумщик; он тысячу раз носил меня на спине; а теперь — как отвратительно мне это себе представить! У меня к горлу подступает при одной мысли. Здесь были эти губы, которые я целовал сам не знаю сколько раз. — Где теперь твои шутки? Твои дурачества? Твои песни? Твои вспышки веселья, от которых всякий раз хохотал весь стол? Ничего не осталось, чтобы подтрунить над собственной ужимкой? Совсем отвисла челюсть? Ступай теперь в комнату к какой-нибудь даме и скажи ей, что, хотя бы она нарядилась на целый дюйм, она все равно кончит таким лицом; посмеши ее этим. — Прошу тебя, Горацио, скажи мне одну вещь.

ГОРАЦИО. Какую, мой принц?

ГАМЛЕТ. Как ты думаешь, у Александра* был вот такой же вид в земле?

ГОРАЦИО. Точно такой.

ГАМЛЕТ. И он так же пахнул? Фу! (*Кладет череп наземь.*)

ГОРАЦИО. Совершенно так же, мой принц.

ГАМЛЕТ. На какую изменную потребу можем мы пойти, Горацио! Почему бы воображению не проследить благородный прах Александра, пока оно не найдет его затыкающим бочечную дыру?

ГОРАЦИО. Рассматривать так — значило бы рассматривать слишком пристально.

ГАМЛЕТ. Нет, право же, ничуть; это значило бы следовать за ним с должной скромностью и притом руководясь вероятностью. Например, так: Александр умер, Александра похоронили, Александр превращается в прах; прах есть земля; из земли делают глину; и почему этой глиной, в которую он обратился, не могут заткнуть пивную бочку?

Державный цезарь, обращенный в тлен,

Пошел, быть может, на обмазку стен.

Персть, целый мир страшившая вокруг,

Латает щели против зимних выюг!..

Но тише! Отойдем! Идет король!

Входят священники и прочие процессией; тело Офелии, следом Лаэрт и провожающие, король, королева, их свита и прочие.

С ним королева, двор. Кого хоронят?

И так не по обряду? Видно, тот,

Кого несут, отчаянной рукой
Сам жизнь свою разрушил. Кто-то знатный.
Посмотрим издали.

(Отходит в сторону вместе с Горацио.)

ЛАЭРТ

Какой еще обряд, скажите?

ГАМЛЕТ

Это

Лаэрт, достойный юноша; смотри.

ЛАЭРТ

Какой еще обряд?

ПЕРВЫЙ СВЯЩЕННИК

Чин погребенья был расширен нами
Насколько можно; смерть ее темна;
Не будь устав преодолен столь властно,
Она ждала бы в несвятой земле
Трубы суда: взамен молитвословий
Ей черепки кидали бы и камни;
А ей даны невестины венки,
И россыпи девических цветов,
И звон, и проводы.

ЛАЭРТ

И это все, что можно?

ПЕРВЫЙ СВЯЩЕННИК

Все, что можно;

Мы осквернили бы святой обряд,
Спев реквием над ней, как над душою,
Отшедшей с миром.

ЛАЭРТ

Опускайте гроб.

И пусть из этой непорочной плоти
Взрастут фиалки! — Слушай, черствый пастырь,
Моя сестра творца величить будет,
Когда ты в муке взвоешь.

ГАМЛЕТ

Как! Офелия!

КОРОЛЕВА *(бросая цветы)*

Красивые — красивой. Спи, дитя!
Я думала назвать тебя невесткой
И брачную постель твою убрать,
А не могилу.

ЛАЭРТ

Тридцать бед трехкратных
 Да поразят проклятую главу
 Того, кто у тебя злодейски отнял
 Высокий разум! — Придержите землю,
 В последний раз обнять ее хочу.

(Соскакивает в могилу.)

Теперь засыпьте мертвую с живым
 Так, чтобы выросла гора, превысив
 И Пелион* и синего Олимпа*
 Небесное чело.

ГАМЛЕТ *(выступая вперед)*

Кто тот, чье горе
 Так выразительно, чья скорбь взывает
 К блуждающим светилам, и они,
 Остановясь, внимают с изумленьем?
 Я, Гамлет Датчанин.

(Соскакивает в могилу.)

ЛАЭРТ

Иди ты к черту!

(Схватывается с ним.)

ГАМЛЕТ

Плоха твоя молитва.
 Прошу тебя, освободи мне горло;
 Хоть я не желчен и не опрометчив,
 Но нечто есть опасное во мне,
 Чего мудрей стеречься. Руки прочь!

КОРОЛЬ

Разнять их!

КОРОЛЕВА

Гамлет, Гамлет!

ВСЕ

Господа!..

ГОРАЦИО

Принц, успокойтесь.

Приближенные разнимают их, и они выходят из могилы.

ГАМЛЕТ

Да, я за это биться с ним готов,
 Пока навек ресницы не сомкнутся.

КОРОЛЕВА

За что же это, сын мой?

ГАМЛЕТ

Ее любил я; сорок тысяч братьев
Всем множеством своей любви со мною
Не уравнились бы.— Что для нее
Ты сделаешь?

КОРОЛЬ

Лаэрт, ведь он безумен.

КОРОЛЕВА

Оставьте, ради бога!

ГАМЛЕТ

Нет, покажи мне, что готов ты сделать:
Рыдать? Терзаться? Биться? Голодать?
Напиться уксусу? Съесть крокодила?*
Я тоже. Ты пришел сюда, чтоб хныкать?
Чтоб мне назло в могилу соскочить?
Заройся с нею заживо,— я тоже.
Ты пел про горы; пусть на нас навалят
Мильоны десятин, чтоб эта глыба
Спалила темя в знойной зоне, Оссу*
Сравнив с прыщом! Нет, если хочешь хвастать,
Я хвастаю не хуже.

КОРОЛЕВА

Это бред;

Как только этот приступ отбушует,
В нем тотчас же спокойно, как голубка
Над золотой четой птенцов, поникнет
Крылами тишина.

ГАМЛЕТ

Скажите, сударь,
Зачем вы так обходитесь со мной?
Я вас всегда любил.— Но все равно,
Хотя бы Геркулес весь мир разнес,
А кот мяучит и гуляет пес.

(Уходит.)

КОРОЛЬ

Горацно, прошу, ступай за ним.

Горацно уходит.

(Лаэрту.)

Будь терпелив и помни о вчерашнем,
Мы двинем дело к быстрому концу.—
Гертруда, пусть за принцем последит.—
Здесь мы живое водрузим надгробье,
Тогда и нам спокойный будет час;
Пока терпенье — лучшее для нас.

Уходят.

СЦЕНА 2

Зала в замке.

Входят Гамлет и Горацио.

ГАМЛЕТ

Об этом хватит; перейдем к другому.
Ты помнишь ли, как это было все?

ГОРАЦИО

Принц, как не помнить!

ГАМЛЕТ

В моей душе как будто шла борьба,
Мешавшая мне спать; лежать мне было
Тяжеле, чем колоднику. Внезапно,—
Хвала внезапности: нас безрассудство
Иной раз выручает там, где гибнет
Глубокий замысел; то божество
Намерения наши довершает,
Хотя бы ум наметил и не так...

ГОРАЦИО

Вот именно.

ГАМЛЕТ

Накинув мой бушлат,
Я вышел из каюты и в потемках
Стал пробираться к ним. Я разыскал их,
Стащил у них письмо и воротился
К себе опять. И был настолько дерзок—
Приличий страх не ведает,— что вскрыл
Высокое посланье. В нем, Горацио,—
О царственная подлость! — был приказ,
Весь уснащенный доводами пользы
Как датской, так и английской державы,
В котором так моей страдали жизнью,

Что тотчас по прочтенье, без задержки,
Не посмотрев, наточен ли топор,
Мне прочь снесли бы голову.

ГОРАЦИО

Возможно ль?

ГАМЛЕТ

Посланье вот; прочти в досужий час.
Но хочешь знать, что сделал я затем?

ГОРАЦИО

О да, прошу вас.

ГАМЛЕТ

Итак, кругом опутан негодяйством,—
Мой ум не сочинил еще пролога,
Как приступил к игре,— я сел, составил
Другой приказ; переписал красиво;
Когда-то я считал, как наша знать,
Стыдом писать красиво и старался
Забуть искусство это, но теперь
Оно мне удружило. Хочешь знать,
Что написал я?

ГОРАЦИО

Да, мой добрый принц.

ГАМЛЕТ

От короля торжественный призыв,—
Зане ему Британец верный данник,
Меж нами цвезть, зане в венке пшеничном
Соединить их дружбу должен мир,
И много всяких выпренних «зане»,—
Увидев и прочтя сие посланье,
Не размышляя много или мало,
Подателей немедля умертвить,
Не дав и помолиться.

ГОРАЦИО

А печать?

ГАМЛЕТ

Мне даже в этом помогало небо.
Со мной была отцовская печатка,
Печати датской точный образец;
Сложив письмо, как то, я подписал,
Скрепил его и водворил обратно
Неузнанным подкидышем. Наутро

Случился этот бой. Что было дальше,
Тебе известно.

ГОРАЦИО

А Гильденстерн и Розенкранц плывут.

ГАМЛЕТ

Что ж, им была по сердцу эта должность;
Они мне совесть не гнетут; их гибель
Их собственным вторженьем рождена.
Ничтожному опасно попадаться
Меж выпадов и пламенных клинков
Могучих недругов.

ГОРАЦИО

Ну и король!

ГАМЛЕТ

Не долг ли мой — тому, кто погубил
Честь матери моей и жизнь отца,
Стал меж избраньем и моей надеждой,
С таким коварством удочку закинул
Мне самому, — не правое ли дело
Воздать ему вот этою рукой?
И не проклятье ль — этому червю
Давать кормиться нашею природой?

ГОРАЦИО

Он должен скоро получить из Англии
Известие о положение дел.

ГАМЛЕТ

Должно быть, скоро; промежуток мой;
Жизнь человека — это молвить: «Раз».
Но я весьма жалею, друг Горацио,
Что я с Лаэртом позабыл себя;
В моей судьбе я вижу отражение
Его судьбы. Я буду с ним мириться;
Но, право же, своим кичливым горем
Меня взбесил он.

ГОРАЦИО

Тише! Кто идет?

Входит Озрик.

ОЗРИК. Приветствую вас, принц, с возвратом в Данию.

ГАМЛЕТ. Покорно благодарю вас, сударь мой. — Ты знаешь
эту мошку?

ГОРАЦИО. Нет, мой добрый принц.

ГАМЛЕТ. Тем большая на тебе благодать, потому что знать его есть порок. У него много земли, и плодородной; если скот владеет скотиной, то его ясли всегда будут стоять у королевского стола; это скворец, но, как я сказал, пространный во владении грязью.

ОЗРИК. Милейший принц, если бы у вашего высочества был досуг, я бы передал ему кое-что от имени его величества.

ГАМЛЕТ. Я это восприму, сударь мой, со всем усердием разума. Сделайте из вашей шляпы должное употребление: она для головы.

ОЗРИК. Благодарю, ваше высочество, очень жарко.

ГАМЛЕТ. Да нет же, поверьте мне, очень холодно: ветер с севера.

ОЗРИК. Действительно, мой принц, скорее холодно.

ГАМЛЕТ. И все-таки, по-моему, очень душно и жарко для моей комплекции.

ОЗРИК. Чрезвычайно, мой принц; так душно, как будто... Не могу даже сказать. Но, мой принц, его величество повелело мне уведомить вас, что оно поставило на вас большой заклад. Дело в том, принц...

ГАМЛЕТ. Я вас прошу, помните... *(Понуждает его надеть шляпу.)*

ОЗРИК. Право же, мой добрый принц, мне так удобнее, честное слово! Принц, здесь недавно ко двору прибыл Лазрт. Поверьте мне, совершеннейший дворянин, преисполненный самых отменных отличий, весьма мягкий обхождением и видной внешности. Поистине, если говорить о нем проникновенно, то это карта или календарь благородства, ибо вы найдете в нем совмещение всех тех статей, какие желал бы видеть дворянин.

ГАМЛЕТ. Сударь мой, его определение не претерпевает в вас ни малейшего ущерба. Хотя, я знаю, разделяя его перечислительно, арифметика памяти запуталась бы, да и то мы бы только виляли вдогонку в рассуждении его быстрого хода. Но, в правдивости хвалы, я почитаю его душою великой сущности, а его наделенность столь драгоценной и редкостной, что, применяя к нему истинное выражение, его подобием является лишь его зеркало, а кто захотел бы ему следовать — его тенью, не более.

ОЗРИК. Ваше высочество говорит о нем весьма непогрешимо.

ГАМЛЕТ. Но касательно, сударь мой? Ради чего мы обволакиваем этого дворянина нашим грубым дыханием?

ОЗРИК. Принц?

ГОРАЦИО. Или в чужих устах вы уже не понимаете? Да нет же, сударь, полноте.

ГАМЛЕТ. Что знаменует упоминание об этом дворянине?

ОЗРИК. О Лаэрте?

ГОРАЦИО (*тихо, Гамлету*). Его кошелек уже пуст. Все золотые слова истрачены.

ГАМЛЕТ. О нем, сударь мой.

ОЗРИК. Я знаю, что вы не лишены осведомленности...

ГАМЛЕТ. Я надеюсь, что вы это знаете; хотя, по правде говоря, если вы это и знаете, то это еще не очень меня превозносит. Итак, сударь мой?

ОЗРИК. Вы не лишены осведомленности о том, каково совершенство Лаэрта.

ГАМЛЕТ. Я не решаюсь в этом сознаться, чтобы мне не пришлось притязать на равное с ним совершенство; знать кого-нибудь вполне — это было бы знать самого себя.

ОЗРИК. Принц, я имею в виду оружие; по общему суждению, в этом искусстве он не ведает соперников.

ГАМЛЕТ. Его оружие какое?

ОЗРИК. Рапира и кинжал.

ГАМЛЕТ. Это его оружие. Ну так что?

ОЗРИК. Мой принц, король поставил против него в заклад шесть берберийских коней, взамен чего тот выставил, насколько я знаю, шесть французских рапир и кинжалов с их принадлежностями, как-то: пояс, портупей и прочее; три из этих сбруй, честное слово, весьма тонкого вкуса, весьма ответствуют рукоятям — чрезвычайно изящные сбруи и очень приятного измышления.

ГАМЛЕТ. Что вы называете сбруями?

ГОРАЦИО (*тихо, Гамлету*). Я так и знал, что вам еще придется заглянуть в примечания.

ОЗРИК. Сбруи, мой принц, это портупей.

ГАМЛЕТ. Это слово было бы скорее сродни предмету, если бы мы на себе таскали пушку, а пока пусть это будут портупей. Но дальше. Шесть берберийских коней против шести французских шпаг, их принадлежностей и трех приятно измышленных

сбруй — таков французский заклад против датского. Ради чего он «выставлен», как вы это называете?

ОЗРИК. Король, мой принц, поспорил, мой принц, что в двенадцать ваших схваток с ним он не опередит вас больше чем на три удара; он ставит двенадцать против девяти; и может последовать немедленное состязание, если ваше высочество соблаговолит дать ответ.

ГАМЛЕТ. А если я отвечу «нет»?

ОЗРИК. Я хочу сказать, мой принц, если вы соблаговолите лично выступить в состязании.

ГАМЛЕТ. Сударь, я буду гулять в этой палате. Если его величеству угодно, это мое ежедневное время отдыха. Пусть принесут рапиры; буде этому господину охота и буде король остается при своем намерении, я для него выиграю, если смогу; если нет, мне достанутся только стыд и лишние удары.

ОЗРИК. Могу передать именно так?

ГАМЛЕТ. В таком смысле, сударь мой, с теми приукрашениями, какие вам будут по вкусу.

ОЗРИК. Препоручаю мою преданность вашему высочеству.

ГАМЛЕТ. Весь ваш, весь ваш.

Озрик уходит.

Он хорошо делает, что препоручает себя сам: ничей язык не сделал бы этого за него.

ГОРАЦИО. Побегала пигалица со скорлупкой на макушке*.

ГАМЛЕТ. Он любезничал с материнской грудью, прежде чем ее пососать. Таким вот образом, как и многие другие из этой же стаи, которых, я знаю, обожает наш пустой век, он перенял всего лишь современную погудку и внешние приемы обхождения; некую пеннистую смесь, с помощью которой они выражают самые нелепые и вымученные мысли; а стоит на них дунуть ради опыта — пузырей и нет.

Входит вельможа.

ВЕЛЬМОЖА. Принц, его величество приветствовал вас через молодого Озрика, и тот принес ответ, что вы его дожидаетесь в этой палате. Он шлет узнать, остаетесь ли вы при желании состязаться с Лаэртом или же вы предпочли бы по-временить.

ГАМЛЕТ. Я постоянен в своих решениях; они совпадают с желаниями короля. Если это ему удобно, то я готов. Сейчас или когда угодно, лишь бы я был так же расположен, как сейчас.

ВЕЛЬМОЖА. Король и королева и все сойдут сюда.

ГАМЛЕТ. В добрый час.

ВЕЛЬМОЖА. Королева желает, чтобы вы как-либо радушно обошлись с Лаэртом, прежде чем начать состязание.

ГАМЛЕТ. Это добрый совет.

Вельможа уходит.

ГОРАЦИО. Вы проиграете этот заклад, мой принц.

ГАМЛЕТ. Я не думаю. С тех пор как он уехал во Францию, я не переставал упражняться: при лишних очках я выиграю. Но ты не можешь себе представить, какая тяжесть здесь у меня на сердце. Но это все равно.

ГОРАЦИО. Нет, дорогой мой принц...

ГАМЛЕТ. Это, конечно, глупости, но это словно какое-то предчувствие, которое, быть может, женщину и смутило бы.

ГОРАЦИО. Если вашему рассудку чего-нибудь не хочется, то слушайтесь его. Я предупрежу их приход сюда и скажу, что вы не расположены.

ГАМЛЕТ. Отнюдь. Нас не страшат предвестия; и в гибели воровья есть особый промысел. Если теперь, так, значит, не потом; если не потом, так, значит, теперь; если не теперь, то все равно когда-нибудь; готовность — это все. Раз то, с чем мы расстаемся, принадлежит не нам, так не все ли равно — расстаться рано? Пусть будет.

Входят король, королева, Лаэрт и вельможи, Озрик и другие приближенные с рапирами и рукавицами; стол, и на нем кувшины с вином.

КОРОЛЬ

Тебе вручаю эту руку, Гамлет.

Король кладет руку Лаэрта в руку Гамлета.

ГАМЛЕТ

Простите, сударь, я вас оскорбил;

Но вы простите мне как дворянин.

Собравшимся известно, да и вы,

Наверно, слышали, как я наказан

Мучительным недугом. Мой поступок,

Задевший вашу честь, природу, чувство,—
Я это заявляю — был безумьем.
Кто оскорбил Лаэрта? Гамлет? Нет.
Ведь если Гамлет разлучен с собою
И оскорбляет друга, сам не свой,
То действует не Гамлет; Гамлет чист.
Но кто же действует? Его безумье.
Раз так, он сам из тех, кто оскорблен;
Сам бедный Гамлет во вражде с безумьем.
Здесь, перед всеми,
Отрекшись от умышленного зла,
Пусть буду я прощен великодушно
За то, что я стрелу пустил над кровлей
И ранил брата.

ЛАЭРТ

Примирен мой дух,
Который должен бы всего сильнее
Взывать к отмщению; но в вопросе чести
Я в стороне, и я не примирюсь,
Пока от старших судей строгой чести
Не получу пример и голос к миру,
В ограду имени. До той поры
Любовь я принимаю как любовь
И буду верен ей.

ГАМЛЕТ

Сердечно вторю
И буду честно биться в братской схватке.—
Подайте нам рапиры.

ЛАЭРТ

Мне одну.

ГАМЛЕТ

Моя неловкость вам послужит фольгой*,
Чтоб мастерство, как в сумраке звезда,
Блеснуло ярче.

ЛАЭРТ

Вы смеетесь, принц!

ГАМЛЕТ

Клянусь рукой, что нет.

КОРОЛЬ

Подай рапиры, Озрик.— Милый Гамлет,
Заклад тебе знаком?

ГАМЛЕТ

Да, государь;

И ваш заклад на слабой стороне.

КОРОЛЬ

Я не боюсь. Я видел вас обоих;

Он стал искусней, но дает вперед.

ЛАЭРТ

Нет, тяжела; нельзя ли мне другую?

ГАМЛЕТ

Мне по руке.— Длина у всех одна?

ОЗРИК

Да, принц.

Они готовятся к бою.

КОРОЛЬ

Вино на стол поставьте.— Если Гамлет

Наносит первый иль второй удар

Или дает ответ при третьей схватке,

Из всех бойниц велеть открыть огонь;

За Гамлета король подымет кубок,

В нем утопив жемчужину ценнее

Той, что носили в датской диадеме

Четыре короля.— Подайте кубки,

И пусть литавра говорит трубе,

Труба—сторожевому пушкарю,

Орудья—небу, небеса—земле:

«Король пьет здоровье Гамлета!»— Начнемте.—

А вы следите зорким оком, судьи.

ГАМЛЕТ

Начнем.

ЛАЭРТ

Начнемте, принц.

Бьются.

ГАМЛЕТ

Раз.

ЛАЭРТ

Нет.

ГАМЛЕТ

На суд.

ОЗРИК

Удар, отчетливый удар.

ЛАЭРТ

Что ж, дальше.

КОРОЛЬ

Постойте, выпьем.— Гамлет, жемчуг — твой.

Пью за тебя.

Трубы и пушечные выстрелы за сценой.

Подайте кубок принцу.

ГАМЛЕТ

Сперва еще сражусь; пока отставьте.

Начнем.

Бьются.

Опять удар. Ведь вы согласны?

ЛАЭРТ

Задет, задет, я признаю.

КОРОЛЬ

Наш сын

Одержит верх.

КОРОЛЕВА

Он тучен и одышлив.—

Вот, Гамлет, мой платок, лоб оботри.

За твой успех пьет королева, Гамлет.

ГАМЛЕТ

Сударыня моя!..

КОРОЛЬ

Не пей, Гертруда!

КОРОЛЕВА

Мне хочется. Простите, сударь.

КОРОЛЬ *(в сторону)*

Отравленная чаша. Слишком поздно!

ГАМЛЕТ

Еще я не решаюсь пить, потом.

КОРОЛЕВА

Приди, я оботру тебе лицо.

ЛАЭРТ

Мой государь, теперь я трону.

КОРОЛЬ

Вряд ли.

ЛАЭРТ (*в сторону*)

Почти что против совести, однако.

ГАМЛЕТ

Ну, в третий раз, Лаэрт, и не шутите,
Деритесь с полной силой; я боюсь,
Вы неженкой считаете меня.

ЛАЭРТ

Вам кажется? Начнем.

Бьются.

ОЗРИК

Впустую тот и этот.

ЛАЭРТ

Берегитесь!

Лаэрт ранит Гамлета; затем в схватке они меняются рапирами,
и Гамлет ранит Лаэрта.

КОРОЛЬ

Разнять! Они забылись!

ГАМЛЕТ

Нет, еще!

Королева падает.

ОЗРИК

О, помогите королеве! — Стойте!

ГОРАЦИО

В крови тот и другой. — В чем дело, принц?

ОЗРИК

Лаэрт, в чем дело?

ЛАЭРТ

В свою же сеть кулик попался, Озрик*;
Я сам своим наказан вероломством.

ГАМЛЕТ

Что с королевой?

КОРОЛЬ

Видя кровь, она

Лишилась чувств.

КОРОЛЕВА

Нет, нет, питье, питье —

О Гамлет мой, — питье! Я отравилась.

(*Умирает.*)

ГАМЛЕТ

О злодеянье! — Эй! Закройте двери!
Предательство! Сыскать!

ЛАЭРТ (*падает*)

Оно здесь, Гамлет. Гамлет, ты убил;
Нет зелья в мире, чтоб тебя спасти;
Ты не хранишь и получаса жизни;
Предательский снаряд — в твоей руке,
Наточен и отравлен; гнусным ковом
Сражен я сам; смотри, вот я лежу,
Чтобы не встать; погибла мать твоя;
Я не могу... Король... король виновен.

ГАМЛЕТ

Клинок отравлен тоже! —
Ну, так за дело, яд!

(Поражает короля.)

ВСЕ

Измена!

КОРОЛЬ

Друзья, на помощь!.. Я ведь только ранен.

ГАМЛЕТ

Вот, блудодей, убийца окаянный,
Пей свой напиток! Вот тебе твой жемчуг!
Ступай за матерью моей!

Король умирает.

ЛАЭРТ

Расплата

Заслужена: он сам готовил яд.—
Простим друг другу, благородный Гамлет.
Да будешь ты в моей безвинной смерти
И моего отца, как я в твоей!

(Умирает.)

ГАМЛЕТ

Будь чист пред небом! За тобой иду я.—
Я гибну, друг.— Прощайте, королева
Злосчастная! — Вам, трепетным и бледным,
Безмолвно созерцающим игру,
Когда б я мог (но смерть, свирепый страж,
Хватает быстро), о, я рассказал бы...—
Но все равно.— Горацио, я гибну;

Ты жив; поведай правду обо мне
Неутоленным.

ГОРАЦИО

Этому не быть;
Я римлянин, не датчанин душою;
Есть влага в кубке.

ГАМЛЕТ

Если ты мужчина,
Дай кубок мне; оставь; дай, я хочу,
О друг, какое раненое имя,
Скрой тайна все, осталось бы по мне!
Когда меня в своем хранил ты сердце,
То отстранись на время от блаженства,
Дыши в суровом мире, чтоб мою
Поведать повесть.

Марш вдали и выстрелы за сценой.

Что за бранный шум?

ОЗРИК

То юный Фортинбрас пришел из Польши
С победою и этот залп дает
В честь английских послов.

ГАМЛЕТ

Я умираю;
Могучий яд затмил мой дух; из Англии
Вестей мне не узнать. Но предрекаю:
Избрание падет на Фортинбраса;
Мой голос умирающий — ему.
Так ты ему скажи и всех событий
Открой причину. Дальше — тишина.
(Умирает.)

ГОРАЦИО

Почил высокий дух! Спи, милый принц,
Спи, убаюкан пеньем херувимов!
Зачем все ближе барабанный бой?

Марш за сценой.

Входят Фортинбрас и английские послы, с барабанным боем, знаменами, и свига.

ФОРТИНБРАС

Где это зрелище?

ГОРАЦИО

Что ищет взор ваш?

Коль скорбь или изумленье,— вы нашли.

ФОРТИНБРАС

Вся эта кровь кричит о бойне.— Смерть!

О, что за пир подземный ты готовишь,

Надменная, что столько сильных мира

Сразила разом?

ПЕРВЫЙ ПОСОЛ

Этот вид зловец,

И английские вести опоздали;

Бесчувствен слух того, кто должен был

Услышать, что приказ его исполнен,

Что Розенкранц и Гильденстерн мертвы.

Чьих уст нам ждать признательность?

ГОРАЦИО

Не этих,

Когда б они благодарить могли;

Он никогда не требовал их казни.

Но так как прямо на кровавый суд

Вам из похода в Польшу, вам — из Англии

Пришлось поспеть, пусть на помост высокий

Положат трупы на виду у всех,

И я скажу незнающему свету,

Как все произошло. То будет повесть

Бесчеловечных и кровавых дел,

Случайных кар, негданных убийств,

Смертей, в нужде подстроенных лукавством,

И, наконец, коварных козней, павших

На головы зачинщиков. Все это

Я изложу вам.

ФОРТИНБРАС

Поспешим услышать

И созовем знатнейших на собрание.

А я, скорбя, свое приемлю счастье;

На это царство мне даны права,

И заявить их мне велит мой жребий.

ГОРАЦИО

Об этом также мне сказать придется

Из уст того, чей голос многих скличет;

Но поспешим, пока толпа дика,
Чтоб не было ошибок, смут и бедствий.

ФОРТИНБРАС

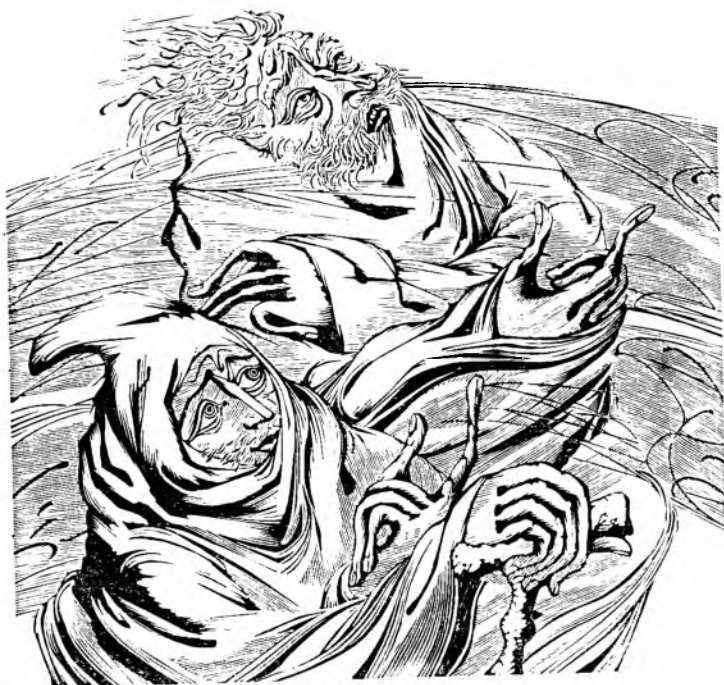
Пусть Гамлета поднимут на помост,
Как воина, четыре капитана;
Будь призван он, пример бы он явил
Высокоцарственный; и в час отхода
Пусть музыка и бранные обряды
Гремят о нем.—
Возьмите прочь тела.— Подобный вид
Пристоен в поле, здесь он тяготит.—
Войскам открыть пальбу.

Похоронный марш. Все уходят, унося тела, после чего раздаётся пушечный залп.

Король Лир

KING LEAR

Перевод с английского
Б. ПАСТЕРНАКА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лир, король Британии.

Король Французский.

Герцог Бургундский.

Герцог Корнуэльский (Корнуол).

Герцог Альбанский (Олбени).

Граф Кент.

Граф Глостер.

Эдгар, сын Глостера.

Эдмунд, побочный сын Глостера.

Куран, придворный.

Старик, арендатор у Глостера.

Врач.

Шут.

Освальд, дворецкий Гонерилли.

Офицер на службе у Эдмунда.

Придворный из свиты Корделии.

Герольд.

Слуги Корнуола.

<i>Гонерилья</i>	}	<i>дочери Лира.</i>
<i>Регана</i>		
<i>Корделия</i>		

Рыцари из свиты Лира, офицеры, гонимы, солдаты и придворные.

Место действия — Британия. Время действия — легендарно относимое к IX веку до нашей эры (3105 год от сотворения мира, по Холиншеду*).

АКТ I

СЦЕНА I

Тронный зал во дворце короля Лира.
Входят Кент, Глостер и Эдмунд.

КЕНТ. Я думал, что герцог Альбанский нравится королю больше герцога Корнуэльского.

ГЛОСТЕР. Так нам всегда казалось. Но теперь, перед разделом королевства, стало неясно, кого он любит больше. Части так выравнены, что при самом внимательном разборе нельзя сказать, какая лучше.

КЕНТ. Это ваш сын, милорд?

ГЛОСТЕР. Я причастен, сэр, к его рождению. Я так часто краснел, признаваясь в этом, что постепенно перестал смущаться.

КЕНТ. Я не понимаю вас.

ГЛОСТЕР. Зато мать этого молодца поняла меня с первого взгляда и получила сына в люльку раньше, чем мужа в дом. Вы меня осуждаете?

КЕНТ. Нет, если в итоге получился такой бравый малый.

ГЛОСТЕР. У меня есть законный сын, сэр, на год с чем-то старше этого, который тем не менее ничуть мне не дороже. Хотя этот сорванец явился на свет без приглашения, мать его была красавица. Его рождению предшествовало много радостей, и я вынужден признать себя его отцом.— Знаешь ты, кто этот благородный господин, Эдмунд?

ЭДМУНД. Нет, милорд.

ГЛОСТЕР. Это Кент. Помни и уважай графа. Это достойнейший друг мой.

ЭДМУНД. Рад буду служить вашей светлости.

КЕНТ. Обещаю вам свою любовь, когда узнаю покороче.

ЭДМУНД. Постараюсь заслужить ее, сэр.

ГЛОСТЕР. Он девять лет был в отъезде и скоро опять уедет... Сюда идет король.

Трубы за сценой.

Входят Лир, герцог Корнуэльский,
герцог Альбанский, Гонерилья, Регана,
Корделия и свита.

ЛИР

Сходи за королем Французским, Глостер,
И герцогом Бургундским.

ГЛОСТЕР

Хорошо,

Мой государь.

Глостер и Эдмунд уходят.

ЛИР

А мы вас посвятим
В заветные решенья наши глубже.
Подайте карту мне. Узнайте все:
Мы разделили край наш на три части.
Ярмо забот мы с наших дряхлых плеч
Хотим переложить на молодые
И доплестись до гроба налегке.
Сын Корнуол наш и ты, любимый столь же
Сын Олбени, сейчас мы огласим,
Что мы даем за дочерьми, чтоб ныне
Предупредить об этом всякий спор.
Король Французский и Бургундский герцог,
Два знатных соискателя руки
Меньшой из дочек, тоже ждут ответа.
И так как мы с себя слагаем власть,
Права на землю и правленье краем,
Скажите, дочери, мне, кто из вас
Нас любит больше, чтобы при разделе
Могли мы нашу щедрость проявить
В прямом согласье с вашею заслугой.
Ты, Гонерилья, первой говори.

ГОНЕРИЛЬЯ

Моей любви не выразить словами,
Вы мне милей, чем воздух, свет очей,
Ценней богатств и всех сокровищ мира,

Здоровья, жизни, чести, красоты.
Я вас люблю, как не любили дети
Доныне никогда своих отцов.
Язык немеет от такого чувства,
И от него захватывает дух.

КОРДЕЛИЯ *(в сторону)*

А что Корделии сказать? Ни слова.
Любить безгласно.

ЛИР

Отдаем тебе
Весь этот край от той черты до этой,
С лесною тенью, полноводьем рек,
Полями и лугами. Им отныне
Владей навек с супругом и детьми.
Что скажет нам вторая дочь — Регана,
Жена Корнуола? Говори, дитя.

РЕГАНА

Отец, сестра и я одной породы,
И нам одна цена. Ее ответ
Содержит все, что б я сама сказала,
С той небольшою разницей, что я
Не знаю радостей других, помимо
Моей большой любви к вам, государь.

КОРДЕЛИЯ *(в сторону)*

О, как бедна я! Нет, я не бедна —
Любовью я богаче, чем словами.

ЛИР

Даем тебе с потомством эту треть
В прекрасном нашем королевстве. Ширью,
Красой и плодородьем эта часть
Ничуть не хуже, чем у Гонериллы.
Что скажет нам меньшая дочь, ничуть
Любимая не меньше, радость наша,
По милости которой молоко
Бургундии с лозой французской в споре?*

Что скажешь ты, чтоб заручиться долей
Обширнее, чем сестрины? Скажи.

КОРДЕЛИЯ

Ничего, милорд.

ЛИР

Ничего?

КОРДЕЛИЯ

Ничего.

ЛИР

Из ничего не выйдет ничего.

Так объяснись.

КОРДЕЛИЯ

К несчастью, не умею
Высказываться вслух. Я вас люблю,
Как долг велит, не больше и не меньше.

ЛИР

Корделия, опомнись и исправь
Ответ, чтоб после не жалеть об этом.

КОРДЕЛИЯ

Вы дали жизнь мне, добрый государь,
Растили и любили. В благодарность
Я тем же вам плачу: люблю вас, чту
И слушаюсь. На что супруги сестрам,
Когда они вас любят одного?
Наверное, когда я выйду замуж,
Часть нежности, заботы и любви
Я мужу передам. Я в брак не стану
Вступать, как сестры, чтоб любить отца.

ЛИР

Ты говоришь от сердца?

КОРДЕЛИЯ

Да, милорд.

ЛИР

Так молода — и так черства душой?

КОРДЕЛИЯ

Так молода, милорд, и прямодушна.

ЛИР

Вот и бери ты эту прямоту
В приданое. Священным светом солнца
И тайнами Гекаты*, тьмой ночной
И звездами, благодаря которым
Родимся мы и жить перестаем,
Клянусь, что всенародно отрекаюсь
От близости, отеческих забот
И кровного родства с тобой. Отныне
Ты мне навек чужая. Грубый скиф
Или дикарь, который пожирает

Свое потомство*, будут мне милей,
Чем ты, бывшая дочь.

КЕНТ

Мой государь!

ЛИР

Ни слова, Кент! Не суйся меж драконом
И яростью его.— Я больше всех
Любил ее и думал дней остаток
Провести у ней.— Ступай! Прочь с глаз моих!
Клянусь покоем будущим в могиле,
Я разрываю связь с ней навсегда.
Я посылал за королем Французским.
Вы слышите? Бургундский герцог где?
Что вы стоите? Не слышали, что ли? —
Корнуол и Олбени, к своим частям
Прибавьте эту треть. Пускай гордыня,
В которой чудится ей прямота,
Сама ей ищет мужа. Облекая
Обоих вас всей полнотою прав,
Присущих высшей власти. Жить я буду
По месяцу у каждого из вас
Поочередно и зачислю в свиту
Сто рыцарей себе. Мне с этих пор
Останется лишь королевский титул,
А пользование выгодами, власть,
Доход с земель и воинскую силу
Предоставляю вам, в залог чего
Даю вам разделить мою корону.

(Отдает им корону.)

КЕНТ

Великий Лир, в ком чтит я короля,
Любил отца и слушал господина,
Кому я поклонялся...

ЛИР

Берегись!

Ты видишь, лук натянут. Прочь с дороги!

КЕНТ

Стреляй, не бойся прострелить мне грудь.
Кент будет груб, покамест Лир безумен.
А ты как думал, взбалмошный старик?
Что рядом с лестью смолкнет откровенность?

Нет, честность более еще нужна,
 Когда монарх впадает в безрассудство.
 Не отдавай престола. Подави
 Свою горячность. Я ручаюсь жизнью —
 Любовь Корделии не меньше их.
 Совсем не знак бездушья — молчаливость.
 Гремит лишь то, что пусто изнутри.

ЛИР

Ты шутишь жизнью, Кент.

КЕНТ

Своею жизнью

Играл не раз я на войне с врагом
 И снова для тебя играю ею.

ЛИР

Прочь с глаз моих!

КЕНТ

Открой их шире, Лир,

И приглядиись внимательнее к другу.

ЛИР

Свидетель Аполлон...

КЕНТ

Да, Аполлон —

Свидетель, что напрасно ты клянешься.

ЛИР

Подлец! Изменник!

(Хватается за меч.)

ОЛБЕНИ И КОРНУОЛ

Полно, государь!

КЕНТ

Убей врача, а плату за лечение
 Отдай болезни. Отмени приказ,
 А то, пока дышу, твердить я буду:
 Недоброе задумал.

ЛИР

Низкий раб!

Твоей присягой заклинаю, слушай!
 Ты убеждал нас слову изменить,
 Чего за нами раньше не водилось.
 Ты волю нашу с мыслью разлучал,
 Что не мирится с нашею природой.
 Так вот тебе за это. Мы даем

Пять дней тебе на то, чтоб ты запаса
Всем, что потребует далекий путь,
И на шестой покинул королевство.
Знай: если на десятый день найдут
Тебя у нас, ты будешь предан смерти.
Ступай. Решенья я не отменю,
Клянусь Юпитером.

КЕНТ

Прощай, король.
Раз дома нет узды твоей гордыне,
То ссылка — здесь, а воля — на чужбине.

(Корделии.)

Дитя, я за тебя богов молю.
Ты честно отвечала королю.

(Регане и Гонерилле.)

Пускай слова вас к действиям обяжут
И вашу преданность дела докажут.

(Всем остальным.)

Уходит Кент куда глаза глядят,
На новом месте жить на старый лад.

(Уходит.)

Трубы.

Возвращаются Глостер с королем Французским, герцогом
Бургундским и свитой.

ГЛОСТЕР

Король и герцог здесь, мой государь.

ЛИР

Мой герцог, с вас начнем переговоры.
Вы сватаетесь с этим королем
За нашу дочь. Каким предельно малым
Приданным мог бы я вам угодить,
Чтоб вы от сватовства не отказались?

ГЕРЦОГ БУРГУНДСКИЙ

Предложенным, и только, государь,
А меньше вы и сами не дадите.

ЛИР

Мы, герцог, раньше дорожили ей.
Не то теперь. Ее цена упала.
Она пред вами. Если что-нибудь

Вам в маленькой притворщице по вкусу,
Тогда берите всю ее, как есть,
С немилостию нашею в придачу.

ГЕРЦОГ БУРГУНДСКИЙ

Что мне сказать?

ЛИР

Готовы ли вы взять
Ее без средств, предмет опалы нашей,
С проклятьем за душою, без друзей,
Иль вынуждены будете оставить?

ГЕРЦОГ БУРГУНДСКИЙ

Простите, благородный государь,
Мне путь отрезан при таком условии.

ЛИР

Оставьте же ее. Поверьте мне,
Я перечислил все ее богатства.

(Французскому королю.)

За вас я сам, возлюбленный король,
Не выдам той, кого я ненавижу.
Найдите спутницу себе взамен
Ничтожной этой твари, от которой
Природа отшатнулась со стыдом.

КОРОЛЬ ФРАНЦУЗСКИЙ

Как странно! Дочь, которая недавно
Была кумиром, верхом совершенств,
Любимицей отца, свершила что-то
Такое небывалое, что вмиг
Лишилась вашей ласки. Вероятно,
Ее вина чудовищно тяжка
Иль вы ее любили слишком мало.
Все против этой мысли восстает,
И нужно чудо, чтобы я поверил.

КОРДЕЛИЯ

Но, государь мой, если мой позор
Лишь в том, что я не лщу из лицемерья,
Что на ветер я не бросаю слов
И делаю добро без обещаний,
Прошу вас, сами объясните всем,
Что не убийство, не пятно порока,
Не нравственная грязь, не подлый шаг
Меня так уронили в вашем мненье,

Но то как раз, что я в себе цешо:
Отсутствие умильности во взоре
И льстивости в устах; что мне в вину
Вменяется не промах, а заслуга.

ЛИР

Ты лучше не являлась бы на свет,
Чем раздражать меня!

КОРОЛЬ ФРАНЦУЗСКИЙ

Так вот в чем горе!

В пугливой целомудренности чувств,
Стыдящихся огласки? Как вы, герцог?
Что скажете? Лишь та любовь — любовь,
Которая чуждается расчета.
Вы женитесь на ней? Она сама
Дороже всех приданых.

ГЕРЦОГ БУРГУНДСКИЙ

Лир, отдайте

Корделии обещанную часть,
И я ее сейчас же объявлю
Бургундской герцогиней.

ЛИР

Я сказал,

Что не отдам. Я клятв не изменяю.

ГЕРЦОГ БУРГУНДСКИЙ

Жаль, но тогда с отцом вы жениха
Утратили.

КОРДЕЛИЯ

Ну что ж, бог с вами, герцог:

Не я вас привлекала, а корысть.

КОРОЛЬ ФРАНЦУЗСКИЙ

Корделия, лишенная наследства,
Твое богатство — в бедности твоей.
Отверженная, я завладеваю
Тобой, мечта и драгоценный клад,
Как подбирают брошенные вещи.
О боги, боги, в этом униженье
Я лишь люблю ее неизреченней.
Приданого лишенная пристрастно,
Будь королевой Франции прекрасной.
Я этот перл бургундским господам
За многоводный край их не отдам.

Корделия, простись с двором суровым.
Ты лучший мир найдешь под новым кровом.

ЛИР

Она твоя, король. Иди с ней прочь,
Нам с ней не жить. Она не наша дочь.
Ступай от нас без ласкового слова
И без благословения отцова.
Пойдемте, герцог.

Лир, герцоги Бургундский, Корнуэльский, Альбанский,
Глостер и свита уходят.

КОРОЛЬ ФРАНЦУЗСКИЙ

С сестрами простись.

КОРДЕЛИЯ

Отцовские сокровища, в слезах
Иду от вас. Я ваши свойства знаю.
Но, вас щадя, не буду называть.
Смотрите за отцом. Его с тревогой
Вверяю вашей показной любви.
Не эта бы неожиданная онала,
Отцу приют я б лучший подыскала.
Прощайте, сестры.

РЕГАНА

Просим не учить.

ГОНЕРИЛЬЯ

Учись сама, как угождать супругу,
Который взял из милости тебя.
За спор с отцом судьба тебя с годами
В замужестве накажет неладами.

КОРДЕЛИЯ

Как люди ни хитри, пора приходит —
И все на воду свежую выводит.
Прощайте.

КОРОЛЬ ФРАНЦУЗСКИЙ

Милая Корделия, идем.

Король Французский и Корделия уходят.

ГОНЕРИЛЬЯ. Сестра, надо поговорить. У нас много
общих дел, касающихся нас обеих. Кажется, отец решил вы-
ехать сегодня же.

РЕГАНА. Да. И, кажется, к тебе. А на следующий месяц — ко мне.

ГОНЕРИЛЬЯ. Видишь, как он взбалмошен. Как тебе нравится то, что произошло? Невольно призадумался. И это с сестрой, которую он всегда любил больше нас!

РЕГАНА. Это у него от возраста. Хотя он и раньше плохо владел собой.

ГОНЕРИЛЬЯ. Он был сумасбродом в лучшие свои годы. Теперь к его привычному своеволию прибавятся вспышки старческой раздражительности.

РЕГАНА. Когда-нибудь и нам попадет, как этому Кенту. Вдруг взять и изгнать его!

ГОНЕРИЛЬЯ. Или вроде его прощания с Французским королем. Давай держаться сообща. Если власть отца останется в силе, его сегодняшнее отречение при таком характере ничего не даст, кроме неприятностей.

РЕГАНА. Надо хорошенько подумать.

ГОНЕРИЛЬЯ. И что-нибудь предпринять. Не откладывая.

Уходит

СЦЕНА 2

Зал в замке графа Глостера.

Входит Эдмунд с письмом в руке.

ЭДМУНД

Природа, ты моя богиня! В жизни
Я лишь тебе послушен. Я отверг
Проклятье предрассудков и правами
Не поступлюсь, пусть младше я, чем брат.
Побочный сын! Что значит сын побочный?
Не крепче ль я и краше сыновей
Иных почтенных матерей семейства?
За что же нам колоть глаза стыдом?
И в чем тут стыд? В том, что свежей и ярче
Передают наследственность тайком,
Чем на прискучившем законном ложе,
Основывая целый ряд глупцов
Меж сном и бдением? Да, Эдгар законный,
Твоей землей хочу я завладеть.
Любовь отца к внебрачному Эдмунду

Не меньше, чем к тебе, законный брат.
 Какое слово странное: «законный»!
 Ну ладно, мой законный. Вот письмо,
 И если мой подлог сойдет успешно,
 Эдмунд незнатный знатного столкнет.
 Я в цвете сил. Я подымаюсь в гору.
 Храните, боги, незаконных впредь!

Входит Глостер.

ГЛОСТЕР

Отправил в ссылку Кента! С королем
 Французским не простился и повздорил!
 Покинул двор! Отрекся от венца
 Внезапно, под влиянием минуты! —
 Ну что, какие новости, Эдмунд?

ЭДМУНД. Никаких, милорд. *(Прячет письмо.)*

ГЛОСТЕР. Отчего ты так торопливо спрятал это письмо?

ЭДМУНД. Я не слыхал никаких новостей, милорд.

ГЛОСТЕР. Что это за бумагу читал ты сейчас?

ЭДМУНД. Я ничего не читал, милорд.

ГЛОСТЕР. Ничего не читал? Что же в таком случае ты спрятал так торопливо в карман? Дай мне листок. Если в нем нет ничего, я это и без очков увижу.

ЭДМУНД. Сэр, простите меня. Это письмо от моего брата. Я еще не дочитал его до конца. Но, судя по тому, что я успел разобрать, вам лучше не читать его.

ГЛОСТЕР. Дай мне письмо.

ЭДМУНД. Покажу ли я вам его или нет, я поступлю одинаково дурно. Судя по его содержанию, это письмо нехорошее.

ГЛОСТЕР. Посмотрим, посмотрим...

ЭДМУНД. К чести брата, хочу верить, что он написал мне в таком духе, только чтобы испытать меня.

ГЛОСТЕР *(читает)*. «Это почитание старости отравляет нам лучшие годы нашей жизни и отдаст деньги в наши руки слишком поздно, когда по дряхлости мы уже не можем воспользоваться ими в свое удовольствие. Я склоняюсь к убеждению, что тиранство стариков — бесполезный предрассудок, властвующий над нами только потому, что мы его терпим. Встретимся и поговорим поподробнее. Если бы отец мог уснуть и не просыпаться, пока я не разбуду его, тебе досталась бы половина его доходов и постоянная любовь твоего брата

Эдгара». Что это? Заговор? «...уснуть и не просыпаться... тебе досталась бы половина его доходов». И это мой сын Эдгар! И у него рука поднялась вывести эти буквы! Сердце его ютило такие мысли!.. Когда ты получил это? Кто принес тебе это письмо?

ЭДМУНД. В том-то и дело, милорд, что никто. Его бросили мне в окно.

ГЛОСТЕР. Это почерк твоего брата?

ЭДМУНД. Если бы письмо было хорошее, у меня на этот счет не было бы никаких сомнений. Но в таком письме его почерк кажется мне сомнительным.

ГЛОСТЕР. Это его почерк.

ЭДМУНД. Это писано его рукою, но его сердце в этом не участвовало.

ГЛОСТЕР. Раньше он никогда не высказывал тебе подобных соображений?

ЭДМУНД. Никогда. Но он часто выражал мнение, что совершеннолетние сыновья должны были бы опекать стареющих отцов и управлять их имуществом.

ГЛОСТЕР. Вот негодай, вот негодай! Те же самые мысли, что в письме! Отвратительный негодай! Подлое, бесчувственное животное! Хуже, чем животное!.. Ступай, голубчик, разыщи его. Я засажу его под замок. Чудовищный негодай! Где он?

ЭДМУНД. Не знаю, милорд. Но вот что я вам скажу: сдержите ваше негодование, пока у вас не будет более веских доказательств. Это будет правильно. Если же вы начнете действовать силою, не будучи правы, это запятнает вашу честь и окончательно подорвет его привязанность к вам. Я готов ручаться жизнью, что все это он написал, только чтобы проверить, насколько я люблю вас, и ни для чего другого, уверяю вас.

ГЛОСТЕР. Ты так думаешь?

ЭДМУНД. Я помогу вам в этом удостовериться. Если хотите, я вас поставлю в таком месте, где вы сможете подслушать наши разговоры. Это можно сделать не дальше как сегодня вечером.

ГЛОСТЕР. Он не может быть таким извергом.

ЭДМУНД. Конечно, нет.

ГЛОСТЕР. По отношению к отцу, который любит его с такою нежностью и силой! Земля и небо! — Эдмунд, вкрадись в

его доверие, выведи его на чистую воду. Сделай это ради меня. Я все готов отдать, чтобы узнать правду.

ЭДМУНД. Я пойду сейчас искать его, наведу на разговор о письме и обо всем дам вам знать.

ГЛОСТЕР. Вот они, эти недавние затмения, солнечное и лунное! Они не предвещают ничего хорошего. Что бы ни говорили об этом ученые, природа чувствует на себе их последствия. Любовь остывает, слабеет дружба, везде братоубийственная рознь. В городах мятежи, в деревнях раздоры, во дворцах измены, и рушится семейная связь между родителями и детьми. Либо это случай, как со мною, когда сын восстает на отца. Либо как с королем. Это другой пример. Тут отец идет против родного детища. Наше лучшее время миновало. Ожесточение, предательство, гибельные беспорядки будут сопровождать нас до могилы. Изобличи этого мерзавца, Эдмунд. Ты об этом не пожалеешь. Постарайся, пожалуйста.— Или вот еще пример. Благородный Кент изгнан. За что? Только за то, что он честен. Удивительно! (*Уходит.*)

ЭДМУНД. Вот так всегда. Как это глупо! Когда мы сами портим и коверкаем себе жизнь, обожравшись благополучием, мы приписываем наши несчастья солнцу, луне и звездам. Можно, правда, подумать, будто мы дураки по произволению небес, мошенники, воры и предатели вследствие атмосферического воздействия, пьяницы, лгуны и развратники под непреодолимым давлением планет. В оправдание всего плохого у нас имеются сверхъестественные объяснения. Великолепная увертка человеческой распущенности — всякую вину свою сваливать на звезды! Отец проказничал с матерью под созвездием Дракона. Я родился на свет под знаком Большой Медведицы. Отсюда следует, что я должен быть груб и развратен. Какой вздор! Я то, что я есть, и был бы тем же самым, если бы самая целомудренная звезда мерцала над моей колыбелью... Вот идет Эдгар. Он является как нельзя более вовремя, подобно развязке в старинной комедии. Напущу на себя грусть вроде полоумного Тома из Бедлама*.

Входит Эдгар.

О, эти затмения — предвестия будущих раздоров! Фа, соль, ля, ми...

ЭДГАР. Ну как, брат Эдмунд? Ты занят серьезными размышлениями?

ЭДМУНД. Я задумался, брат, над событиями, которые, как я читал, должны произойти вслед за недавними затмениями.

ЭДГАР. Вот ты чем занимаешься!

ЭДМУНД. Уверю тебя, предсказания, о которых я прочел, к несчастью, сбываются. Извращаются отношения между детьми и родителями, наступает мор, дороговизна, всеобщая вражда. Государство раздирают междоусобицы, народ угрожает королю и знати, возникает подозрительность, друзья отправляются в изгнание, армия разваливается, супруги изменяют друг другу и прочая и прочая.

ЭДГАР. С каких пор записался ты в астрономы?

ЭДМУНД. Оставим это. Лучше скажи мне, когда ты виделся с отцом в последний раз?

ЭДГАР. Вчера вечером.

ЭДМУНД. Ты говорил с ним?

ЭДГАР. Да, два часа подряд.

ЭДМУНД. Вы расстались по-хорошему? Ты не заметил в нем какого-нибудь неудовольствия, когда он говорил и смотрел на тебя?

ЭДГАР. Ни малейшего.

ЭДМУНД. Припомни хорошенько, чем ты мог задеть его, и, ради всего святого, не попадайся ему на глаза некоторое время, пока он не успокоится. Сейчас он клянет тебя на чем свет стоит и готов разорвать тебя на части от гнева.

ЭДГАР. Какой-нибудь мерзавец оклеветал меня.

ЭДМУНД. Я тоже боюсь этого. Прошу тебя, соблюдай осторожность, пока его ярость не уляжется. И знаешь что? Я дам тебе убежище в своей комнате, откуда ты сможешь удобно подслушать, что скажет отец. Ступай туда. Вот тебе ключ. Если вздумаеть отлучиться на улицу, бери оружие.

ЭДГАР. Оружие?

ЭДМУНД. Слушай, брат, это для твоей пользы. Честное слово, у него что-то недоброе на уме против тебя. То, что я рассказал тебе,—ничто по сравнению с действительностью. Прошу тебя, уходи, пожалуйста.

ЭДГАР. Но ты скоро дашь мне знать о себе?

ЭДМУНД. Я посвящу всего себя этому делу.

Эдгар уходит.

Отец поверил, и поверил брат.

Так честен он, что выше подозрений.

Их простодушием легко играть.
 Я вижу ясно, как их обморочить.
 Не взял рождением, так свое возьму
 Благодаря врожденному уму.
(Уходит.)

СЦЕНА 3

Комната во дворе герцога Альбанского.
 Входят Гонерилья и Освальд.

ГОНЕРИЛЬЯ. Правда ли, что отец прибил моего придворного за то, что тот выругал его шута?

ОСВАЛЬД. Да, миледи.

ГОНЕРИЛЬЯ

Все время огорченья! Что ни час —
 Другая новость. В доме нет покоя.
 Я больше не могу. Его двору
 Позволено буянить как угодно,
 А нам за мелочь всякую упрек.
 Когда они воротятся с охоты,
 Я не хочу с ним говорить. Скажи:
 Я нездорова. Да не расстилайся
 Так перед ним. Последствия беру
 Все на себя.

Звуки рога за сценой.

ОСВАЛЬД

Вы слышите, он едет.

ГОНЕРИЛЬЯ

Поменьше церемоний. Передай
 Всем в доме это. Я хочу, чтоб дело
 Дошло до взрыва. Плохо у меня —
 Пускай к сестре переезжает. Знаю,
 Что у нее на это сходный взгляд.
 Она не даст командовать упряму.
 Сам отдал власть, а хочет управлять
 По-прежнему! Нет, старики — как дети,
 И требуется строгости урок,
 Когда добро и ласка им не впрок.
 Запомни это.

ОСВАЛД

Слушаюсь, миледи.

ГОНЕРИЛЬЯ

И попрохладнее с его людьми.
Без всякого стеснения. Подчиненным
Скажи, что я хочу найти предлог
Для объяснений. Это надоело.
Сейчас я напишу письмо сестре,
Чтоб нам быть заодно.— Готовь обедать.

Уходят.

СЦЕНА 4

Зал там же.

Входит Кент, переодетый.

КЕНТ

Я должен перенять чужую речь
И буду до конца неузнаваем.
Так надо для намерений моих,
Из-за которых изменил я внешность.
Ну, Кент, слугой к хозяину наймись,
Прогнавшему тебя под страхом смерти,
И этим господину докажи,
Как велика твоя неутомимость.

Звуки рога за сценой. Входят Лир, рыцари, слуги.

ЛИР. Не заставляйте меня ждать ни минуты. Подавайте обедать.

Один из служителей уходит.

Что тебе? Ты кто такой?

КЕНТ. Человек.

ЛИР. Чем ты занимаешься? Что тебе от нас надо?

КЕНТ. Вот мой род занятий: быть самим собой. Верно служить тому, кто мне доверится. Любить того, кто честен. Знаться с тем, кто рассудителен и мало говорит. Считаться с общим мнением. Драться, когда нет другого выхода, и не есть рыбы.

ЛИР. А сам ты кто?

КЕНТ. Подлинно честный малый, бедный, как король.

ЛИР. Если ты так же беден в ряду подданных, как он среди королей, то ты действительно беден. Чего же ты хочешь?

КЕНТ. Служить.

ЛИР. Кому ты хочешь служить?

КЕНТ. Вам.

ЛИР. Разве ты меня знаешь, приятель?

КЕНТ. Нет, сэр. Но в лице у вас есть что-то такое, что покоряет.

ЛИР. Что же это такое?

КЕНТ. Властность.

ЛИР. А к какому делу ты годеи?

КЕНТ. Я умею хранить тайны, ездить верхом, бегать, рассказывать с грехом пополам затейливые истории и точно исполняю поручения, когда они несложны. Все это может сделать всякий. Но усердие мое беспримерно.

ЛИР. Сколько тебе лет?

КЕНТ. Я не так молод, чтобы полюбить женщину за ее пение, и не так стар, чтобы сходить по ней с ума без всякой причины. Сорок восемь лет жизни за спиной у меня.

ЛИР. Хорошо. Прислуживай мне. Если ты не разонравишься мне после обеда, я не расстанусь с тобой.— Обедать, обедать! Где мой шут?— Эй, ты, послушай, сходи за моим дураком.

Один из служителей уходит.
Входит Освальд.

Эй ты, малый, где моя дочь?

ОСВАЛЬД. С вашего разрешения... (*Уходит.*)

ЛИР. Что он сказал? Кликни этого негодяя обратно.

Один из рыцарей уходит.

Ну так где же мой шут? А? Похоже, будто все заснули.

Рыцарь возвращается.

Ну как? Где это животное?

РЫЦАРЬ. Он говорит, милорд, что вашей дочери нездоровится.

ЛИР. А почему этот невежа не вернулся, когда я его звал?

РЫЦАРЬ. Сэр, он мне заявил напрямик, что не желает возвращаться.

ЛИР. Он не желает?

РЫЦАРЬ. Милорд, я не знаю, отчего это, но, насколько я понимаю, с вашим величеством стали здесь обращаться без должной почтительности. Эта небрежность заметна у герцога, у вашей дочери и даже у прислуги.

ЛИР. Ага! Вот как ты думаешь?

РЫЦАРЬ. Простите, государь, если я ошибаюсь, но я не смею молчать при мысли, что с вами не церемонятся.

ЛИР. Нет, нет, ты назвал то, что мне самому бросалось в глаза. С некоторого времени я тоже наблюдаю признаки легкой невнимательности, но приписал это скорее своей мнительности, чем их желанию оскорбить меня. Присмотрюсь к этому получше. Однако где же мой дурак? Я второй день не вижу его.

РЫЦАРЬ. С отъездом молодой госпожи во Францию королевский шут все время хандрит.

ЛИР. Ни слова больше! Я сам это заметил... Эй, ты, ступай-ка скажи моей дочери, что я желаю с ней поговорить.

Один из служителей уходит.

Позовите сюда моего шута.

Другой служитель уходит.
Возвращается Освальд.

А, это вы, сударь? Подите-ка, сударь, сюда. Кто я, сударь, по-вашему?

ОСВАЛЬД. Вы — отец герцогини.

ЛИР. «Отец герцогини»? Вот как, подлец герцога? Ах, сукин сын! Ах, мерзавец!

ОСВАЛЬД. Неправда! Я ни то, ни другое, милорд. Прошу прощения.

ЛИР. Не смей смотреть на меня так дерзко! Нахал! *(Бьет его.)*

ОСВАЛЬД. Я не позволю бить себя, милорд!

КЕНТ. А подбить тебя ногой, как мяч, можно? *(Сбивает его с ног.)*

ЛИР. Спасибо, дружище! Мне нравится твоя служба. Я буду жаловать тебя.

КЕНТ. Эй, ты, вставай и пошел вон! Вперед будешь поучтливее. Пошел, пошел! Если ты хочешь еще раз вымерять пол собою — пожалуйста. А не то убирайся. Ну, ступай, ступай! Понял? *(Выталкивает Освальда.)*

ЛИР. Ну, мой работничек, благодарю тебя. Вот тебе за труды. (*Дает Кенту денег.*)

Входит шут.

ШУТ. Я тоже найму его. Вот тебе моя шапка, носи ее. (*Протягивает Кенту свой дурацкий колпак.*)

ЛИР. А, здравствуй, мой хороший! Как поживаешь?

ШУТ. Взял бы ты лучше мой колпак, приятель.

КЕНТ. Зачем он мне?

ШУТ. Затем, что ты валяешь дурака, если заступаешься за опального. Нет, правда, держи, брат, нос по ветру, а то простудишься. Бери мой колпак. Видишь, этот чудака прогнал двух своих дочерей, а третью благословил против своей воли. Служить ему можно только в дурацком колпаке.— Ну как, дяденька? Жаль, нет у меня двух колпаков и двух дочерей!

ЛИР. Для чего, дружок?

ШУТ. Состояние я отдал бы дочерям, а колпаки оставил бы себе. Вот один у меня, а другой выпроси себе у дочек.

ЛИР. Берегись, каналья! Видишь плетку?

ШУТ. Правду всегда гонят из дому, как сторожевую собаку, а лесть лежит в комнате и воняет, как левретка.

ЛИР. Камень в мой огород.

ШУТ. Хочешь, куманек, выучить изречение?

ЛИР. Ладно.

ШУТ. Слушай, дяденька:

Наживайся тайком,
Не мели языком,
Меньше бегай пешком,
Больше ездй верхом,
Не нуждайся ни в ком,
Не водись с игроком,
Не гуляй, не кути,
А сиди взаперти:
Двадцать на двадцати
Сможешь приобрести.

ЛИР. Это вздор, дурак!

ШУТ. Беспользный, как слова адвоката, не получившего за свою речь платы. А скажи, дяденька, можно из ничего извлечь какую-нибудь пользу?

ЛИР. Нет, голубчик, из ничего ничего и не получается.

ШУТ. (*Кенту*). Пожалуйста, скажи ему, что столько же

получит он со своих владений. Если я ему это скажу, он мне ответит: «Дурак».

ЛИР. Злой дурак!

ШУТ. А ты знаешь, куманек, какая разница между злым дураком и добрым дураком?

ЛИР. Нет, братец. Научи меня.

ШУТ

Кто дал тебе совет
Отдать свой край другим,
Тот от меня, сосед,
Умом неотличим.
Я злой дурак — и в знак
Того ношу колпак,
А глупость добряка
Видна без колпака.

ЛИР. Ты зовешь меня дураком, голубчик?

ШУТ. Остальные титулы ты роздал. А этот — природный.

КЕНТ. Это совсем не так глупо, милорд.

ШУТ. Нет, быть совсем глупым мне не позволили бы из зависти. Если бы я взял монополию на глупость, лорды и вельможи пожелали бы вступить в пай со мной, да и знатные дамы тоже захотели бы урвать кусочек. — Дай мне яйцо, дяденька, я дам тебе за то два венчика.

ЛИР. Какие это такие два венчика?

ШУТ. А вот какие. Яйцо я разрежу пополам, содержимое съем, а из половинок скорлупы выйдут два венчика. Когда ты расколол свой венец надвое и отдал две половинки, ты взвалил осла себе на спину, чтобы перенести его через грязь. Видно, мало мозгу было под твоим золотым венцом, что ты его отдал. Если я рассуждаю как дурак, надо высечь того, кто это скажет.

(Поет.)

Приходит дуракам капут,
Не спрос на них сегодня.
Разумные себя ведут
Безумных сумасбродней.

ЛИР. Давно ли это ты, брат, так распелся?

ШУТ. С тех пор как ты из своих дочерей сделал матерей для себя, дал им в руки розги и стал спускать с себя штаны.

(Поет.)

Они от радости завывли,
А я — от срамоты,

Что государь мой — простофиля
И поступил в шуты.

Найми мне, дяденька, учителя. Я хочу научиться врать.

ЛИР. Если ты будешь врать, я тебя выпорю.

ШУТ. Как странно, что между тобой и дочерьми нет ничего общего. Они грозятся отхлестать меня за правду, ты — за ложь, а иногда меня бьют за то, что я отмалчиваюсь. Лучше быть чем угодно, только не шутком. И, однако, я бы не хотел быть тобою, дяденька. Ты обкорнал свой ум с обеих сторон и ничего не оставил в середке. Вот один из обрезков.

Входит Гонерилья.

ЛИР. А, доченька! К чему эта хмурость? Последние дни ты все время дуешься.

ШУТ. Ты был довольно славным малым во время оно, когда тебя не занимало, хмурится она или нет. А теперь ты нуль без цифры. Я и то сейчас больше тебя. Я хоть шут, на худой конец, а ты совершенное ничто. (*Гонерилье.*) Молчу, молчу! Вижу, взглядом повелеваете вы мне молчать, хотя и не сказали ни слова. (*Указывая на Лиру.*)

Прожил жизнь, а глуп как пень:

Корки нет про черный день.

Вот вылущенный гороховый стручок!

ГОНЕРИЛЬЯ

Не только этот ваш развязный шут,

Вся ваша невоспитанная дворня

Бранит и осуждает все кругом

И ежечасно предается буйству.

Я думала, услышав мой упрек,

Вы прекратите это, но узнала,

Что сами вы на деле и словах

Потворствуете этим безобразьям.

Не гневайтесь, но если это так,

Мне, видимо, теперь самой придется

Принять крутые меры. Я прошу

Не обижаться. Если б не забота

О благе государства, верьте мне,

Я б постыдилась вмешиваться в это.

ШУТ

А ты как думал, дяденька?

Кукушка воробью пробила темя
За то, что он кормил ее все время.
Потухла свечка, вот мы и в потемках.

ЛИР

Моя ль ты дочь?

ГОНЕРИЛЬЯ

Прислушайтесь, отец,
К моим предупреждениям, призовите
Весь ум, когда-то отличавший вас,
И бросьте ваши новые замашки,
Которые совсем вам не к лицу.

ШУТ. Надо быть ослом, чтобы не понять, что тут все шиворот-навыворот: яйца курицу учат. Просто загляденье!

ЛИР

Скажите, кто я? Видно, я не Лир?
Не тот у Лира взгляд, не та походка.
Он, видно, погружен в глубокий сон?
Он грезит? Наяву так не бывает.
Скажите, кто я? Кто мне объяснит?

ШУТ. Тень Лира.

ЛИР. Я действительно хочу знать, кто я. Потому что мое королевское достоинство и некоторые другие признаки наводят меня на ложную мысль, будто у меня есть дочери.

ШУТ. Которые хотят сделать из тебя послушного отца.

ЛИР. Как ваше имя, госпожа моя?

ГОНЕРИЛЬЯ

В вопросе вашем столько же притворства,
Как в прочих ваших выходах. Прошу
Понять меня как следует. Вы стары,
Почтенны. Вы должны быть образцом.
Тут с вами сотня рыцарей и сквайров,
Бедовый и отчаянный народ,
Благодаря которым этот замок
Похож на балаган или кабак.
Распорядитесь прекратить бесчинства,
Как должен стыд самим вам подсказать.
Вас просит та, кому не подобает
Просить и было б легче приказать.
Извольте распустить часть вашей свиты.
Оставьте малое число людей,

Которые не будут забываться
И буйствовать.

ЛИР

Провал возьми вас всех!
Седлать коней! Собрать в дорогу свиту!
Бездушный выродок! Я впредь тебе
Не буду докучать своей особой!
Еще есть дочь у нас!

ГОНЕРИЛЬЯ

Вы бьете слуг моих. Ваш пьяный сброд
Кричит на старших, как на подчиненных.

Входит герцог Альбанский.

ЛИР

Плох тот, кто поздно кается.
(*Герцогу Альбанскому.*)

Вы, сэр,
С ней тоже заодно? — Коней седлайте! —
Неблагодарность с сердцем из кремня,
Когда вселишься ты в дитя родное,
Морских чудовищ ты тогда страшней!

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Сэр, не волнуйтесь.

ЛИР (*Гонерилье*)

Ненасытный коршун,
Ты лжешь! Телохранители мои —
Испытанный народ высоких качеств.
Они прекрасно знают, в чем их долг,
И сами дорожат своею честью.
Корделии оплошность! Отчего
Я так преувеличил этот промах,
Что вырвал из души своей любовь
И грудь взамен наполнил ядом желчи?
Как был я слеп! О Лир, теперь стучись
В ту дверь, откуда выпустил ты разум
И глупость залучил.

(*Бьет себя по голове.*)

В путь, господа!

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Милорд, в чем суть? Я ничего не знаю
И не повинен.

ЛИР

Верю вам, милорд.—
Услышь меня, услышь меня, природа,
И если создавала эту тварь
Для чадородья, отмени решение!
Срази ее бесплодьем! Искуши
В ней навсегда способность к материнству!
Пускай ее испорченная плоть
Не принесет на радость ей ребенка.
А если ей судьба иметь дитя,
Пусть будет этот плод ей вечной мукой,
Избороздит морщинами ей лоб
И щеки в юности разъест слезами.
В ничто и в безнадежность обрати
Все, что на детище она потратит,—
Ее тревоги, страхи и труды,
Чтобы она могла понять, насколько
Больней, чем быть укушенным змеей,
Иметь неблагодарного ребенка!
Прочь, прочь отсюда!

(Уходит.)

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Ради всех богов,

На что он в гневе?

ГОНЕРИЛЬЯ

Толковать не стоит.

Впадает в детство. Путь себе шумит.

Лир возвращается.

ЛИР

Куда девалась половина свиты?

Их было сто, а стало пятьдесят.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

На что вы сердитесь?

ЛИР

Сейчас отвечу.

(Гонерилье.)

О жизнь и смерть! Стыжусь, что я забыл

Из-за тебя о том, что я мужчина,

Что эти слезы вызваны тобой,

Нисколько их не стоящей. Исчახни
 И сгинь от порчи! Пропади от язв
 Отцовского проклятья!.. О, не плачьте
 Вы, старческие глупые глаза,
 А то я вырву вас и брошу наземь
 Вослед слезам, текущим в три ручья.
 Вот до чего дошло! Ну, будь что будет.
 Еще другая дочь есть у меня.
 Она добра. Я на нее надеюсь.
 Я расскажу ей про тебя. Она
 Ногтями исцарапает, волчица,
 Лицо тебе! Не думай, я верну
 Себе всю мощь, которой я лишился,
 Как ты вообразила. Я верну!

Уходят Лир, Кент и свита.

ГОНЕРИЛЬЯ

Ты это слышал?

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Слышал, Гонерилья.

Но быть пристрастным из любви к тебе...

ГОНЕРИЛЬЯ

Довольно! Позовите мне Освальда.—

А ты, скорее плут, чем шут, живей

Ступай за господином.

ШУТ. Дядюшка Лир! Лир, дядюшка Лир, погоди, захвати
 шута с собою!

С лисой из капкана

И дочкой поганой

Кончай, не смущаясь.

Да жаль, не достану

Петли и аркана

И сам убираюсь.

(Уходит.)

ГОНЕРИЛЬЯ

Придумал ловко, нечего сказать:

Сто рыцарей! Сто рыцарей, готовых

Фантазии любые старика

В любое время поддержать оружием!

А нам все эти буйства, шум и гам

Всегда терпеть с опасностью для жизни?
Но где Освальд?

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Мне кажется, твой страх

Преувеличен.

ГОНЕРИЛЬЯ

Лучше опасаться

Без меры, чем без меры доверять.
От бед спасает только осторожность.
Я знаю слишком хорошо отца
И о его словах пишу Регане.
А если после моего письма
Она ему оставит эту сотню
Вразрез со мной...

Возвращается Освальд.

Ах, это ты, Освальд!

Готово ли письмо к сестре?

ОСВАЛЬД

Готово.

ГОНЕРИЛЬЯ

Возьми с собой немедленно людей —
И на коней. К письму прибавишь устно
Про наши страхи. Присовокуши
И личные свои соображенья.
Спеши и возвращайся поскорей.

Освальд уходит.

А ваша бесхарактерная кротость —
Будь сказано вам, герцог, не во гнев —
Скорее непростительная глупость,
Чем признак настоящей доброты.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Зато вы бьете в цель неумоимо.
Смотрите лишь, не попадите мимо.

ГОНЕРИЛЬЯ

Однако...

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Будущее нам покажет.

Уходят.

СЦЕНА 5

Двор в замке герцога Альбанского.

Входят Лир, Кент и шут.

ЛИР. Отправляйся в Глостер с этим письмом. Не прибавляя дочери ничего от себя, а только отвечай на вопросы, которые она задаст тебе, прочтя письмо. Если ты не поторопишься, я приеду туда раньше тебя.

КЕНТ. Я глаз не сомкну, милорд, пока не передам вашего письма. *(Уходит.)*

ШУТ. Если бы мозги у человека были в пятках, не грозили бы его уму мозоли?

ЛИР. Грозили бы.

ШУТ. В таком случае поздравляю тебя. Твоим мозгам никогда не придется ходить в туфлях.

ЛИР. Ха-ха-ха!

ШУТ. Увидишь, как милостиво примет тебя другая дочь. Хотя одна похожа на другую, как лесное яблоко на садовое, позволь мне знать то, что я знаю.

ЛИР. Что же ты знаешь, дружок?

ШУТ. Что на вкус они обе окажутся такими же кислыми, как два лесных яблока. Можешь ли ты сказать, почему нос на лице у человека посредине?

ЛИР. Нет.

ШУТ. Чтобы иметь по обе стороны от себя по глазу. Чего не разнюхает нос, то глаза досмотрят.

ЛИР. Я был так несправедлив к ней...

ШУТ. А можешь ли ты сказать, как устрица делает свою раковину?

ЛИР. Нет.

ШУТ. Я тоже не могу. А зачем улитке домик, я знаю.

ЛИР. Зачем?

ШУТ. Чтобы было куда всовывать голову, а не подставлять ее под удары дочерям вместе с незащищенными рожками.

ЛИР. Надо переделать свою природу.— Такого доброго отца! — Готовы лошади?

ШУТ. Твои ослы пошли за ними. Любопытна причина, по которой в семизвездье семь звезд, а не больше.

ЛИР. Потому что их не восемь?

ШУТ. Совершенно верно. Из тебя вышел бы хороший шут.

ЛИР. Вернуть все силою! — Неблагодарное чудовище!

ШУТ. Если бы ты был моим шутом, дяденька, я бы всегда колотил тебя за то, что ты состарился раньше времени.

ЛИР. Как это?

ШУТ. Тебе нельзя было стариться, пока не поумнееешь.

ЛИР

Не дайте мне сойти с ума, о боги!

Пошлите сил, чтоб не сойти с ума!

Входит придворный.

Готовы лошади?

ПРИДВОРНЫЙ

Милорд, готовы.

ЛИР

Идемте.

ШУТ

В том мало смеху, что уходит шут.

Вас тоже в жизни перемены ждут.

Уходят.

АКТ II

СЦЕНА I

Двор в замке графа Глостера.

Входят с разных сторон Эдмунд и Куран.

ЭДМУНД. Здравствуй, Куран.

КУРАН. Здравствуйте, сэр. Только что я был у вашего отца с извещением, что герцог Корнуэльский и герцогиня Регана предполагают пожаловать к нему сегодня вечером.

ЭДМУНД. С какою целью?

КУРАН. Не знаю, право. Слышали новости? То, о чем шепчутся кругом. Потому что вслух этого еще не произносят.

ЭДМУНД. Нет, не слыхал. Расскажи, пожалуйста.

КУРАН. Говорят, что, по-видимому, будет война между герцогом Корнуэльским и Альбанским. Неужели не слыхали?

ЭДМУНД. Ни слова.

КУРАН. Со временем услышите. Прощайте, сэр. (*Уходит.*)

ЭДМУНД

Здесь будет герцог? Хорошо. Тем лучше.

Мне это очень на руку. Отец

Велел найти и взять под стражу брата.
 Еще одно мне дело предстоит:
 Потребуется скорость и решимость...
 Брат, на два слова! Слышишь, брат!

Спустись.

Входит Эдгар.

Брат, за тобой отец следит. Спасайся.
 Он выведал, где прячу я тебя.
 Беги, воспользовавшись мраком ночи.
 Скажи, ты ничего не говорил
 Плохого о Корнуоле? Он к нам едет
 С Реганой, на ночь глядя, второпях.
 Ты не проговорился ли о ссоре
 Его с Альбанским герцогом? Припомни.

ЭДГАР

Нет, никогда. Я помню хорошо.

ЭДМУНД

Сюда отец идет. Прости. Притворно
 Я меч свой обнажу против тебя.
 Вынь свой для вида.— «Отбивай!

Сдавайся!»

Теперь, покамест нет отца, беги.—
 «Огня сюда!» — Спасайся, брат, спасайся!—
 «Эй, люди с факелами!» — Так. Прощай.

Эдгар уходит.

Немного крови, чтоб отец подумал,
 Что бой был жаркий.

(Ранит себя в руку.)

Люди во хмелю

Сильней себя кромсают смеха ради.—
 Отец! Отец! На помощь!.. Ни души.

Входят Глостер и слуги с факелами.

ГЛОСТЕР

Где этот изверг?

ЭДМУНД

Здесь, сейчас в потемках,
 Шепча заклятья, он стоял с мечом
 И призывал луну помочь злодейству.

ГЛОСТЕР

Но где он?

ЭДМУНД

Посмотрите, я в крови.

ГЛОСТЕР

Но где он, этот негодяй?

ЭДМУНД

Он скрылся,

Едва лишь убедился, что не мог...

ГЛОСТЕР

Постой.— Поймать его! Скорей в погоно!

Несколько слуг уходит.

Не мог чего?

ЭДМУНД

Не мог меня склонить

К тому, чтоб я убил вас. Безуспешно

Я говорил, как небеса казнят

Отцеубийц, напоминал о связи

Между родителями и детьми.

Увидев мой испуг и отвращенье,

Он вынул меч, нанес сплеча удар

И ранил в руку. Тут же спохватился,

Что я готов за правду постоять

И буду драться, испугался криков,

Которые я поднял, и бежал.

ГЛОСТЕР

Пускай бежит, поимки не избегнет.

И схватят — и конец. Мой господин

И покровитель, благородный герцог

Нас посетит сегодня. Он издаст

Приказ о быстром розыске злодея

С наградой тем, кто выдаст нам его,

И наказаньем смертью за укрытье.

ЭДМУНД

Увидев, что его не отвратить

От преступления, я его задумал

Пугнуть разоблаченьем, но в ответ

Он возразил: «Бесправный сын побочный,

Ты спорить собираешься со мной?

Да кто тебе поверит? Чем докажешь

Ты правду слов своих и правоту,
Когда я буду отрицать улики
И почерк свой подделкой объявлю?
Кто будет слушать эти обвинения,
Раз смерть моя так выгодна тебе,
Что надо быть тупицей, чтоб не видеть,
Как сильно должен ты желать ее!»

ГЛОСТЕР

О подлый лжец! Он собственную подпись
Решится отрицать? Не мой он сын!

Трубы за сценой.

Приехал герцог с неизвестной целью.
Я упрошу его закрыть пути
И гавани. Не улизнет преступник.
Мы для его поимки разошлем
По всей стране его изображение.
Тебе же, мальчик мой, я передам
Права наследовать мои владенья.

Входят герцог Корнуэльский, Регана и свита.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Ну как, мой друг? Едва сюда я прибыл,
Я новости ужасные узнал.

РЕГАНА

Все казни мягки, если это правда.
Как чувствуете вы себя, милорд?

ГЛОСТЕР

Разбито сердце старое, разбито!

РЕГАНА

Неужто крестник моего отца,
Эдгар, на вашу жизнь мог покушаться?

ГЛОСТЕР

О леди, леди, совестно признать!

РЕГАНА

А не водил он дружбы с бунтарями
В отцовской свите?

ГЛОСТЕР

Право, я не знаю.
Все это слишком, слишком тяжело!

ЭДМУНД

Да, герцогиня, он из этой шайки.

РЕГАНА

Чему ж дивиться? Видно, этот сброд
И подстрекал его, чтобы с убийцей
Потом наследство ваше пропивать.
От общества их предостерегает
Сестра в письме, и я покину дом,
Когда они к нам на постой приедут.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

И я, Регана.—Я слышал, Эдмунд,
Что вы себя при этом показали
Достойным сыном?

ЭДМУНД

Это был мой долг.

ГЛОСТЕР

Он умысел раскрыл и при попытке
Схватить злодея ранен был в борьбе.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

За ним в погоню послано?

ГЛОСТЕР

Конечно.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Когда поймают, больше никому
Не будет он опасен. Как хотите
Управьтесь с ним от моего лица.
А вас, Эдмунд, чья преданность и доблесть
Так явно говорят здесь за себя,
Хотел бы я зачислить к нам на службу.
Я доверяю людям вроде вас.
Беру вас первым.

ЭДМУНД

Оправдаю выбор.

ГЛОСТЕР

Благодарю вас, герцог, за него.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Вы знаете, зачем мы к вам явились?

РЕГАНА

Причем — не вовремя, ночной порой!
Тому причиной важные события,
Насчет которых нужен ваш совет.

Отец с сестрою пишут нам о ссоре.
 Их спор я предпочла бы разобрать
 На чьей-нибудь чужой, не нашей почве
 И дать оттуда на письмо ответ.
 Гонимы здесь дожидаются. Заставьте
 Себя отвлечься от своих невзгод
 Для наших, не терпящих отлагательств.

ГЛОСТЕР

Рад вам служить, миледи, и за честь
 Почту гостями видеть вас обоих.

Уходят.

СЦЕНА 2

Перед замком Глостера.

Входят с разных сторон Кент и Освальд.

ОСВАЛЬД. С наступающим утром, приятель. Ты здешний?

КЕНТ. Да.

ОСВАЛЬД. Где бы нам лошадей поставить?

КЕНТ. В любую лужу.

ОСВАЛЬД. Не шутя, скажи, будь другом.

КЕНТ. Я совсем не друг тебе.

ОСВАЛЬД. А мне дела нет до твоей дружбы.

КЕНТ. Если бы ты попался мне в Липсберийском загоне, было б у тебя до меня дело.

ОСВАЛЬД. Что ты привязался ко мне? Я тебя не знаю.

КЕНТ. Зато я, брат, знаю тебя.

ОСВАЛЬД. Кто ж я по-твоему?

КЕНТ. Подлец, мерзавец, блюдолиз. Низкий, надутый дурак и прощелыга, вот ты кто. Холоп и хозяйкин угодник в шерстяных чулках, с душонкой доносчика, с помадой и зеркальцем в сундучке, твоим единственным богатством. Гнусный лстец, который готов на любую пакость, чтобы отличиться, по всю жизнь остается обыкновенной гадиной чистой воды. Подхалим, которого я избею до бесчувствия, если он осмелится отречься хотя бы от одного из этих определений.

ОСВАЛЬД. Вот несуразный! И все это — человеку, которого он видит в первый раз и который сам знать его не знает!

КЕНТ. Ах ты, бесстыжая рожа! Что ты притворяешься,

будто не знаешь меня? Двух дней не будет, как я сшиб тебя с ног и отдул на глазах у короля. Берись за меч, каналья! Хотя еще ночь, но светит месяц. Я приготовлю из тебя рубленое мясо под лунною подливкой. Берись за меч, папильотка из парикмахерской, берись! *(Обнажает свой меч.)*

ОСВАЛЬД. Отстань! Я не желаю связываться с тобой.

КЕНТ. Вынимай меч, мошенник! При тебе письма против короля. Ты пособник этой спесивой куклы, строящей козни против своего царственного отца. Защищайся, каналья, а то я искрошу и поджарю тебя. Держись, бездельник, отражай мои удары!

ОСВАЛЬД. Караул! Режут! Караул!

КЕНТ. Рубись, ничтожество! Отбивайся! Действуй! *(Бьет его.)*

ОСВАЛЬД. Караул! Режут! Режут!

Входит Эдмунд.

ЭДМУНД. Что тут такое? Это что за свалка?

КЕНТ. Сюда, сюда, милейший! Вам тоже захотелось? Пожалуйте, пожалуйста, молодой человек, попробуйте крови.

Входит Глостер.

ГЛОСТЕР. Мечи? Оружье? Что здесь происходит?

Входит герцог Корнуэльский, Регана и слуги.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Под страхом смерти — тише, не шуметь!

Поднявший меч умрет. — Кто эти люди?

РЕГАНА

Гонцы от короля и от сестры.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Из-за чего затеяли вы драку?

ОСВАЛЬД

Едва дышу, милорд.

КЕНТ. Немудрено. Какого ты набрался страху! Эх ты, трус несчастный, природа отрекается от тебя. Не она, а какой-нибудь портной смастерил тебя.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ. Что за чудак! Почему портной? Разве портной может скроить человека?

КЕНТ. Конечно, портной. А то кто же? Каменотес или живописец в час или два работы изготовил бы что-нибудь позанятнее.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ. Все-таки отчего вы подрались?

ОСВАЛЬД. Этот старый грубиян, которого я пощадил только ради его седой бороды...

КЕНТ. Ах ты, ижица, лишняя буква в азбуке! — Милорд, позвольте, я сотру его в порошок и выкрашу им стены нужника. «Пощадил только ради его бороды...» Ах ты, трясогузка!

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Молчать, бездельник! Видно, ты забыл,

В чьем ты присутствии?

КЕНТ

Нет, сударь, помню.

Но и у гнева есть свои права.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Чем ты разгневан?

КЕНТ

Что дано оружие

Свинье, которой чести не дано.

О, эти лживые лстецы! Как крысы,

Они перегрызают пополам

Святые узы крови, угождают

Страстям господ, льют масло в их огонь

И леденят их каменные души.

Что «да» сказать, что «нет», им все равно.

Лишь угодить бы тем, за кем без смысла

Они послушно бегают, как псы.

У, чтоб тебя! Над чем ты скалишь зубы?

Какой тут смех? Шут, что ли, я тебе?

Понался б ты мне, гусь, в Саремском поле,

Летел бы до Камлота гогоча.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Ты не рехнулся?

ГЛОСТЕР

Что за спор меж вами?

КЕНТ

На свете неприязни нет сильнее,

Чем между мной и этим негодяем.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Чем негодяй он? В чем его вина?

КЕНТ

Не правится его лицо мне.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Вот как?

Быть может, и мое, его, ее?

КЕНТ

Сэр, ремесло мое — быть откровенным.

Мне попадались лица лучше тех,

Которые я вижу пред собою.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Ах, вот он что за птица! Кто-нибудь

Однажды похвалил его за резкость,

Он с выгодой и стал играть на ней.

Он угождать не любит. Ключет — ладно,

Не выгорит — ну что ж, па то он прост.

Мне этот сорт обманщиков известен.

За ложной прямою их больше зла,

Чем в раболепье двадцати придворных.

КЕНТ

По совести и чести, пред лицом

Особы светозарной вашей, герцог,

Сияющей, как Феб, снопом лучей...

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Постой. Что хочешь выразить ты этим?

КЕНТ. Раз вам не нравится моя манера речи, я изменю ее. Действительно, я не льстец. Однако тот, кто обманул вас ноткою простодушия, был простым мерзавцем, — разряд простоты, к которому я не могу себя причислить.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Чем ты его обидел?

ОСВАЛЬД

Я — ничем.

А вот король недавно по ошибке

Прибил меня, а этот подоспел,

Ко мне подкрался сзади, дал подножку

И над лежачим без стыда трунил.

Король хвалил его за этот подвиг.

Припомнив эти славные дела,

Здесь на меня набросился он снова.

КЕНТ

Послушать красноречивая, так Аякс* —
Щенок пред ним

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Подать сюда колодки!

Ты посидишь в них, неуч и хвостун!
Я проучу тебя!

КЕНТ

Я стар учиться.

А от колодок лучше отказаться.

Я с поручением к вам от короля,

Его гонец — двойник его особы.

В колодки посадить его посла —

Почти что личный вызов государю.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Подать колодки! Он в них просидит
До самого обеда.

РЕГАНА

До обеда?

До вечера? И ночь всю напролет!

КЕНТ

Сударыня, за что? Да будь я даже

Псом вашего отца, а не послом,

Не нужно бы со мной так обращаться.

РЕГАНА

Но вы не пес отца, а негодяй!

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Вот про таких людей сестра и пишет. —
Колодки где?

Приносят колодки.

ГЛОСТЕР

Послушайте, милорд,

Оставьте это. Пусть его накажет

В ответ на вашу жалобу король.

К такому наказанию присуждают

Подонков общества, бродяг, воров

И прочий сброд. Король на эту меру

Обидится.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Ответственность на мне.

РЕГАНА

Сестре гораздо, может быть, обидней,
Что безнаказанно ее людей
Позорят здесь при исполнении долга.—
Надеть колодки на него!

Кента сажают в колодки.

Идем.

Все, кроме Глостера и Кента, уходят.

ГЛОСТЕР

Мне жаль тебя, но тут хозяин — герцог.
Ему перечить, знаешь сам, нельзя.
Однако я попробую вступиться.

КЕНТ

Не надо, сэр. В дороге я не спал,
И мне все будет нипочем, как выплюсь.
Велико дело — ноги защемить.
Бывает хуже, как защемит сердце.
Прощайте, сэр.

ГЛОСТЕР

Нет, герцог поступил нехорошо!
(Уходит.)

КЕНТ

Да, мой король, час от часу не легче.
Попал ты из дождя да под капель.—
Зажгись скорей, луна, маяк Вселенной,—
Я при твоих лучах прочту письмо.
Хоть больше нет чудес, они бывают
Еще с людьми, попавшими в беду.
Не чудо ли: Корделия мне пишет!
Она узнала, где скрываюсь я,
И только ждет удобного мгновенья,
Чтобы помочь. Итак, глаза мои
Усталые, закройте, чтоб не видеть
Позорного приюта. Ну, судьба,
Еще раз улыбнись мне. Доброй ночи.
К удаче поверни мне колесо.
(Засыпает.)

СЦЕНА 3

Лес.

Входит Эдгар.

ЭДГАР

Я слышал приговор себе заочный
И скрылся от погони здесь в дупле.
Все гавани закрыты. Нет местечка,
Где не расставлено мне западни.
Я буду прятаться, пока удасться.
Приму нарочно самый жалкий вид
Из всех, к каким людей приводит бедность,
Почти что превращая их в зверей.
Лицо измажу грязью, обмотаюсь
Куском холста, взьерошу волоса
И полуголым выйду в непогоду
Навстречу вихрю. Я возьму пример
С бродяг и полоумных из Бедлама.
Они блуждают с воплями кругом,
Себе втыкают в руки иглы, гвозди,
Колючки розмарина и шипы
И, наводя своим обличем ужас,
Собирают подаянье в деревнях,
На мельницах, в усадьбах и овчарнях,
Где плача, где грозясь. Какой-нибудь
«Несчастный Том» еще ведь значит что-то,
А я, Эдгар, не значу ничего.

(Уходит.)

СЦЕНА 4

Перед замком Глостера.

Кент в колодках. Входят Лир, шут и придворный.

ЛИР

Уехали из замка, а гонца
Ко мне не отослали. Непонятно.

ПРИДВОРНЫЙ

Вчера, как слышал я со стороны,
О выезде они не помышляли.

КЕНТ

Будь славен, благородный государь!

ЛИР

Ты этим срамом коротаешь время?

КЕНТ

Нет, милорд.

ШУТ Ха-ха-ха! Жесткие на нем подвязки! Лошадей при
вязывают за голову, собак и медведей — за шею, обезьян —
поперек туловища, а людей — за ноги. Кто больно прыток, тому
надевают на ноги деревянные чулки.

ЛИР

Кто должности твоей не оценил
И посадить посмел тебя в колодки?

КЕНТ

Он и она, ваш зять и ваша дочь.

ЛИР

Нет!

КЕНТ

Да.

ЛИР

Нет, говорю я!

КЕНТ

А я говорю — да!

ЛИР

Нет, нет, они бы не посмели!

КЕНТ

Да вот посмели, как видно.

ЛИР

Клянусь Юпитером, что нет!

КЕНТ

Клянусь Юноною, что да.

ЛИР

Не верю.

Они бы не решились, не могли,
Не покусились бы. Ведь это хуже
Убийства! Предумышленно нанести
Такое оскорбление! Что ты сделал,
Ты, мой посол, чтоб на себя навлечь
Такой позор?

КЕНТ

Когда, привезши в замок
От вашего величества письмо,
Его сдавал я, стоя на коленях,

Вбежал в пыли, в поту другой гонец.
 Он им привез письмо от Гонерильи,
 С которым и протиснулся вперед,
 Не давши мне докончить порученье.
 Когда они прочли ее письмо,
 То заспешили и, собравши свиту,
 Вскочили на коней, велевши мне
 Поехать вслед и ожидать ответа.
 Тут я наткнулся снова на гонца,
 Который повредил мне на приеме,—
 Того же самого, что говорил
 Вам дерзости па днях у Гонерильи.
 Вспылив сильней, чем разум позволял,
 Я вынул меч, и он трусливым криком
 Созвал весь дом. Ваш зять и дочь нашли,
 Что поведение мое достойно
 Такого наказания.

ШУТ. Зима еще не прошла, коли гуси летят в ту сторону
 Отец в лохмотьях на детей
 Наводит слепоту.
 Богач отец всегда милей
 И на ином счету.
 Судьба продажна и низка
 И презирает бедняка.

Но это еще что! В будущем тебе предстоит столько огорчений
 от дочерей, что в год не сочтешь.

ЛИР

Меня задушит этот приступ боли!
 Тоска моя, не мучь меня, отхлынь!
 Не подступай с такою силой к сердцу!—
 Где дочь, ты говоришь?

КЕНТ

Она в гостях

У графа в замке.

ЛИР (*приворному*)

Не ходи за мною.

Останься здесь.

(*Уходит.*)

ПРИДВОРНЫЙ

Вы больше ничего

Не сделали? Вы рассказали правду?

КЕНТ

Да, больше ничего. Но с королем
Так мало вас. Где остальная свита?

ШУТ. Вот если бы ты сидел в колодках за такой вопрос,
это было бы по заслугам.

КЕНТ. Почему, шут?

ШУТ. Надо отдать тебя в ученье к муравью. Он тебя научит, что зимою нет заработка. Все люди с нюхом, и при том не слепые, глядят в оба. Из двадцати нет никого, кто бы не чувствовал, когда начинает плохо пахнуть. Отходи в сторону, когда с горы катится большое колесо, чтобы оно не сломало тебе шею, но хватайся за него, когда оно поднимается в гору. Если мудрец даст тебе лучший совет, верни мне мой обратно. Пусть только мерзавцы следуют ему, раз дурак даст сго.

Того, кто служит за барыш
И только деньги ценит,
В опасности не сохранишь
И он в беде изменит.
Но шут твой — преданный простак,
Тебя он не оставит.
Лукавый попадет впросак,
Но глупый не слукавит.

КЕНТ. Где ты, дурак, это выучил?

ШУТ. Где бы ни выучил, да не в колодках, как ты, дурак.

Возвращается Лир с Глостером.

ЛИР

Не могут говорить со мной? Больны?
Утомлены дорогой? Отговорки!
Непослушанья знаки! Пусть они
Как следует ответят.

ГЛОСТЕР

Государь мой!

Вы знаете, как герцог сгоряча
Неукротим. Его не переспоришь.

ЛИР

Смерть! Мщенье! Что за черт! Неукротим?
Мне надо, надо, понимаешь, Глостер,
Мне надо видеть герцога с женой!

ГЛОСТЕР

Мой государь, я говорил им это.

ЛИР

Ты говорил! А понял ты меня?

ГЛОСТЕР

Да, государь.

ЛИР

Вот надо как сказать:

Король желает говорить с Корнуолом,
 С родною дочкой — любящий отец,
 И ждет ее услуг. Сказал ты это?
 Нет! Жизнь и кровь моя! Скажи, скажи
 Неукротимому... постой, не надо.
 Действительно, он болен, может быть,
 И многое простительно болезни.
 Мы сами не свои, когда душа
 Томится всеми немощами тела.
 Я погожу. Я слишком был горяч
 И не подумал. Было безрассудно
 Слова больного принимать всерьез.
 Однако погоди.

(Глядя на Кента.)

Какого черта

Сидит в колодках этот человек?
 Нет, их отъезд сюда — одна увертка.
 Освободить его! Ступай, скажи
 Ему и ей, что я хочу их видеть
 Немедленно, что я им приказал
 Прийти для объяснений, а иначе
 Я барабанить в спальне прикажу
 Так, чтоб скончались спящие от страха.

ГЛОСТЕР

Ах, если бы все кончилось добром!

(Уходит.)

ЛИР

Как больно бьется сердце! Тише, тише!

ШУТ. Прикрикни на него, дяденька, как стряпуха на угрей,
 которых она живьем запекала в тесто. Она щелкала их палкой
 по головам и кричала: «Не высовывайтесь, проказники!»
 А ее брат так любил свою лошадь, что кормил ее сеном с
 маслом.

Входят герцог Корнуэльский, Регана,
Глостер и слуги.

ЛИР

Привет вам, дети.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Здравствуйте, милорд.

Кента освобождают.

РЕГАНА

Я рада вашей светлости.

ЛИР

Еще бы!

А то б я должен был расторгнуть брак
С могилой матери твоей, хранящей
Обманщицы останки.

(Кенту.)

А, тебя

Освободили? Но об этом после.—

Моя Регана дорогая, знай:

Твоя сестра — большая негодяйка.

Она, как коршун, мне вонзила в грудь

Жестокости своей дочерней когти.

(Хватаясь за сердце.)

Не в силах говорить. Ты угадать

Не можешь, сколько злости в ней, Регана!

РЕГАНА

Спокойней, сэр. А я убеждена,

Что вы совсем без всяких оснований

Несправедливы к ней.

ЛИР

Как мне понять?

РЕГАНА

Мне трудно допустить, чтоб Гонерилья

Могла забыть свой долг. А если ей

Пришлось унять бесчинства вашей свиты,

Я одобряю этот трезвый шаг.

ЛИР

Будь проклята она!

РЕГАНА

Отец, вы стары.

Жизнь ваша у предела. Вам нужна

Поддержка и советы тех, кто знает
 Природу вашу лучше вас самих.
 Поэтому, пожалуйста, вернитесь
 К сестре. Чистосердечно перед ней
 Сознайтесь в том, что были вы неправы.

ЛИР

Просить у ней прощенья? А на что
 Похоже это будет? Полюбуйся.

(Становится на колени.)

«Родная дочь, никчемен я и стар.
 Не откажи, молю я на коленях,
 Дать мне одежду, пищу и постель!»

РЕГАНА

Оставьте скоморошничать. Довольно.
 Вернитесь к ней.

ЛИР *(поднимаясь)*

Регана, никогда!

Она мне вдвое сократила свиту,
 Смотрела исподлобья на меня,
 Словами ядовитыми язвила.
 Пусть небеса обрушат месть свою
 Ей на голову. Пламя лихорадки,
 Спали ее!

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Нехорошо, милорд!

ЛИР

Стремительные молнии, сверканьем
 Ей выжгите бесстыжие глаза!
 Болезнь, испепели ее гордыню!
 Пары болот, разъежьте ей лицо!

РЕГАНА

О боги! И меня, наверно, так же
 В припадке гнева будете вы клясть?

ЛИР

Тебя? О нет! За что ж тебя, Регана?
 Твой кроткий нрав мне повода не даст.
 Ее надменный взгляд приводит в ярость,
 А твой — миротворит. Не станешь ты
 Отказывать мне в радостях и средствах
 На содержание моего двора
 И заширяться при моем приходе.

Ты не глуха ведь к голосу родства,
Законам вежливости, чувству долга.
Забыть не сможешь ты, что я тебе
Полкоролевства отдал.

РЕГАНА

Ближе к делу.

ЛИР

В колодки кем посажен мой слуга?

Трубы за сценой.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Чьи это трубы?

РЕГАНА

Верно, Гонерильи.

В письме есть о приезде речь.

Входит Освальд.

Ну как,

Приехала миледи?

ЛИР

Вот мерзавец,
Чванливо-наглый потому, что он
Уверен в покровительстве хозяйки.
Прочь с глаз моих!

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Чем я могу служить

Вам, ваша милость?

ЛИР

По чьему приказу
Мой человек в колодках? Убежден,
Что ты не знала этого, Регана!

Входит Гонерилья.

Но нет, кто это? Боги, если вам
Любезна старость, мило послушанье
И сами вы не молоды, молю
Принять мое несчастье близко к сердцу!
(Гонерилье.)

Тебе не стыдно бороды моей?
Ужель, Регана, ты подашь ей руку?

ГОНЕРИЛЬЯ

Подаст, конечно. Почему же нет?
Не все порок, что кажется пороком
Безумцу и брюзге.

ЛИР

О грудь моя!

Снесла все это и цела осталась? —
Как угодил в колодки мой слуга?

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

По моему приказу. Я напрасно
Его еще так мягко наказал.

ЛИР

Так это вы осмелились? Вы сами?

РЕГАНА

Не забывайте лет своих, отец.
Живите в соответствии с годами.
Сначала погостите у сестры,
Полсвиты распустив, а через месяц
Пожалуйте с таким же штатом к нам.
Я здесь сама в гостях и не успела
Для встречи с вами приготовить дом.

ЛИР

Вернуться к ней и распустить полсвиты?
Нет, лучше я от крова откажусь
И в обществе совы и волка сдамся
На милость непогоды и нужды!
Вернуться к ней? Тогда ведь есть в запасе
Король Французский, пылкий муж меньшей,
Которую он взял, презрев приданым.
Я брошусь в ноги к ним и попрошусь
К ним приживальщиком до самой смерти!
Вернуться к ней! Я лучше соглашусь
Подручным быть у этого лакея.

(Показывает на Освальда.)

ГОНЕРИЛЬЯ

Как вам угодно.

ЛИР

Дочка, не своди

Меня с ума. Я более не буду
Мешать тебе. Прощай, мое дитя.
Я больше никогда с тобой не встречусь.

Но все ж ты плоть, ты кровь, ты дочь моя,
Или, верней, болячка этой плоти
И, стало быть, моя болезнь, нарыв,
Да, опухоль с моею гнойной кровью.
Я не браню тебя. Пускай в тебе
Когда-нибудь самой проснется совесть.
Я стрел не кличу на твое чело,
Юпитеру не воссылаю жалоб.
Исправься в меру сил. Я подожду.
Я буду в это время жить с Реганой
В кругу ста рыцарей.

РЕГАНА

Прошу простить:
Принять вас я, к несчастью, не готова.
Я не ждала вас. Знаете, отец,
Послушайтесь сестры. Вы пошумели,
Вы стары, все забыто, а сестре
Видней, что делать.

ЛИР

К месту ль эти речи?

РЕГАНА

Она права. Полсотни человек
Вполне довольно. Неужели мало?
Да нет, и этих много чересчур:
И дорого, и страшно. Согласитесь,—
При двоевластьи с этакой толпой
Хранить порядок в доме невозможно.

ГОНЕРИЛЬЯ

И наконец, скажите, чем вам плох
Уход ее или моей прислуги?

РЕГАНА

И правда, сэр. Когда не угодят,
Мы проберем их. Кстати, при наездах
Ко мне, боюсь, я вам позволю взять
Лишь двадцать пять, не больше, провожатых.

ЛИР

Я все вам дал!

РЕГАНА

И вовремя, отец.

ЛИР

Все передал на ваше усмотренье

И только выговорил для себя
 Такую свиту. Правильно ль я слышал?
 Из слуг я взять могу лишь двадцать пять,
 Сказала ты, Регана?

РЕГАНА

Да, сказала.

Лишь двадцать пять, еще раз повторю.

ЛИР

Плохие, стало быть, не так уж плохи,
 Когда есть хуже. Кто не хуже всех,
 Еще хорош.

(Гонерилье.)

Тогда к тебе я еду.

Полсотни больше двадцати пяти

В два раза, значит — ты в два раза лучше.

ГОНЕРИЛЬЯ

Сказать по правде, эти двадцать пять
 И десять или пять излишни в доме,
 Где к вам приставят вдвое больше слуг.

РЕГАНА

Ни одного не нужно.

ЛИР

Не ссылайся

На то, что нужно. Нищие и те
 В нужде имеют что-нибудь в избытке.
 Сведи к потребностям всю жизнь,
 И человек сравняется с животным.
 Ты женщина. Зачем же ты в шелках?
 Ведь цель одежды — только чтоб не зябнуть,
 А эта ткань не греет, так тонка.
 Что неотложно нужно мне? Терпенье.
 Вот в чем нужда. Терпенье нужно мне.
 О боги, вот я здесь! Я стар и беден,
 Согбен годами, горем и нуждой.
 Пусть даже, боги, вашим попушением
 Восстали дочери против отца,—
 Не смейтесь больше надо мной. Вдохните
 В меня высокий гнев. Я не хочу,
 Чтоб средства женской обороны — слезы —
 Пятнали мне мужские щеки! Нет!
 Я так вам отомщу, злодейки, ведьмы,

Что вздрогнет мир. Еще не знаю сам,
Чем отомщу, но это будет нечто
Ужаснее всего, что видел свет.
Вам кажется, я плачу? Я не плачу.
Я вправе плакать, но на сто частей
Порвется сердце прежде, чем посмею
Я плакать.— Шут мой, я схожу с ума!

Уходят Лир, Глостер, Кент и шут.
Вдали шум приближающейся бури.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Уйдемте. Надвигается гроза.

РЕГАНА

Здесь в доме тесно. Старика со свитой
Немыслимо здесь было б разместить.

ГОНЕРИЛЬЯ

Сам виноват. Зачем мой дом оставил?
Пускай теперь пеняет на себя.

РЕГАНА

Его бы я охотно приютила,
Но больше никого.

ГОНЕРИЛЬЯ

Да, ты права.

Где Глостер?

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Провожает старика.

Вот он вернулся.

Возвращается Глостер.

ГЛОСТЕР

В короле бушует

Вся кровь от гнева.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Что предпримет он?

ГЛОСТЕР

Велел всем на коня. Куда — не знаю.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Ну что ж, пускай. Не надобно мешать.

ГОНЕРИЛЬЯ

Не уговаривайте, чтоб остался.

ГЛОСТЕР

Стемнеет скоро. Наступает ночь.

Бушует вихрь. На много миль в округе
Нет ни куста.

РЕГАНА

Что ж, поделом. Плоды
Его упрямства и ему наука
На будущее время. Мой совет —
Замкнуть ворота. С ним головорезы,
И без труда его подговарят
На что угодно. Будем осторожны.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Заприте входы, граф. Жена права.
Неистовая ночь! Уйдем от бури.

Уходят.

АКТ III

СЦЕНА I

Стень.

Буря с громом и молнией. Входят с разных сторон
Кент и придворный.

КЕНТ

Эй, кто здесь, кроме бури?

ПРИДВОРНЫЙ

Человек,

Как буря, беспокойный.

КЕНТ

Я вас знаю.

А где король?

ПРИДВОРНЫЙ

Сражается один
С неистовой стихией, заклиная,
Чтоб ветер сдунул землю в океан
Или обрушил океан на землю,
Чтоб мир переменялся иль погиб.
Рвет волосы свои, и буйный ветер
Уносит их, хватая и крутя.
Всем малым миром, скрытым в человеке,
Противится он вихрю и дождю,
Которые сцепились в рукопашной.

В такую ночь, когда не выйдут вон
Медведица, и лев, и волк голодный,
Он мечется с открытой головой
И гибели самой бросает вызов.

КЕНТ

Но кто с ним?

ПРИДВОРНЫЙ

Никого. Один лишь шут,
Стараящийся шутками развеять
Его тоску.

КЕНТ

Сэр, по всему тому,
Что знаю я о вас, я вам доверю
Существенную тайну. Мира нет
Меж герцогом Корнуэльским и Альбанским,
Как это ни скрывают до сих пор.
У них, как и у всех владык, есть слуги,
Привязанные к ним на первый взгляд,
Но в сущности — французские шпионы.
Они доносят своему двору
Все сведения о нашем королевстве.
Там знают всё: о герцогах, об их
Раздорах, о суровом обращенье
Со старым нашим добрым королем.
Да и о том еще, перед чем все это —
Одни цветочки. Верно лишь одно:
В истерзанный наш край явилось войско
Из Франции. Наш недосмотр помог
Им высадиться. Не сегодня-завтра
Они, подняв знамена, вступят в бой.
Доверьтесь мне и поспешите в Дувр.
Там вы найдете ту, кто наградит
Вас щедро за подробное известье
О короле, о страшной, роковой
Беде его. И вот что в заключение:
Я родом дворянин, и я даю
Вам с полной верой это порученье.

ПРИДВОРНЫЙ

Еще раз потолкуем.

КЕНТ

Ни к чему.

А в знак того, что я гораздо больше,
 Чем я кажусь, вот вам мой кошелек
 И все, что в нем. Вы встретите, наверно,
 Корделию. Вот вам мое кольцо.
 Вы ей его покажете при явке
 И от нее узнаете поздней,
 Кто я, ваш незнакомый собеседник.
 Ну и гроза! Пойду за королем.

ПРИДВОРНЫЙ

Я руку вам пожму. Вы б не хотели
 Прибавить что-нибудь еще?

КЕНТ

Хочу.

Два слова, и притом о самом важном:
 Кто первый набредет на короля
 (А я пойду в ту сторону, вы — в эту),
 Тот мигом дай другому знак о том.

Расходятся.

СЦЕНА 2

Другой конец степи.

Буря продолжается. Входят Лир и шут

ЛИР

Дуй, ветер! Дуй, пока не лопнут щеки!
 Лей, дождь, как из ведра и затопи
 Верхушки флюгеров и колоколен!
 Вы, стрелы молний, быстрые как мысль,
 Деревья расщепляющие, жгите
 Мою седую голову! Ты, гром,
 В лепешку сплюсни выпуклость Вселенной
 И в прах развей прообразы вещей
 И семена людей неблагодарных!

ШУТ. Да, дяденька, святая вода светского общения в сухом
 доме куда приятнее этой дождевой вне ограды! Вернемся,
 дяденька, назад и попросим у твоих дочерей отпущения гре-
 хов. Такая ночь не разбирает ни дураков, ни умных.

ЛИР

Вой, вихрь, всюю! Жги, молния! Лей, ливень!

Вихрь, гром и ливень, вы не дочери мне,
Я вас не упрекаю в бессердечье.
Я царств вам не дарил, не звал детьми,
Ничем не обязал. Так да свершится
Вся ваша злая воля надо мной!
Я ваша жертва — бедный, старый, слабый.
Но я ошибся. Вы не в стороне —
Нет, духи разрушенья, вы в союзе
С моими дочерьми и войском всем
Набросились на голову седую,
Подобную моей. Не стыдно вам?

ШУТ. У кого есть дом, куда сунуть голову, тот, бесспорно,
с головой на плечах.

Кто в брак вступает второпях,
Не позаботившись о доме,
Тот будет скоро весь во вшах,
Как оборванец на соломе.
Внимание надо посвящать
Душе, а не большому пальцу,
А то мозоль не даст вам спать,
Пустяк вас превратит в страдальца.

Не нравится? А была ли на свете красавица, которая бы не
дулась на свое зеркало?

ЛИР

О нет, я буду образцом терпенья,
Ни слова больше не скажу.

Входит Кент.

КЕНТ

Кто здесь?

ШУТ. Всё, что надо. Голова и хвост, рассудительный и
дурак.

КЕНТ

Вы вот где, сэр? Ночную тварь и ту бы
Такая ночь спугнула. Гнев небес
Удерживает хищников в берлогах.
С тех пор как я живу, я не слышал
Такого грома и такого ливня
С такими молниями не видал.
Не в наших силах вынести без последствий
Так много горя.

ЛИР

Боги, в высоте
Гремящие, перстом отметьте ныне
Своих врагов! Преступник, на душе
Твоей лежит сокрытое злодейство.
Опомнись и покайся! Руку спрячь
Кровавую, непойманный убийца!
Кровосмеситель с праведным лицом,
Клятвопреступник с обликом святого,
Откройте тайники своих сердец,
Гнездилища порока, и просите
Помилования свыше! Я не так
Перед другими грешен, как другие —
Передо мной.

КЕНТ

С открытой головой!
Здесь рядом есть шалаш. Он вас укроет
От бури. Я тем временем вернусь
В твердыню, жители которой тверже,
Чем камень стен ее. Я к ним ходил,
Разыскивая вас, но не был впущен,
Еще раз попытаюсь. Не добром,
Так силою добьюсь гостеприимства.

ЛИР

Я, кажется, сойду сейчас с ума.—
Что, милый друг, с тобой? Озяб, бедняжка?
Озяб и я. Где, братец, твой шалаш?
Алхимия нужды преобразует
Навес из веток в золотой шатер.
Мой бедный шут, средь собственного горя
Мне так же краем сердца жаль тебя.

ШУТ *(поет)*

У кого ума крупица,
Тот снесет и дождь, и град.
Он ненастья не боится,
Счастьем и несчастьем рад.

ЛИР. Верно, дружок.— Ну веди нас в свой шалаш.

Лир и Кент уходят.

ШУТ. Это подходящая ночь, чтобы охладить любые
страсти. Перед тем как уйти, попророчествую:

Когда попов пахать заставят,
Трактирщик пива не разбавит,
Портной концов не утаит,
Сожгут не ведьм, а волокит,
В судах наступит правосудье,
Долгов не будут делать люди,
Забудет клеветник обман
И не полезет вор в карман,
Закладчик бросит деньги в яму,
Развратник станет строить храмы,—
Тогда придет конец времен,
И пошатнется Альбион,
И сделается общей модой
Ходить ногами в эти годы.

Это пророчество сделает Мерлин*, который будет жить после меня. (*Уходит.*)

СЦЕНА 3

Комната в замке Глостера.
Входят Глостер и Эдмунд.

ГЛОСТЕР. Эдмунд, Эдмунд, не нравится мне это бессердечие! Когда я попросил у них позволения помочь ему, они стали хозяйничать у меня в доме и запретили мне под страхом вечной опалы заикаться о нем, просить за него и как бы то ни было его поддерживать.

ЭДМУНД. В высшей степени дико и бесчеловечно!

ГЛОСТЕР. Ладно, помалкивай. Герцоги повздорили! Есть кое-что посерьезней. Я получил вечером письмо. О нем опасно говорить. Я его запер у себя в комнате. Несправедливости, которые терпит король, не останутся без отмщения. В стране высадилось чужое войско. Нам надо стать на сторону короля. Я разыщу его и тайно помогу ему. Ступай займи герцога разговором, чтобы он не заметил моего отсутствия. Если он спросит, где я, скажи, что я болен и лег в постель. Хотя бы мне пригрозили за это смертью, я не могу оставить без помощи короля, моего старого повелителя. Станные дела творятся на свете, Эдмунд! Будь, пожалуйста, поосторожнее. (*Уходит.*)

ЭДМУНД

Про тайную поддержку короля
И про письмо я герцогу открою.

Вот случай выслужиться перед ним.
 Старик пропал. Я выдвинусь вперед.
 Он пожил — и довольно. Мой черед.
(Уходит.)

СЦЕНА 4

Край степи с шалашом.
 Буря продолжается. Входят Лир, Кент и шут.

КЕНТ

Вот он, шалаш. Войдите, государь.
 Не стойте в бурю под открытым небом —
 Простудитесь.

ЛИР

Ступай, оставь меня.

КЕНТ

Войдите.

ЛИР

Ты разбить мне сердце хочешь?

КЕНТ

Охотнее я разобью свое.
 Войдите, государь.

ЛИР

Какой ты странный!

Ты думаешь, промокнуть до костей —
 Такое горе? Но несчастье меркнет
 Пред большею напастью. Например:
 Ты прибежал, спасаясь от медведя,
 К бушующему морю — ты свернешь
 Медведю в пасть. При бодром духе тело
 Чувствительно. Но у меня в груди
 Все вытеснено вон душевной бурей.
 Одно томит, одно я сознаю,
 Одно: дочернюю неблагодарность!
 Ведь это все равно, как если б рот
 Кусал его питающую руку.
 Но я им покажу! Довольно слез.
 Прогнать меня в такую ночь наружу!
 Лей, ливень! Вытерпеть достанет сил.
 В такую ночь! Регана, Гонерилья!

Отца, который стар, и отдал все,
И вас любил!.. Слабеет мой рассудок.
От этого легко сойти с ума!

КЕНТ

Мой государь, укроемся под крышей.

ЛИР

Заботься о себе. Мне ураган
Приносит облегчение. Он мешает
Мне думать о другом. Но я войду.
(Шуту.)

Иди вперед, дружок. Ты нищ, без крова.
Я помолюсь и тоже лягу спать.

Ш у т входит в шалаш.

Бездомные, нагие горемыки,
Где вы сейчас? Чем отразите вы
Удары этой лютой непогоды,
В лохмотьях, с непокрытой головой
И тощим брюхом? Как я мало думал
Об этом прежде! Вот тебе урок,
Богач надменный! Стань на место бедных,
Почувствуй то, что чувствуют они,
И дай им часть от своего избытка
В знак высшей справедливости небес.

ЭДГАР (из шалаша). Сажень с половиной, сажень с половиной! Бедный Том!

Ш у т выбегает из шалаша.

ШУТ. Не ходи туда, дяденька! Там нечистая сила! Ой, страсти, ой, страсти!

КЕНТ. Дай руку мне. Кто там?

ШУТ. Злой дух, злой дух! Он говорит, что его зовут бедный Том.

КЕНТ. Кто ты, рычащий там, в соломе? Выйди!

Из шалаша выходит Эдгар, притворяющийся сумасшедшим.

ЭДГАР. Бегите! Бесы гонятся за мной! В терновнике северный ветер свистит. Ложись в холодную постель и согрейся.

ЛИР

Ты отдал все своим двум дочерям
И стал таким?

ЭДГАР. Подайте милостыньку бедному Тому! Черт носил его через костры огненные, броды и омуты, по трясинам и топям. Черт подкладывал Тому ножи под подушку, вешал петли над его сиденьем, подсыпал яду ему в похлебку. Соблазнял его скакать верхом на гнедом через мосты-жердочки за своею тенью, чтобы поймать ее,—зачем подсматривает. Храни бог ваш ум в целости. Брр, Тому холодно! Чур вас от вихря, от порчи, от звездного глаза. Подайте Тому на пропитание. Бес мучит его. Вот он, поганный! Ну, погоди! Вот я его! Вот я его!

Буря продолжается.

ЛИР

Что стало с человеком из-за дочек!
Ты отдал все? Ты ничего не спас?

ШУТ. Только передник остался. А то нам было бы неловко смотреть на него.

ЛИР

Так пусть все зло, которым полон воздух,
На мерзких дочерей твоих падет!

КЕНТ. У него нет дочерей, государь.

ЛИР

Сгинь, отрицатель! Кто мог надругаться
Над бедным, кроме жадных дочерей?
Как вижу я, телесное страданье —
Законный бич всех изгнанных отцов.
И поделом! Их тело виновато
В рожденье кровожадных дочерей.

ЭДГАР

Сидел на кочке Пилликок.

Сидел на бугорке...

ШУТ. Эта холодная ночь превратит нас всех в шутов и сумасшедших.

ЭДГАР. Берегись злого духа, почитай родителей, будь верен слову, не божись, не заглядывайся на чужую жену, не приучай своей милой к роскоши. Тому холодно.

ЛИР. Кем был ты раньше?

ЭДГАР. Гордецом и ветреником. Завивался. Носил пер-

чатки на шляпе. Угождал своей даме сердца. Повесничал с ней. Что ни слово, давал клятвы. Нарушал их средь бела дня. Засыпал с мыслями об удовольствиях и просыпался, чтобы их себе доставить. Пил и играл в кости. По части женского пола был хуже турецкого султана. Сердцем был лжив, легок на слово, жесток на руку, ленив, как свинья, хитер, как лисица, ненасытен, как волк, бешен, как пес, жаден, как лев. Не давай скрипу тувелек и шелесту шелка соблазнять тебя, не бегай за юбками, сторонись ростовщиков, не слушай наущений дьявола.

В терновнике северный ветер свистит.

Да ну его, пусть себе свищет, зуда!

Дофин, мой наследник, не бегай туда.

Буря продолжается.

ЛИР. Лучше было бы тебе лежать в могиле, чем подставлять свое голое тело под удары непогоды. Неужели вот это, собственно, и есть человек? Присмотритесь к нему. На нем все свое, ничего чужого. Ни шелка от шелковичного червя, ни воловьей кожи, ни овечьей шерсти, ни душистой струи от мускусной кошки. Все мы с вами поддельные, а он настоящий. Неприкрашенный человек и есть именно это бедное, голое двуногое животное, и больше ничего. Долой, долой с себя все лишнее! Ну-ка отстегни мне вот тут. *(Срывает с себя одежды.)*

ШУТ. Перестань, дяденька. Не такая ночь, чтобы купаться. Теперь мало-мальский огонек какой-нибудь в степи — все равно что искорка жизни в старческом сердце. Только одна она и теплится, а все остальное застыло. Кстати, не блуждающий ли огонек вдаль? Видите? И кажется, к нам.

ЭДГАР. Это бес Флибертиджиббет. Он шатается по ночам, наводит бельма, косой глаз, заячью губу, гноит пшеницу на корню и губит все живое.

Три раза Витольд им грозился святой*,

И топал на ведьм и кикимор пятой,

И сбросил их с метел,

И их отохотил

Проказить, прикрывшись ночной темнотой.

Сгинь, ведьма! Сгинь, рассыпсья!

КЕНТ. Как вы себя чувствуете, ваше величество?

Входит Глостер с факелом.

ЛИР. Кто это?

КЕНТ. Кто идет? Кого вы ищете?

ГЛОСТЕР. Кто вы такие? Как ваши имена?

ЭДГАР. Мое имя — бедный Том! Он питается лягушками, жабами, головастиками и ящерицами. В припадке, когда одержим злым духом, не гнушается коровьим пометом, глотает крыс, гложет падаль и запивает болотной плесенью. Он переходит из села в село, от розог к розгам, из колодок в колодки, из тюрьмы в тюрьму. У него три камзола на зад, шесть рубашек на теле, лошадь в конюшне и меч на боку.

Но лишь мышей и крыс семь лет

Давали Тому на обед.

Берегитесь моего демона, вот он рыщет. Брысь, Смолкин! Брысь, нечистый!

ГЛОСТЕР.

В каком вы низком обществе, милорд!

ЭДГАР

О нет, Модó и Мéго — злые духи

Не из простых. Князь тьмы — недаром князь.

ГЛОСТЕР

Так выродились люди, ваша светлость,

Что восстают на тех, кто их родил!

ЭДГАР. Бедный Том озяб.

ГЛОСТЕР

Со мной пойдемте. Ваших дочерей

Нельзя мне слушаться из чувства долга.

Они велели бросить вас в степи,

Без крова, одного, в такую бурю.

Но я вас отыскал и отведу

В пристанище, где есть огонь и пища.

ЛИР

Я этого философа сперва

Хочу спросить: что есть причина грома?

КЕНТ

Пойдемте с ним, куда он пригласил.

ЛИР

Лишь слово-два с фиванцем этим мудрым.

Что ты постиг?

ЭДГАР

Как бесов изгонять

И гадов бить.

ЛИР

Я с ним посоветуюсь.

КЕНТ (*Глостеру*)

Настойчивее. Он в полубреду.

Добейтесь, чтоб пошел он вместе с нами.

ГЛОСТЕР

Забредишь, если дочери его

Задумывают гибель государя!

Как это все предвидел честный Кент!

Так Лир, ты полагаешь, помешался?

Есть от чего. Я тоже за себя

Совсем не поручусь. Имел я сына.

Я от него отрекся и изгнал.

Он умышлял на жизнь мою недавно,

Совсем на днях. А я его любил,

Как никого. И вот тоска об этом

Мне не дает покоя... Что за ночь!

Пойдемте с нами, государь.

ЛИР

Простите,

Философ мудрый, окажите честь.

ЭДГАР. Том озяб.

ГЛОСТЕР

Вот твой шалаш. Укройся.

ЛИР

Все войдемте.

КЕНТ

А нам в другую сторону, милорд.

ЛИР

С философом своим я не расстанусь.

КЕНТ (*Глостеру*)

Придется уступить. Возьмем с собой

Помешанного.

ГЛОСТЕР

Видимо, придется.

КЕНТ

Пойдем-ка с нами, братец. Шевелись!

ЛИР

Пожалуйте, афинянин почтенный.

ГЛОСТЕР

Но не шумите. Тише, я прошу.

ЭДГАР

Наехал на черную башню Роланд,
А великан как ахнет:
«Британской кровью пахнет»*.

Уходят.

СЦЕНА 5

Комната в замке Глостера.

Входят герцог Корнуэльский и Эдмунд.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ. Я отплачу ему, прежде чем покину его дом!

ЭДМУНД. О нет, милорд! А то меня будут укорять в том, что верность присяге заглушила мои сыновние чувства. Мне страшно подумать об этом.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ. Теперь я вижу, что твой брат покушался на него совсем не по злему умыслу, а потому, что Глостер сам этого заслуживал.

ЭДМУНД. Какая несчастная судьба у меня! Мне приходится жалеть, что я поступил правильно. Вот письмо, о котором он говорил мне. Из него явствует, что он шпионил в пользу Франции. О небо! Как бы мне хотелось, чтобы не было этой измены и мне не выпало на долю раскрыть ее!

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ. Пойдем со мной к герцогине.

ЭДМУНД. Если содержание письма подтвердится, у вас бездна хлопот впереди.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ. Подтвердится или не подтвердится, а письмо сделало тебя графом Глостером. Разыщи своего отца, чтобы мы немедленно могли задержать его.

ЭДМУНД (*в сторону*). Если я застаю его утешающим короля, это возбудит еще больше подозрений. (*Громко.*) Я и дальше буду верен гражданскому долгу, хотя для этого мне придется подавлять голос крови.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ. Доверяю тебе и с успехом заменю тебе отца своею любовью.

Уходят.

СЦЕНА 6

Комната на ферме, прилегающей к замку.
Входят Глостер, Лир, Кент, шут и Эдгар.

ГЛОСТЕР. Здесь все-таки лучше, чем на открытом воздухе. Поэтому не взыщите. Пойду придумаю еще что-нибудь, чтобы было поудобнее. Я отлучусь ненадолго.

КЕНТ. Его умственные силы не вынесли такого потрясения.— Награди вас боги за вашу доброту!

Глостер уходит.

ЭДГАР. Фратеретто зовет меня. Он говорит, что Нерон промышляет рыбачеством у озера тьмы на том свете*. Молись, дурачок, и остерегайся нечистого.

ШУТ. Скажи, дяденька, какое званье у полоумного? Дворянин он или простолюдин?

ЛИР. Король, король!

ШУТ. Нет. Полоумный — это такой простолюдин, у которого сын дворянин. Потому что надо быть сумасшедшим, чтобы, будучи простолюдином, иметь над собой сына дворянина.

ЛИР

Пусть дьяволы калеными щипцами
Ухватят и потащат их в огонь!

ЭДГАР. Злой дух кусает меня в спину!

ШУТ. Полоумный — это вот кто: кто верит в кротость волка, в честность конского барышника, в любовь мальчика и полагается на клятвы изменницы.

ЛИР

Да будет так. Я буду их судить.
(Эдгару.)

Садись сюда, ты сведущий судья.
(Шуту.)

А ты сюда, мудрец.— Я вас, лисицы!

ЭДГАР. Ишь как он на них уставился! Опустите глаза на суде, сударыня.

Плыви ко мне, Бесси, через ручей*.

ШУТ

Но есть в лодчонке течь.
Завесь об этом речь
Нет смелости у ней.

ЭДГАР. Злой дух свищет соловьем бедному Тому в уши. Гопденс пляшет в животе у него и бурчит: «Дай селедку, дай селедку!» Кыш, нечисть, не квакай! Не дам ничего!

КЕНТ

Вам плохо, государь. Ведь так нельзя.
Прилягте, отдохните. Вот подушки.

ЛИР

Начнем допрос.— Свидетели, вперед!
(*Эдгару.*)

Садись на место в мантии судейской.
(*Шуту.*)

Садись и ты с ним рядом на скамью.
(*Кенту.*)

А вы сюда, присяжный заседатель.

ЭДГАР Рассудим справедливо.

Не спи, пастух, гони мечту,
Твои стада во ржи.
Рожок свой приложи ко рту
И путь им покажи.

Мрр, мрр! Эта кошка — серая.

ЛИР. Допросим ее первую. Это Гонерилья. Клятвенно утверждаю перед этим почтенным собранием, что она пишками вытолкала бедного короля, отца своего.

ШУТ. Подойдите, сударыня. Ваше имя Гонерилья?

ЛИР. Она не будет отрицать этого.

ШУТ. Простите, пожалуйста: я вас принял за скамейку.

ЛИР

А вот другая. Этот взгляд косой
Свидетельствует о ее двуличье.—
Куда? Держи! К оружию! Огня!
Подкуплен суд! Зачем, судья лукавый,
Ты дал ей улинуть?

ЭДГАР. Сохрани боги твой ум в целости.

КЕНТ

Как страшно это все! Где, государь,
Хваленая бывая ваша ясность?

ЭДГАР (*в сторону*)

Я слезы лью так искренне о нем,
Что ложный вид свой ставлю под опасность.

ЛИР

Все маленькие шавки — Трей, и Бланш,
И Милка — лают на меня. Смотрите.

ЭДГАР. А вот Том швырнет в них своей головой. Пошли
воп, дворняжки!

Ты белянка иль черныш,
Все равно ты завизжишь.
Чистокровная иль помесь,
Взвоешь, с Томом познакомась.
Пес-красавчик, пес-урод
Всех мастей и всех пород —
Волкодав, спаньель, овчарка, —
Всем задам, всем будет жарко,
Как в вас запущу башкой.

Тири-лири, поехали по ярмаркам, по базарам да по святым
местам. Обеднел ты, Том, стал сухим твой рог для сбора
подавния*.

ЛИР. Судья, я требую медицинского вскрытия Реганы.
Исследуйте, что у нее в области сердца, почему оно каменное.
(Эдгару.) Вы, сэр, кажется, один из моих рыцарей. Но мне не
нравится, как вы одеты. Вы скажете, что это персидский
наряд. Все равно, надо переменить его.

КЕНТ. Прилягте, государь, и отдохните.

ЛИР. Не шумите. Не шумите. Задерните полог... Так.
Хорошо. Завтра встанем, утром поужинаем. Так. Хорошо.

ШУТ. А я лягу спать в полдень.

Возвращается Глостер.

ГЛОСТЕР

Поди сюда, мой милый. Где король?

КЕНТ

Вот он. Но тише. Он ума лишился.

ГЛОСТЕР

Скорее на руки его возьми.
Я заговор против него подслушал.
Носилки здесь. Уложите его —
И мигом в Дувр. Там все уже готово.
Поторопись унести его скорей.
Минута дорога. Помедлишь — гибель
Ему и нам. Приподыми его.
Иди за мной. Я вам собрал охрану.

КЕНТ

Он спит, намучившись, глубоким сном.
 О, если б, отдохнув, по пробужденье
 Он вновь рассудком здравым овладел!

(Шуту.)

Помог бы ты нести нам господина.
 Не отставай.

ГЛОСТЕР

Идем. Скорей, скорей!

Кент, Глостер и шут уходят и уносят Лира.

ЭДГАР

Когда мы старших видим жертвой бедствий,
 Бледнеет наше горе в их соседстве.
 Ужасно одиночество в беде,
 Когда кругом довольные везде,
 Но горе как рукой бывает снято
 В присутствии страдающего брата.
 Свои несчастья легче я терплю,
 Увидевши, как горько королю.
 Детьми обижен он, а я — отцом.
 Но близко, близко время, бедный Том!
 Оправданный от клеветы, невинный,
 Откроешься ты скоро, сняв личину
 Теперь бы только королю спастись,
 А до тех пор скрывайся, Том, таись.
 (Уходит.)

СЦЕНА 7

Комната в замке Глостера.

Входят герцог Корнуэльский, Регана,
 Гонерилья, Эдмунд и слуги.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ. Поезжайте скорее к вашему мужу. Покажите ему это письмо. Французские войска высадились. — Отыскать изменника Глостера!

Часть слуг уходит

РЕГАНА. Повесить его немедленно!

ГОНЕРИЛЬЯ. Врывать у него глаза!

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ. Предоставьте его моему гневу.— Сопровождайте нашу сестру к ее мужу, Эдмунд. Лучше вам не видеть взыскания, которому мы подвергнем вашего предателя-отца. Посоветуйте герцогу, к которому вы едете, всемерную поспешность в вооружении. Мы тоже приготовимся. Поддерживайте с нами быструю и постоянную связь.— Прощайте, дорогая сестра. Прощайте, граф Глостер.

Входит Освальд.

А, это ты? Узнал ты, где король?

ОСВАЛЬД.

Ему помог бежать отсюда Глостер.

При короле до тридцати пяти

Приверженцев. Они его искали

Всю ночь и с ним столкнулись у ворот.

Ватага эта с графскою подмогой

Пустилась к Дувру. Там, по их словам,

Их ждут друзья с большой военной силой.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Подайте герцогине лошадей.

ГОНЕРИЛЬЯ

Прощай, сестра. Прощайте, милый герцог.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Прощай, Эдмунд.

Гонерилья, Эдмунд и Освальд уходят.

Немедленно найти

Злодея Глостера! Связать, как вора,

И привести.

Оставшиеся слуги уходят.

Хотя его нельзя

Казнить без видимости правосудья,

Найдем мы способ ярость утолить,

Не возбуждая толков. А, предатель!

Часть слуг возвращается с Глостером.

РЕГАНА

Коварная лисица! Это он!

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Вяжите крепче высохшие руки.

ГЛОСТЕР

Милорд, миледи! Не платите злом
За доброе мое гостеприимство.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Вяжите, я сказал!

Слуги вяжут Глостера.

РЕГАНА

Не так, не так.

Покрепче! У, бессовестный!

ГЛОСТЕР

Неправда!

Я с совестью, а вы вот — без души.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Привязывайте к креслу. — Будешь помнить,
Предатель!

Регана дергает Глостера за бороду.

ГЛОСТЕР

Боги, боги, старику

Рвать бороду!

РЕГАНА

Так сед и так коварен!

ГЛОСТЕР

Бессовестная! Эти волоса,
Которые ты вырвала, предстанут
На будущем суде! Я дал вам кров,
А вы мне, как разбойники, за это
Увечите лицо! Что надо вам?

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Какие вам на днях прислали письма
Из Франции?

РЕГАНА

Ответьте напрямик.

Мы знаем всё.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

В каком вы соглашеньё

С врагом, недавно вторгшимся в наш край?

РЕГАНА

Куда вы короля препроводили?

ГЛОСТЕР

Письмо не от врага, а от лица
Стороннего.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Не смеет влиять!

РЕГАНА

Неправда!

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Куда ты короля отправил?

ГЛОСТЕР

В Дувр.

РЕГАНА

Как это — в Дувр! Наперекор запрету?

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Пусть объяснит, с какою целью в Дувр.

ГЛОСТЕР

Я связанный сию. Глумитесь вволю.

РЕГАНА

Зачем же в Дувр?

ГЛОСТЕР

Затем, чтоб не видеть,

Как вырвешь ты у старика глаза

Когтями хищницы, как клык кабаньи

Вонзят твою свирепая сестра

В помазанника тело. Этой бури

И море б не снесло и, став стеной

До самых звезд, их залило бы пеной,

А старец с непокрытой головой

В такую ночь бродил во тьме кромешной,

И слезы лил, и ими помогал

Небесным тучам изливаться ливнем.

Когда б в такую бурю у ворот

Завыли волки, приказать бы надо:

«Впусти их, сторож». Бешенство и злость

Сдались бы, но не ты. Но я увижу,

Как гром испепелит таких детей.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Увидишь? Никогда ты не увидишь!

Держите кресло, молодцы! Сейчас

Я растопчу твои глаза ногами!

(Вырывает глаз у Глостера.)

ГЛОСТЕР

Кто думает до старости дожить,
Ко мне на помощь! Ужас! Боги! Боги!

РЕГАНА

Рви и второй. Он первому укор.

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Ну что, увидишь?

ПЕРВЫЙ СЛУГА

Опустите руку.

Я с детства вам служил, но в этот миг
Служу всего усердней, уещая,
Чтоб вы одумались.

РЕГАНА

Ты смеешь, пес?

ПЕРВЫЙ СЛУГА

Одумайтесь и вы! Будь вы мужчиной,
Я б вас за это за бороду взял!
Что вы творите?

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Раб!

(Обнажает меч.)

ПЕРВЫЙ СЛУГА

Придется драться

За правый гнев!

(Вынимает меч, защищает и ранит герцога Корнуэльского.)

РЕГАНА *(другому слуге)*

Дай меч твой! Бунтовать?

Умри!

*(Выхватывает меч из рук другого слуги и поражает
первого слугу в спину.)*

ПЕРВЫЙ СЛУГА

Убили! Граф, у вас, по счастью,
Остался глаз один. Взгляните им,
Как он наказан, граф!
(Умирает.)

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Он не увидит.

Вон, гадостная слизь! Наружу хлынь!

Ну, где твой блеск?

(Вырывает другой глаз у Глостера.)

ГЛОСТЕР

О тьма! О безутешность!

О мой Эдмунд! Сыновнюю любовь
Раздуй в пожар и отомсти за это!

РЕГАНА

Не стоишь ты того, чтоб называть
Его по имени. Тебя он выдал.
Он верен нам, и честь ему не даст
Жалеть тебя.

ГЛОСТЕР

О, как я ошибался!

Эдгар был оклеветан!.. Небеса,
Помилуйте, спасите мне Эдгара!

РЕГАНА

Гоните в шею! Носом пусть найдет
Дорогу в Дувр.— Милорд, мой друг, что с вами?

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ

Я ранен. Дайте обопрись. Идем.—
Слепца — за дверь, а мертвого холопа —
На свалку.— Только б кровью не истечь!
Не вовремя я ранен. Дайте руку.

Герцог Корнуальский уходит, поддерживаемый Реганой.
Часть слуг отвязывает Глостера и уводит его.

ВТОРОЙ СЛУГА

Да, ежели такого человека
Минует кара,— нет ни в чем греха.

ТРЕТИЙ СЛУГА

А ежели она умрет старухой —
Чудовища заменят женский пол.

ВТОРОЙ СЛУГА

Давайте-ка пойдем за ослепленным
И Тома сумасшедшего возьмем
Ему в поводыри. Он очень годеен
Для этой цели.

ТРЕТИЙ СЛУГА

Я хочу достать
Белков и льна для перевязок графу.
Пойдем. Помилуй, небо, старика!

Уходят.

АКТ IV

СЦЕНА I

Степь.

Входит Эдгар.

ЭДГАР

Отверженным быть лучше, чем блистать
И быть предметом скрытого презренья.
Для тех, кто пал на низшую ступень,
Открыт подъем и некуда уж падать.
Опасности таятся на верхах,
А у подножий место есть надежде.
О ветер, дуй! Ты стер меня во прах,
Мне больше нечего тебя бояться.
Однако кто там?

Входит старик, ведя за руку Глостера.

Это мой отец!

С поводырем! О мир, о мир превратный!
Несчастья так нам ухудшают жизнь,
Что облегчают смерть.

СТАРИК

Восьмой десяток,

Как я у вас и вашего отца,
Мой добрый граф, возделываю землю.

ГЛОСТЕР

Уйди, мой друг. Меня уж не спасти,
А ты себя погубишь.

СТАРИК

Как без зренья

Найти вам путь?

ГЛОСТЕР

Нет у меня пути,
И глаз не надо мне. Я оступался,
Когда был зряч. В избытке наших сил
Мы заблуждаемся, пока лишенья
Не вразумят нас. Бедный мой Эдгар,
Несчастливая мишень слепого гнева

Отца обманутого! Если б мне
Дожить, чтобы рукой тебя ощупать.
Мне кажется, опять бы я прозрел!

СТАРИК

Кто тут?

ЭДГАР (*в сторону*)

О боги! Разве был я вправе
Сказать, что я достиг предела мук?
Ближайший миг прибавил мне страдания.

СТАРИК

Вот бедный Том.

ЭДГАР (*в сторону*)

И хуже может стать.
Пока мы стонем: «Вытерпеть нет силы»
Еще на деле в силах мы терпеть.

СТАРИК

Куда идешь, приятель?

ГЛОСТЕР

Это нищий?

СТАРИК

И полоумный.

ГЛОСТЕР

Он не так уж глуп,
Раз кормится. Вчера я видел в бурю
Такого же. «Подобный человек
Как червь», — подумал я и вспомнил сына
С предубеждением. Много я с тех пор
Успел узнать. Как мухам дети в шутку,
Нам боги любят крылья обрывать.

ЭДГАР (*в сторону*)

Ну, как теперь? Нелегкое занятие
Разыгрывать шута перед лицом
Его и своего страдания. — Мир вам!

ГЛОСТЕР

Что это, голый нищий?

СТАРИК

Да, милорд.

ГЛОСТЕР

Тогда ступай. Достань мне, сделай милость,
Из платья что-нибудь, чтоб приодеть
Нагую эту душу. Ты догонишь

Нас по дороге в Дувр. Я взять хочу
Его в поводыри.

СТАРИК

Он полоумный.

ГЛОСТЕР

В наш век слепцам безумцы вожак,
Исполни просьбу и ступай отсюда.

СТАРИК

Я дам ему свой праздничный наряд,
И будь что будет.

(Уходит.)

ГЛОСТЕР

Эй, голяк!

ЭДГАР

Том зябнет.

(В сторону.)

Я больше притворяться не могу!

ГЛОСТЕР

Поди сюда!

ЭДГАР *(в сторону)*

А притворяться надо.

(Громко.)

Да будет мир глазам твоим в крови!

ГЛОСТЕР

Скажи, ты знаешь Дуврскую дорогу?

ЭДГАР. Со всеми мостками и переходами, проезжую и пешеходную. Бедный Том пуганный, он помешался. Чур тебя, добрый человек, от бесов. Целых пятеро сидело в бедном Томе: Обидикут, бес распутства; Хобидиданс, князь немоты; Маху, дух воровства; Модо, дух убийства, и Флибертиджибет, который строит рожи. Он вышел из Тома, и теперь им одержимы модницы служанки. Мир тебе, добрый человек!

ГЛОСТЕР

Вот кошелек. Возьми его, бедняк.

Ты стерт во прах небесною десницей.

Своей бедой ослаблю я твою.

Всегда б так было, боги! О, когда бы

Пресытившийся и забывший стыд

Проснулся и почуял вашу руку

И поделился лишним! Всем тогда

Хватило б поровну! — Бывал ты в Дувре?

ЭДГАР

Да, господин.

ГЛОСТЕР

Там есть один утес,
Большой, нависший круто над пучиной.
Поможешь мне взобраться на обрыв?
Я награжу тебя. Оттуда больше
Не надо будет мне поводыря.

ЭДГАР

Дай руку. Бедный Том тебя проводит.

Уходят.

СЦЕНА 2

Перед дворцом герцога Альбанского.

Входят Гонерилья и Эдмунд.

ГОНЕРИЛЬЯ

Граф, будьте гостем. Я удивлена,
Что миротворец-муж мой нас не встретил.

Входит Освальд.

Где герцог?

ОСВАЛЬД

Здесь, его нельзя узнать.
Я говорю, что высадилось войско,—
Смеется. Говорю, что вы в пути
И едете сюда, а он: «Тем хуже».
Про Глостера измену говорю
И доблестное поведение сына,—
Он отвечает мне, что я дурак
И будто все толкую наизнанку.
Что неприятно, то его смешит,
Что радовать должно бы, то печалит.

ГОНЕРИЛЬЯ (*Эдмунду*)

Так не входите. Это глупый трус,
Лишенный самолюбья и без гнева
Сносящий оскорбления. Все, о чем
Был разговор доробгой, входит в силу.
Вернитесь к Корнублу. Пусть спешит

И даст вам предводительство войсками.
 Я меч возьму, а мужа засажу
 За прялку. Верный мой дворецкий будет
 Нам связью. Будьте смелым. Впереди —
 Признание вашей дамы. Вот вам лента.

(Дает ему ленту.)

Нагнитесь! Тише! Этот поцелуй,
 Когда бы обладал он даром речи,
 Вознес бы дух твой ввысь! Пойми! Прощай!

ЭДМУНД

До смерти твой!

ГОНЕРИЛЬЯ

Мой драгоценный Глостер!

Эдмунд уходит.

Мужчина как с мужчиною не схож!
 Такой рожден, чтобы увлечь любую,
 А я ничтожеству принадлежу.

ОСВАЛЬД

Сударыня — милорд.

Освальд уходит. Входит герцог Альбанский.

ГОНЕРИЛЬЯ

Что я — собака?

Внимания не стою?

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Гонерилья,

Не стоишь пыли ты, которой зря
 Тебя осыпал ветер. Страшно думать!
 Всё корень знает свой, а если нет,
 То гибнет, как сухая ветвь без соков.

ГОНЕРИЛЬЯ

Довольно! Жалкий вздор!

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Не ново это:

Негодным не годится доброта,
 А собственная грязь милей и ближе.
 Что сделали, что натворили вы,
 Не дочери, а сущие тигрицы?
 Отца в годах, которого стопы
 Медведь бы стал лизать благоговейно,

До сумасшествия вы довели!
И это допустил мой брат и герцог,
Которого старик так одарил?
Нет, если не отмстится по заслугам
Злодейство, доживем мы до того,
Что люди станут пожирать друг друга,
Как чудища морские.

ГОНЕРИЛЬЯ

Жалкий трус

С щеками для пощечин, с головой
Для промахов! Ты разницы не видишь
Меж честью и бесчестьем. Должен знать:
Лишь дураки преступников жалеют,
Делам которых помешала казнь.
Бей в барабан! Французские знамена
Шумят в полях твоих. Стране грозят
Солдаты в шлемах с перьями, в то время
Как ты, апостол кротости, сидишь
И лишь вздыхаешь: «Для чего все это?»

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Глянь на себя. Уродство сатаны
Ничто пред злобной женщины уродством!

ГОНЕРИЛЬЯ

Пустой дурак!

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Зачем так открывать

Свой лик звериный под обличьем женским?
Укрой лицо! Дай волю я рукам,
Я б разорвал тебя с костями и мясом.
Пусть ты чертовка, все ж тебя хранит
Вид женщины.

ГОНЕРИЛЬЯ

Как мужественно это!

Входит гонец.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Что скажешь?

ГОНЕЦ

О мой добрый господин,
Скончался Корнуол. Он убит слугою,

Когда пытался выколоть второй
Глаз Глостеру.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Глаз Глостеру?

ГОНЕЦ

При виде

Злодейства сострадательный слуга
Хотел мечом остановить расправу,
Но герцог заколол его, причем
Был ранен сам и тут же вскоре умер.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Есть, значит, правосудье в небесах,
Раз мигом воздает за наши зверства! —
Скажи, но как же Глостер, бедный граф?
Он слеп теперь?

ГОНЕЦ

Милорд, на оба глаза.—

Вот от сестры письмо вам, госпожа.

Она просила поскорей ответить.

ГОНЕРИЛЬЯ *(в сторону)*

Все это кстати, кроме одного:
Сестра вдова и с ней Эдмунд остался.
Воздушный замок, выстроенный мной,
В опасности. А остальное кстати.

(Громко.)

Сейчас прочту и напишу ответ.

(Уходит.)

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Где был Эдмунд во время ослепленья?

ГОНЕЦ

Сюда уехал с вашей женой.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Его здесь нет.

ГОНЕЦ

Я на пути возвратном

С ним встретился.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Он знает об отце?

ГОНЕЦ

О да, милорд. Он сам его им выдал

И выехал сюда, чтоб облегчить
Расправу с ним.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Я целью жизни, Глостер,
Поставлю отблагодарить тебя
За верность Лиру и воздать сторицей
За слепоту твою.— Пойдем, мой друг.
Подробней мне расскажешь все, что знаешь.

Уходят.

СЦЕНА 3

Французский лагерь близ Дувра.
Входят Кент и придворный.

КЕНТ. Почему французский король так неожиданно вернулся во Францию? Вы не слышали, какова причина?

ПРИДВОРНЫЙ. Его отозвали туда важные государственные дела, угрожавшие Франции большой опасностью и которые он оставил незаконченными, отправляясь на войну.

КЕНТ. Кому передал он командование?

ПРИДВОРНЫЙ. Господину Лафару, маршалу Франции.

КЕНТ. Вызвало ли чтение писем, которые вы передали королеве, печаль у нее?

ПРИДВОРНЫЙ

Она прочла при мне их, временами
На них роняя за слезой слезу,
Но сохраняя царственно господство
Над горестью, которая сама
Хотела взять, казалось, верх над нею.

КЕНТ

Расстроилась?

ПРИДВОРНЫЙ

Не до потери чувств.
Наоборот. Казалось, грусть и стойкость
Поспорили, что больше ей к лицу.
Случалось ли вам видеть дождь сквозь солнце?
Так, улыбаясь, плакала она.
Улыбка на ее губах не знала
Про слезы, застилавшие глаза,
Как жемчуг бы затмили два алмаза.

КЕНТ

Она вопросов вам не задавала?

ПРИДВОРНЫЙ

Раз или два с ее дрожащих губ
Слетели восклицанья: «Сестры! Сестры!
Как совести хватило! Кент! Отец!
В такую ночь! Куда девалась жалость!»
Тут слезы градом хлынули у ней,
И, бросившись стремительно наружу,
Она укрылась, чтоб наедине
Отдаться горю.

КЕНТ

Видно, склад душевный
Заложен свыше. Разве бы дала
Одна чета столь разное потомство? —
Вы после с ней не говорили?

ПРИДВОРНЫЙ

Нет.

КЕНТ

Король Французский был еще в то время?

ПРИДВОРНЫЙ

Нет, выехал.

КЕНТ

Так знайте: в Дувре — Лир.
Минутами приходит он в сознание,
Но отклоняет мысль увидеть дочь.

ПРИДВОРНЫЙ

Милорд, чем объясняете вы это?

КЕНТ

Все время он сгорает со стыда,
Что так ее обидел: отказался
Благословить, отринул, обделил,
Толкнул к чужим и отдал все наследство
Бесчеловечным старшим дочерям.
Стыд этот не дает ему покоя.

ПРИДВОРНЫЙ

Как жаль его! Несчастный человек!

КЕНТ

Об Олбени и Корнуоле слышали?

ПРИДВОРНЫЙ

Слышал. Их силы движутся сюда.

КЕНТ

Ну хорошо. Я провожу вас к Лиру
И с ним оставляю. Некоторый срок
Я буду вынужден еще скрываться,
Когда ж откроюсь, вам не будет жаль,
Что мы знакомы. А теперь пойдемте.

Уходят.

СЦЕНА 4

Там же. Внутренность палатки.

Входят Корделия, врач и солдаты.

КОРДЕЛИЯ

Да, это он. Сейчас мне очевидцы
Рассказывали. Распевает вслух,
Идет и буйствует, как море в бурю.
На нем венок из кашки, васильков,
Репья, чертополоха и крапивы —
Обычных сорных трав в хлебах у нас.
Пошлите роту в поле. Пусть солдаты
Обыщут каждый акр высокой ржи.
Найдите мне его.

Один из офицеров уходит.

Способно ль знание
Вернуть ему рассудок? Я б дала
За это все свои богатства.

ВРАЧ

Средство

Имеется такое, госпожа.
Больничная сиделка наша — отдых.
Вернуть ему покой и усыпить
Бессонный бред помогут наши травы.

КОРДЕЛИЯ

О, силы чудотворные земли,
Подобно глаз моих слезам, забейте
Ключами и уймите боль души
Несчастливого! — Ищите же, ищите
Немедленно его, чтоб невзначай,
Отчаясь, не покончил он с собою!

Входит гонец.

ГОНЕЦ

Войска британцев близко, госпожа.

КОРДЕЛИЯ

Я это знала раньше. Мы готовы.

Тебе в защиту, дорогой отец,

Вооружилась я. Король Французский

К моим мольбам не мог остаться глух.

Я выступила не из жажды славы,

Но из любви, лишь из одной любви,

Чтоб за отца вступиться. Поскорей бы

Увидеть и услышать мне его!

Уходят.

СЦЕНА 5

Комната в замке Глостера.
Входят Регана и Освальд.

РЕГАНА

Брат выставил войска?

ОСВАЛЬД

Да, госпожа.

РЕГАНА

Он сам при них?

ОСВАЛЬД

С большою неохотой.

Его жена воинственней, чем он.

РЕГАНА

Эдмунд и герцог говорили в замке?

ОСВАЛЬД

Нет, госпожа.

РЕГАНА

Что может содержать

Письмо сестры к нему?

ОСВАЛЬД

Не знаю, леди.

РЕГАНА

Он выехал отсюда по делам.

Безумьем было Глостеру слепому

Оставить жизнь. Куда он ни придет,

Он против нас поднимет всех на свете.
Мне кажется, из жалости Эдмунд
Поехал сократить его мученья,
А также на разведку вражьи сил.

ОСВАЛЬД

Мне надобно нагнать его с посланьем.

РЕГАНА

Мы завтра выступаем. До утра
Останься здесь. Пути небезопасны.

ОСВАЛЬД

Мне строго наказала госпожа
Не медлить ни минуты в этом деле.

РЕГАНА

О чем писать Эдмунду ей? Нельзя
Послать распоряженья разве устно?
Послушай... Нет... Послушай, ты меня
Обяжешь... Дай письмо мне распечатать.

ОСВАЛЬД

Сударыня, скорее...

РЕГАНА

Знаю я,

Сестра не любит своего супруга
И на Эдмунда у меня в тот раз
Бросала выразительные взгляды.
Ведь ты ее пособник.

ОСВАЛЬД

Что вы! Я?

РЕГАНА

Не отридай. Прекрасно это знаю.
Так вот что я скажу тебе: мой муж
Скончался. Я помолвлена с Эдмундом.
Он больше мне подходит, чем сестре.
Обдумай это. Если встретишь графа,
Вот для него подарок. А сестра
Пусть будет наперед благоразумней.
Так я, скажи, советую. Найдешь
Изменника слепого — помни, много
Дам я тому, кто устранил его.

ОСВАЛЬД

О, если б, госпожа, он мне попался,
Я б доказал, на чьей я стороне!

РЕГАНА

Счастливого пути!

(Уходит.)

СЦЕНА 6

Местность близ Дувра.

Входят Глостер и Эдгар, одетый крестьянином.

ГЛОСТЕР

Когда же мы взберемся на утес?

ЭДГАР

Мы ~~всходим~~. Замечаете, как круто?

ГЛОСТЕР

Я думал, тут равнина.

ЭДГАР

Нет, обрыв.

Вы слышите шум моря?

ГЛОСТЕР

Нет, не слышу.

ЭДГАР

Как видно, под влиянием слепоты

Все чувства притупились в вас.

ГЛОСТЕР

Возможно.

Мне кажется, твой голос стал другим.

Ты говоришь яснее и толковей.

ЭДГАР

Вы в заблужденье. Я переменил

Один наряд.

ГЛОСТЕР

Нет, разговор стал глаже.

ЭДГАР

Вот это место. Стойте, господин.

Какая жуть — заглядывать с обрыва

В такую глубь! Величиной с жука,

Под нами вьются галки и вороны.

Посередине кручи человек

Повис и рвет морской укроп, безумец.

Он весь-то с голову, а рыбаки

На берегу — как маленькие мыши.

На якоре стоит большой корабль.
Он сверху шлюпкой кажется, а шлюпка
Не больше поплавок — едва видна.
О камни ударяют с шумом волны.
Но их не слышно с этой высоты.
Довольно. Голова б не закружилась!
Еще слетишь. Нет, лучше не глядеть.

ГЛОСТЕР

Поставь меня, где сам ты.

ЭДГАР

Дайте руку.

Вы на краю. Отсюда б не ступил

Ни шагу я за все богатство мира.

ГЛОСТЕР

Пусти меня. Вот новый кошелек
В придачу к прежнему. В нем драгоценность.
Будь счастлив, друг мой, с помощью богов.
Подальше отойди, простясь со мною.
Дай убедиться мне, что ты ушел.

ЭДГАР

Прощайте, добрый сэр!

ГЛОСТЕР

Прощай, мой милый.

ЭДГАР (*в сторону*)

Пародиею этой на прыжок

Я вылечить его хочу.

ГЛОСТЕР (*опустившись на колени*)

О боги!

Я самовольно покидаю жизнь,
Бросаю бремя горестей без спросу.
Когда б я дольше мог снести тоску
Без тяжбы с вашей непреложной волей,
Я б дал светильне жизни догореть
В свой час самой. Благословите, боги,
Эдгара, если жив он.

(*Встает с колени.*)

Ну, прощай.

ЭДГАР

Иду. Ушел.

Глостер бросается вперед и падает на том же месте.

(*В сторону.*)

Небезопасный опыт.

При мысленном решенье умереть
 Смертельна даже мнимая попытка.
 Ведь он теперь в воображение там,
 Где думал прекратить существованье.
(Изменив голос.)

Очнитесь, сударь.

(В сторону.)

Не шутя его

Могло убить волнение. Нет, он ожил.—

Кто вы такой?

ГЛОСТЕР

Прочь, дай мне умереть!

ЭДГАР

Ты что же: воздух, пух или паутина,
 Что рухнул с этой страшной высоты
 И не разбился вдребезги! Ты дышишь,
 Не ранен, разговариваешь, цел!
 Подумай, десять мачт по крайней мере
 Перелетел ты по отвесу вниз.
 Вот чудо! Что-нибудь еще промолви.

ГЛОСТЕР

Действительно упал я или нет?

ЭДГАР

С той меловой скалы. Взгляни-ка, видишь?
 Туда и жаворонку не взлететь.
 Да ты протри глаза.

ГЛОСТЕР

Я их лишился.

Ужель страданию права не дано
 Искать развязки в смерти? Эту вольность
 Прощали все тираны. Каждый мог
 Уйти из жизни, чтоб не подчиняться.

ЭДГАР

Возьми-ка за руку меня. Привстань.
 Колени целы? Твердо ли стоишь ты?

ГЛОСТЕР

Да, слишком твердо.

ЭДГАР

Просто чудеса!

Скажи, кто был с тобой там, на утесе?

ГЛОСТЕР

Несчастный нищий.

ЭДГАР

Сверху на меня

Глядел он парой глаз, больших, как месяц.

Он был рогат и с тысячей носов.

То был какой-то бес. Тебя, родимый,

Поздравить можно: небеса спасли

От гибели тебя. Они всё могут.

ГЛОСТЕР

Я понял всё. Отныне покорюсь

Своей судьбе безропотно, покамест

Она сама не скажет: «Уходи».

Я черта принимал за человека.

Бродяга сам о бесах толковал,

И он привел меня к тому обрыву.

ЭДГАР

Ну вот и успокойся.— Это кто?

Входит Лир, причудливо убранный полевыми цветами.

Умалишенный — видно по наряду.

ЛИР. Нет, они не могут запретить мне чеканить деньги. Это мое право. Я ведь сам король.

ЭДГАР *(в сторону)*

О, душу раздирающая встреча!

ЛИР. Природа в этом отношении выше искусства.— Вот тебе солдатское жалованье. Этот малый держит лук, как воронье пугало. Оттяни мне тетиву на всю длину стрелы. Смотрите, смотрите — мышь! Тише, тише. Мы ее сейчас поймем на этот кусочек поджаренного сыра.— Вот моя железная рукавица. Я ее бросаю в лицо великану. Принесите алебарды.— Хорошо слетала птичка! В цель, прямо в цель!— Говори пароль.

ЭДГАР. Душистый майоран.

ЛИР. Проходи.

ГЛОСТЕР. Знакомый голос!

ЛИР. А! Гонерилья! С седой бородой? Они ласкали меня, как собачку, и ввали, что я умен не по годам. Они на все мне отвечали «да» и «нет». Все время «да» и «нет» — это тоже мало радости. А вот когда меня промочило до костей, когда у меня

от холода не попадал зуб на зуб, когда гром не смолкал, сколько я его ни упрашивал, тогда я увидел их истинную сущность, тогда я их раскусил. Это отъявленные обманщицы. Послушать их, так я — все что угодно. Но это ложь. Я не заговорен от лихорадки.

ГЛОСТЕР

Что это — не король? Знакомый голос.

ЛИР

Король, и до конца ногтей — король.
Взгляну в упор, и подданный трепещет.
Дарую жизнь тебе. — Что ты свершил?
Прелюбодейство? Это не проступок,
За это не казнят. Ты не умрешь.
Повинны в том же мошки и пичужки. —
Творите беззакония. С отцом
Сын Глостера побочный был добрее,
Чем дочери законные — со мной.
Рожайте сыновей. Нужны солдаты. —
Вот дама. Взглянешь — добродетель, лед,
Сказать двусмысленности не позволит,
А в чувственных страстях своих буйна,
Как самка соболя или кобыла.
И так все женщины наперечет:
Наполовину — как бы божьи твари,
Наполовину же — потемки, ад.
Кентавры, серный пламень преисподней,
Ожоги, немошь, пагуба, конец!

ТЬфу, тьфу, тьфу! Аптекарь, — унцию мускусу, чтобы отбить в душе этот смрад! Вот деньги.

ГЛОСТЕР

Дай руку поцелую я тебе.

ЛИР. Вытру сначала. У нее трупный запах.

ГЛОСТЕР

Непрочное создание природы!
Так и Вселенная когда-нибудь
Придет, изнашиваясь, в разрушение.
Ты знаешь ли меня?

ЛИР. Твои глаза мне памятни. Что ты косишься на меня? Стреляй, Купидон с завязанными глазами! Я не боюсь твоих стрел. Больше я не полюблю. Прочти вызов, который я им написал. И каким слогом, обрати внимание!

ГЛОСТЕР

Будь ярче солнц слова — не вижу я.
ЭДГАР (*в сторону*)

Когда б о короле мне рассказали,
Поверить я б не мог. Душа болит.
ЛИР

Читай!

ГЛОСТЕР

Пустыми впадинами глаз?

ЛИР. Ого, вот оно что! Ни глаз во лбу, ни денег в кармане? В таком случае глаза у тебя в тяжелом положении, а карманы — в легком. Теперь ты видишь, как идут дела на свете?

ГЛОСТЕР. Я умом заключаю об этом.

ЛИР. Чудак! Чтобы видеть ход вещей на свете, не надо глаз. Смотри ушами. Видишь, как судья издевается над жалким воришкой? Сейчас я покажу тебе фокус. Я все перемешаю. Раз, два, три! Угадай теперь, где вор, где судья. Видел ты, как цепной пес лает на нищего?

ГЛОСТЕР. Да, государь.

ЛИР. А бродяга от него удирает. Заметь, это символ власти. Она требует повиновения. Пес этот изображает должностное лицо на служебном посту.

Ты уличную женщину плетью
Зачем сечешь, подлец, заплечный мастер?
Ты б лучше сам хлестал себя кнутом
За то, что согрешить с ней хочешь втайне.
Мошенника повесил ростовщик.
Сквозь рубища грешок ничтожный виден,
Но бархат мантий прикрывает всё.
Позолоти порок — о позолоту
Судья копьё сломает, но одень
Его в лохмотья — камышом проколешь.
Виновных нет, поверь, виновных нет:
Никто не совершает преступлений.
Берусь тебе любого оправдать,
Затем что вправе рот зажать любому.
Купи себе стеклянные глаза
И делай вид, как негодяй политик,
Что видишь то, чего не видишь ты.
Снимите сапоги с меня. Тащите.

ЭДГАР (*в сторону*)

Какая смесь! Бессмыслица и смысл —
Все вместе.

ЛИР

При условии, что оплачешь
Мою судьбу, возьми мои глаза.
Я знаю хорошо тебя: ты — Глостер.
Терпи. В слезах явились мы на свет,
И в первый миг, едва вдохнули воздух,
Мы стали жаловаться и кричать.
Я проповедь скажу тебе. Послушай.

ГЛОСТЕР

О скорбь!

ЛИР

Мы плакали, пришедши в мир,
На это представление с шутами.—
Какая шляпа славная! — Вот мысль!
Ста ко́ням в войлок замотать копыта
И — на зятьев! Врасплох! И резать, бить
Без сожаленья! Бить без сожаленья!

Входит придворный со слугами.

ПРИДВОРНЫЙ

Вот он. Не упускайте. — Государь,
Дочь любящая ваша...

ЛИР

Нет спасенья?
Я пленник? Да, судьба играет мной.
Не делайте вреда мне. Будет выкуп.
Я попрошу врача. Я ранен в мозг.

ПРИДВОРНЫЙ

У вас ни в чем не будет недостатка.

ЛИР

Опять все мне сносить? Я превращусь
В соленый столб — весь век слезами землю,
Как из садовой лейки, поливать.

ПРИДВОРНЫЙ

Мой государь...

ЛИР

О, я умру без жалоб,
Как юноша! Не надо унывать.

Да, да. Ведь я король, не забывайте!

Вы помните ли это, господа?

ПРИДВОРНЫЙ

Вы — повелитель наш. Мы вам послушны.

ЛИР. Тогда другое дело. Чтобы поймать счастье, надо уметь бегать. Прыг, прыг, прыг... (*Убегает.*)

Слуги бегут за ним вдогонку.

ПРИДВОРНЫЙ

В такой беде растрогал бы до слез
Любой бедняк, несчастья ж государя
Превыше слов. Но дочь есть у тебя.
Она искупит все, чем запятнали
Природу злодеянья двух других.

ЭДГАР

Привет вам, сэр.

ПРИДВОРНЫЙ

Привет. Что вам угодно?

ЭДГАР

Скажите, есть ли сведения у вас

О скорой битве?

ПРИДВОРНЫЙ

Это всем известно,

Кто не глухой.

ЭДГАР

Позвольте вас спросить,

Где неприятель?

ПРИДВОРНЫЙ

Близко. И — в движение.

Он может показаться каждый час.

ЭДГАР

Спасибо за известье.

ПРИДВОРНЫЙ

Королева

Отвлечена делами, но войска

Продвинулись вперед.

ЭДГАР

Спасибо, сударь.

Придворный уходит.

ГЛОСТЕР

О всеблагие боги! Вас молю:
Возьмите жизнь мою, чтоб нрав мой слабый
Мне вновь самоубийства не внушил.

ЭДГАР

Похвальная, хорошая молитва.

ГЛОСТЕР

Кто вы, мой друг?

ЭДГАР

Я — бедный человек,
Ударами судьбы и личным горем
Наученный сочувствовать другим.
Подайте руку мне, и мы поищем
Пристанища.

ГЛОСТЕР

Благодарю тебя.
Пусть боги наградят тебя сторицей.

Входит Освальд.

ОСВАЛЬД

Законная добыча! В добрый час
Слепая эта голова судьбою
Сотворена, чтоб мне богатство дать.—
Остановись, изменник нечестивый,
Покайся и молись! Я вынул меч,
Чтобы казнить тебя!

ГЛОСТЕР

Тогда пусть небо
Побольше силы даст твоей руке.

Эдгар становится между ними.

ОСВАЛЬД

Как смеешь заступаться ты, невежа,
За подлого злодея! Отойди.

А то ты с ним разделишь ту же участь.

ЭДГАР. Не бывать тому, ваша милость. Лучше не просите.

ОСВАЛЬД

Прочь, деревенщина, иль смерть тебе!

ЭДГАР. Проходи, господин хороший, путем-дороженькой
и не связывайся с простым народом. И не поминай мне, сделай
милость, про смерть, а то как бы вправду я не помер со страху.

А от старичка подальше, подальше от старичка, а то двину я тебя по башке дубиной, посмотрю, что крепче. Уходи, голубчик, подобра-поздорову.

ОСВАЛЬД. Прочь, навозная куча!

ЭДГАР. Не взыщи, дружок. Не миновать, видно, мне пере-
считать тебе зубы.

Дерутся. Эдгар сбивает его наземь.

ОСВАЛЬД

Ты одолел. Возьми мой кошелек.
Похорони меня. Живи в достатке.
Письмо, которое найдешь при мне,
Отдай Эдмунду Глостеру. Он в стане
У англичан.— Безвременная смерть!
Нежданная!

(Умирает.)

ЭДГАР

Я знаю, кто убитый:

Льстец раболепный злобной госпожи:
Ее пороков ревностный поборник.

ГЛОСТЕР

Что, он убит?

ЭДГАР

Присядьте, дорогой,

Пока обшарю я его карманы.
Письмо, которое он называл,
Нам может службу сослужить.— Он умер.
Но жаль, что не на плахе.— Вот письмо.
Печать, не обижайся, что взломаю.
Законники, не осуждайте нас.
Чтоб мысль врага узнать, вскрывают сердце,
А письма и подавно.

(Читает.)

«Вспомни наши обоюдные клятвы! У тебя много возможностей устранить моего мужа, было бы желание. Если он вернется победителем, я пропала. Тогда я его пленница навек, а этот брак — моя вечная пытка. Освободи меня от этой постылой будущности и займи его место. Твоя жена (как хотела бы я сказать) и преданная Гонерилья».

О женское коварство! Посягать
На жизнь такого доброго супруга

И брата моего желать взамен!
 Похороню тебя, посредник мертвый
 Убийства и распутства, здесь, в песке,
 А это богомерзкое посланье
 Обманутому герцогу отдам.
 Пусть радуется он, что ты убит
 И заговор на жизнь его открыт.

ГЛОСТЕР

Король сошел с ума. Зачем так крепок
 Мой ум, что устоял и сознает
 Мою печаль! Я б лучше помешался.
 Тогда б я был от горя огражден
 Обманчивой игрой воображенья
 И память о несчастьях потерял.

ЭДГАР

Подайте руку мне.

Барабанный бой вдали.

Но чу, вдали
 Бьют в барабан... Ну, батюшка, пойдемте.
 Я отведу вас к преданным друзьям.

Уходят.

СЦЕНА 7

Внутренность палатки во французском лагере.
 Лир спит на постели. Играет тихая музыка. Около него врач,
 придворный и другие. Входят Корделия и Кент.

КОРДЕЛИЯ

Великодушный Кент, как мне воздать
 Тебе за доброту? Мне неостанет
 Ни средств, ни жизни.

КЕНТ

Полно! Этих слов
 Достаточно с меня. Хочу прибавить,
 Что я в рассказе точен был и скуп
 И красок не сгущал.

КОРДЕЛИЯ

Переоденься.

Одежда эта — память о былом.

Оно так тяжело! Нарядись получше.

КЕНТ

Нет, королева, это б шло вразрез

С расчетами моими. И покамест

Меня не узнавайте.

КОРДЕЛИЯ

Хорошо.

(Врачу.)

Скажите, как здоровье государя?

ВРАЧ

Он спит еще.

КОРДЕЛИЯ

О боги в небесах,

Настройте вновь разлаженную душу

И впавшему в младенчество отцу

Верните ум!

ВРАЧ

Угодно ль королеве,—

Разбудим мы его. Он долго спал.

КОРДЕЛИЯ

Как знаете, решайте. Вам виднее.

Вам удалось его переодеть?

ПРИДВОРНЫЙ

Да, государыня. Мы незаметно

Сменили все на нем во время сна.

ВРАЧ

Не уходите. Мы его разбудим.

Я за него ручаюсь.

КОРДЕЛИЯ

Хорошо.

ВРАЧ

Поближе подойдите. Музыканты,

Играйте громче.

КОРДЕЛИЯ

Дорогой отец!

О, если бы врачующую силу

Моим губам, чтоб поцелуй мой стер

Следы всего, что сестры натворили
С тобой, родной!

КЕНТ

О кротость без границ!

КОРДЕЛИЯ

Он должен был вас сединой растрогать,
Хотя бы даже не был вам отцом.
Такому ль было выйти ночью в поле
На поединок с вихрем, громом, тьмой?
Такому ли стоять на карауле
Под шлемом развевающихся косм
Среди частых молний? Я б пустила греться
К огню собаку своего врага
В такую ночь! А ты был рад, несчастный,
Ночлегу в шалаше, среди свиней,
С ворами вне закона, на соломе!
Постигнуть не могу, как ты в ту ночь
С рассудком вместе жизни не лишился.—
Проснулся он. Заговорите с ним.

ВРАЧ

Нет, лучше вы.

КОРДЕЛИЯ

Ну, как здоровье ваше?

Как вашему величеству спалось?

ЛИР

Не надо вынимать меня из гроба.
Ты — райский дух, а я приговорен
К колесованью на огне, и слезы
Жгут щеки мне расплавленным свинцом.

КОРДЕЛИЯ

Вы знаете меня?

ЛИР

Ты — дух, я знаю.

Когда ты умерла?

КОРДЕЛИЯ

Еще он плох.

ВРАЧ

Он не вполне проснулся. Подождите.

ЛИР

Где был я раньше? Где я нахожусь?
Что это, солнце? — Я обманут всеми.

Я умер бы от жалости, случись
С другим такое горе.— Что ответить?
Моя ль это рука? Не поручусь.
Проверю. Уколю булавкой. Колет.
Как я б хотел увериться в себе!

КОРДЕЛИЯ

Взгляните на меня. Благословите.
О, что вы! На колени? Встаньте, сэр!

ЛИР

Не смейся надо мной. Я — старый дурень
Восьмидесяти с лишним лет. Боюсь,
Я не совсем в своем уме. Признаться,
Я начинаю что-то понимать,
И, кажется, я знаю, кто вы оба,
И ты, и он, но я не убежден,
По той причине, что не знаю, где я.
Своей одежды я не узнаю,
Где я сегодня ночевал, не помню.
Пожалуйста, не смейтесь надо мной!
Поспорить с вами я готов, что это —
Дитя мое Корделия.

КОРДЕЛИЯ

Да, я!

ЛИР

Что это, слезы на твоих щеках?
Дай я потрогаю. Да, это слезы.
Не плачь! Дай яду мне. Я отравлюсь.
Я знаю, ты меня не любишь. Сестры
Твои меня терзали без вины,
А у тебя для нелюбви есть повод.

КОРДЕЛИЯ

Нет, нет его!

ЛИР

Скажи, я нахожусь
Во Франции?

КЕНТ

Нет, в вашем королевстве.

ЛИР

Прошу вас не обманывать меня.

ВРАЧ

Утешьтесь, госпожа. Припадки буйства,

Как видите, прошли. Но наводить
Его на мысль о виденном опасно.
Уйдите с ним и более ничем
Сегодня не тревожьте.

КОРДЕЛИЯ

Государь мой,

Пожалуйте.

ЛИР

Не будь со мной строга.
Прости. Забудь. Я стар и безрассуден.
Все, кроме Кента и придворного, уходят.

ПРИДВОРНЫЙ. Достоверно ли, сэр, что герцог Корнуальский убит таким образом?

КЕНТ. Вполне достоверно.

ПРИДВОРНЫЙ. Кто командует его армией?

КЕНТ. Говорят, побочный сын Глостера.

ПРИДВОРНЫЙ. Правда ли, будто Эдгар, его изгнанный сын, вместе с графом Кентом скрываются в Германии?

КЕНТ. Слухи разноречивы. Однако не время медлить: армии сходятся.

ПРИДВОРНЫЙ. Схватка, по-видимому, будет кровопролитная. Прощайте, сэр. *(Уходит.)*

КЕНТ

Уж цель близка, а что нас завтра ждет,
Покажет боя этого исход.
(Уходит.)

АКТ V

СЦЕНА I

Британский лагерь близ Дувра.
Входят с барабанами и знаменами Эдмунд, Регана,
офицеры, солдаты и другие.

ЭДМУНД *(офицеру)*

Узнай у герцога наверняка,
Держаться ли последнего решения,
Или он изменил его. Он весь
В противоречьях. Пусть ответит точно.
Офицер уходит.

РЕГАНА

Слуга сестры, наверное, погиб.

ЭДМУНД

Я сам боюсь.

РЕГАНА

Давайте объяснимся.

Вы знаете, как я к вам отношусь.

Так искренне скажите, милый Глостер,

Вы любите мою сестру?

ЭДМУНД

Как брат.

РЕГАНА

А вы к ней никогда не подбирались

Тайком от зятя?

ЭДМУНД

Бросьте эту мысль.

РЕГАНА

Мне кажется, у вас давно с ней близость.

ЭДМУНД

Нет, герцогиня, честью вам клянусь!

РЕГАНА

Сестра невыносима. Милый Глостер,

Не будьте с нею близки!

ЭДМУНД

Никогда.

Но вот она сама, и муж с ней, герцог.

Входят с барабанами и знаменами герцог Альбанский,
Гонерилья и солдаты.

ГОНЕРИЛЬЯ (*в сторону*)

Охотней проиграю я сражение,

Чем дам сестре меня с ним разлучить.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Привет сестре любимой! Как я слышал,

Король у дочери и с ними все,

Кто недоволен нашим притеснением.

Чтоб воевать, я должен быть в ладу

С своею совестью. И мой противник —

Французы, наводнившие наш край,

А не король и прочие вельможи,

Которым есть чем всех нас попрекнуть.

ЭДМУНД

Все это верно.

РЕГАНА

Но к чему все это?

ГОНЕРИЛЬЯ

Мы вышли против общего врага —

Вот сущность дела, а не наши распри.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Тогда я созову сейчас совет

Для выработки плана наступления.

ЭДМУНД

Я к вам приду сейчас в шатер.

РЕГАНА

Сестра,

Ты с нами?

ГОНЕРИЛЬЯ

Нет.

РЕГАНА

А лучше шла бы с нами.

ГОНЕРИЛЬЯ *(в сторону)*

Несложная загадка! Я иду.

Хотят уйти, им навстречу входит переодетый Эдгар.

ЭДГАР

Светлейший, уделите полминуты

Простому человеку.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Говори.—

Сейчас я нагоню вас.

Все, кроме герцога Альбанского и Эдгара, уходят.

ЭДГАР

Перед битвой

Прочтите, герцог, это вот письмо,

И в случае победы пусть глашатай

К вам вызовет меня трубой. Я нищ,

Но выставлю бойца, который кровью

Докажет все, что сказано в письме.

А если вас постигнет поражение,

То будет не о чем и хлопотать,

Тогда конец и вам и вражьи́м козням.
Пошли судьба успеха вам!
ГЕРЦОГ АЛЬБА́НСКИЙ

Постой,
Прочту письмо.
ЭДГАР

Мне не велели медлить.
Придет пора, пусть вызовет герольд —
Я сам явлюсь.
ГЕРЦОГ АЛЬБА́НСКИЙ
Прощай. Займусь я ~~чтением~~.
Эдгар уходит. Эдмунд возвращается.

ЭДМУНД
Враг показался. Стянемте войска.
Вот сведения о силах их, примерно.
Вам надо торопиться.

ГЕРЦОГ АЛЬБА́НСКИЙ
В добрый час.
(Уходит.)

ЭДМУНД
Обеим сестрам клялся я в любви.
Как яд змеи, их ненависть друг к другу.
Кого мне взять? Обоих ли? Одну
Иль ни одной? Покамест живы обе,
К ним путь закрыт. Женюсь я на вдове —
Мне жить не даст спокойно Гонерилья.
А с ней при муже тоже пользы нет.
Пока война, он важная опора,
А после пусть придумает сама,
Как от него избавиться. Он Лира
С Корделией намерен пощадить,
Когда их в плен возьмет. Того не будет.
В моих делах опасно размякать.
Я драться должен, а не рассуждать.
(Уходит.)

СЦЕНА 2

Поле между двумя лагерями.
За сценой шум битвы. По сцене проходят с барабанами
и знаменами Лир, Корделия и их войско.
Входят Эдгар и Глостер.

ЭДГАР

Сядь, дедушка, под деревом в тени.
 Молись, чтоб восторжествовала правда,
 И если я вернусь — скажу тебе,
 Чего ты и не ждешь.

ГЛОСТЕР

Храни вас боги!

Эдгар уходит.

Шум битвы, затем сигнал к отступлению. Эдгар возвращается.

ЭДГАР

Бежим, старик! Дай руку мне. Бежим!
 Король разбит. Его и дочь схватили.
 Они в плену. Скорей дай руку мне!

ГЛОСТЕР

Зачем бежать? Сгнию на этом месте.

ЭДГАР

Опять дурные мысли? Человек
 Не властен в часе своего ухода
 И сроке своего прихода в мир,
 Но надо лишь всегда быть наготове.
 Идем.

ГЛОСТЕР

Идем. Ты совершенно прав.

Уходят

СЦЕНА 3

Британский лагерь близ Дувра.

Входит победителем, с барабанами и знаменами, Эдмунд
 и пленные Лир и Корделия, офицеры и солдаты

ЭДМУНД

Взять их под стражу! Хорошо стеречь,
 Пока не вынесут им приговора.

КОРДЕЛИЯ

Нет, мы не первые в людском роду,
 Кто жаждал блага и попал в беду.
 Из-за тебя, отец, я духом пала,
 Сама бы я снесла удар, пожалуй.
 А славные те дочери и сестры,—
 Нас разве не покажут им?

ЛИР

Нет, нет!

Пускай нас отведут скорей в темницу.
Там мы, как птицы в клетке, будем петь.
Ты станешь под мое благословенье,
Я на колени стану пред тобой,
Моля прощенья. Так вдвоем и будем
Жить, радоваться, песни распевать,
И сказки сказывать, и любоваться
Порханьем пестрокрылых мотыльков.
Там будем узнавать от заключенных
Про новости двора и толковать,
Кто взял, кто нет, кто в силе, кто в опале,
И с важностью вникать в дела земли,
Как будто мы поверенные божьи.
Мы в каменной тюрьме переживем
Все лжеученья, всех великих мира,
Все смены их, прилив их и отлив.

ЭДМУНД

Отвести их прочь.

ЛИР

При виде жертв, подобных

Нам, боги сами курят фимиам.
Ты тут, Корделия? Мы неразлучны.
Они должны достать огонь с небес,
Чтоб выкурить нас порознь из темницы,
Как выживают из норы лисиц.
Утри глаза. Чума их сгложет прежде,
Чем мы решимся плакать из-за них.
Подохнут — не дождутся. Ну, ведите!

Лира и Корделию уведут под стражей.

ЭДМУНД

Послушай, капитан! Возьми пакет.
В нем письменный приказ.

(Дает ему бумагу.)

Сведи их в крепость.

Тебя я поднял на одну ступень.
Пойдешь и выше, если все исполнишь.
Приспособляться должен человек
К веляниям века. Жалость неприлична

Военному. Не спрашивай, о чем
Гласит приказ, но объяви заране,
Берешься ль выполнить его?

ОФИЦЕР

Берусь.

ЭДМУНД

Ступай же. Ничего не пожалею
Тебе в награду. Сделай все точь-в-точь,
Как написал я. Мигом, незаметно.

ОФИЦЕР

Я не вожу телег, не ем овса.
Что в силах человека — обещаю.
(Уходит.)

Трубы. Входят герцог Альбанский, Гонерилья, Регана,
офицеры и солдаты.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Сэр, вы сегодня выказали храбрость.
Вам улыбнулось счастье. Враги
У вас в плену. Мы требуем их выдать,
Чтобы распорядиться их судьбой
В согласье с честью и благоразумьем.

ЭДМУНД

Я нужным счел больного короля
Под стражею отправить в заключение.
Он трогает чувствительность солдат
И возрастом, и королевским саном,
И эта жалость может подорвать
Повиновенье, обратив оружие
На нас самих. С ним вместе увели
Корделию по тем же основаниям.
Я завтра или через два-три дня
Представлю их на суд ваш. Но сегодня,
Когда еще в крови все и в поту
И потерял товарища товарищ,
Не время, думается, раздражать
Всех тех, кто испытал жестокость схватки.
Дела Корделии и короля
Дождутся подходящей обстановки.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Спокойнее! Простите, сэр, я вас
Считаю подчиненным, а не братом.

РЕГАНА

Смотря по титулу, какой я дам
Ему сейчас. Вперед вам не мешало б
Спросить меня. Он полководец мой
И в битве представлял мою особу
Как мой правопреемник — он ваш брат.

ГОНЕРИЛЬЯ

Не хлопочи. Его и так заслуги
Возвысили, без помощи твоей.

РЕГАНА

Но я его поставлю рядом с вами.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Особенно когда с ним вступишь в брак.

РЕГАНА

Насмешники — хорошие пророки.

ГОНЕРИЛЬЯ

Но это предсказал плохой пророк.

РЕГАНА

Сестра, мне нездоровится, иначе
Сказала б резче я.— Воитель мой,
Бери мой край, моих солдат и пленных,
Сдается крепость. Все мое — твое.
Будь мне и господином, и супругом.

ГОНЕРИЛЬЯ

Так он тебе и будет!

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Помешать

Такому шагу ведь не в вашей власти.

ЭДМУНД

Но и не в вашей.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Разве, мнимый брат?

РЕГАНА (*Эдмунду*)

Вели бить в барабан и докажи
Мечом, что вправе ты принять мой титул.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Стой! Я их арестую. Ты, Эдмунд,
Виновен в государственной измене

Совместно с этой золотой змеей.
(Указывая на Гонерилью, Регане.)

Сестра, я должен ваши притязанья
Отвесьть, как опекун моей жены:
Она уже помолвлена с милордом.
Хотите замуж — выбор вам один:
Не занят я, а леди не свободна.

ГОНЕРИЛЬЯ

Фиглярство!

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Глостер, ты вооружен.
Вели трубить, и ежели на вызов
Никто не выйдет доказать мечом,
Какой ты лжец, преступник и предатель,
Вот мой залог.

(Бросает перчатку.)

Я хлеба не вкушу,
Пока не докажу исходом боя,
Что ты все то, чем я назвал тебя.

РЕГАНА

Мне дурно, дурно!

ГОНЕРИЛЬЯ (в сторону)

Это и понятно.

Я разбираюсь в ядах хорошо.

ЭДМУНД

Вот мой залог.

(Бросает перчатку.)

И если кто-нибудь
Осмелится сказать, что я изменник,
Солжет он, как последний негодяй.—
Труби, герольд! Готов со всеми биться,
Кто б ни пришел с тобою, с этим, с тем,
За честь свою и правду.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Эй, глашатай!

ЭДМУНД

Герольд, сюда!

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Сам за себя постой.
Твоих солдат, которых ты мне нанял,
Своею властью я и распустил.

РЕГАНА

Все хуже мне!

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Ей плохо. Уведите

Ее в мою палатку.

Регану уводят.
Входит герольд.

Вот герольд.

Труби, герольд, и огласи вот это!

ОФИЦЕР

Труби, трубач!

Трубят.

ГЕРОЛЬД (*читает*). «Если бы среди дворян и офицеров этой армии нашелся желающий силой оружия доказать, что Эдмунд, выдающий себя за графа Глостера, лжец и предатель, пусть он соблаговолит выступить по третьему зову трубы. Противник готов к встрече».

ЭДМУНД

Труби!

Трубят в первый раз.

ГЕРОЛЬД

Еще раз!

Трубят во второй раз.

Трубят в третий раз. Издали за сценой отвечает труба.

Входит вооруженный Эдгар с трубачом впереди.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Спроси, что он задумал и зачем

На зов трубы явился.

ГЕРОЛЬД

Рыцарь, кто ты

По имени и званию? Почему

Ответил ты на вызов?

ЭДГАР

Знайте, имя

Утрачено мое и клеветой

Загрязнено. Но я такой же знатный,

Как мой противник.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Кто противник твой?

ЭДГАР

Кто здесь за графа Глостера Эдмунда?

ЭДМУНД

Он сам. Что скажешь ты?

ЭДГАР

Так вынь свой меч

И, если речь моя несправедлива,
Оружьем мне воздай за клевету.
А я по праву своего рожденья
Во имя чести рыцарской и клятв
Пришел сказать, что, несмотря на силу
И званье, доблесть, молодость, успех
И новую победу, ты — предатель
Перед богами, братом и отцом
И перед этим герцогом изменник
И весь запятнан с головы до ног
Следами гнусной низости и грязи.
Скажи, что я не прав, — моя рука,
Мой меч и совесть здесь, чтоб в поединке
Все, в чем ты отопрешься, доказать.

ЭДМУНД

Я мог бы настоять, чтоб ты назвался,
Но вид твой так воинственен и горд
И речь так обличает воспитанье,
Что, правилам обычным вопреки,
Я пользоваться не хочу отсрочкой.
Бросаю ложь твою тебе назад —
Она меня ни краем не задела —
И, чтоб ее в тебе похоронить,
Мечом прокладываю ей дорогу. —
Трубите бой!

Трубы. Схватка. Эдмунд падает.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Не добивай его!

ГОНЕРИЛЬЯ

Ты — ~~жесток~~ жертва козней, Глостер! По закону,
Не бьются с неизвестными. Ты мог

Не отвечать. Тебя ~~не~~ победили,
А взяли хитростью.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Прошу молчать,
А то заткну вам рот бумагой этой! —
Прочти, злодей. В письме твой приговор.
(Гонерилье.)

Не рвать записки! Вам она знакома?

(Дает Эдмунду ~~письмо~~.)

ГОНЕРИЛЬЯ

Что ж! Здесь — моя держава, не твоя.

Кому судить меня?

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Предел бесстыдства!

Так ты записку знаешь, стало быть?

ГОНЕРИЛЬЯ

Не спрашивай, что знаю я.

(Уходит.)

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ (офицеру)

Смотрите

За ней. Она от горя вне себя.

Офицер уходит.

ЭДМУНД

Я сделал все, в чем ты меня винил,
И много больше. Время все откроет.
Моя пора пришла. Но кто же ты,
Кому так посчастливилось со мною?
Откройся, рыцарь, я тебя прошу.

ЭДГАР

Признанием отвечу на признание.
Не ниже по рождению я, чем ты,
А если выше — тем твой грех тяжеле.
Меня зовут Эдгар, и я твой брат.
Но боги правы, нас за прегрешенья
Казня плодами нашего греха.
За незаконность твоего рожденья
Глазами поплатился твой отец.

ЭДМУНД

Да, правда. Колесо судьбы свершило
Свой оборот: Я здесь и побежден.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Я догадался по твоей осанке
О знатности твоей. Дай обниму.
Не знать мне счастья, если хоть притворно
На миг я отвернулся от тебя
И твоего отца!

ЭДГАР

Я это знаю.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Где ты скрывался? Как проведal ты
О бедствиях отца?

ЭДГАР

Я разделял их.
Послушайте коротенький рассказ.
Я б умереть хотел, когда я кончу.
Как нас к себе привязывает жизнь!
Мы медленную смерть от долгих пыток
Предпочитаем быстрому концу.
Узнав, что я объявлен вне закона,
Я стал скрываться, принял жалкий вид
Помешанного и бродил в лохмотьях,
Которых псы чурались. Так набрел
Я на отца с кровавыми кругами
Глазниц, пустых, как кольца без камней.
Я стал его вожатым, побирался,
Кормил его, поддерживал в нем дух.
Ах, отчего я в первый раз открылся
Ему лишь полчаса тому назад,
Когда, вооружившись перед битвой,
Просил, чтоб он меня благословил,
И описал ему свои скитанья!
Удар был слишком резок. Чересчур
Сошлись в нем вместе радость и страданье.
Их столкновенья сердце не снесло
И разорвалось.

ЭДМУНД

Ты меня растрогал,
Моей душе на благо, может быть.
Но продолжай. Ты, кажется, не кончил.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Не надо, если повесть так горька
И дальше. Я чуть жив от слез остался.

ЭДГАР

Пределом это кажется для тех,
Кто к горю не привык. Но кто привычен,
Теряет счет страданиям и идет
Сквозь испытанья до конца и края.
Пока я горько плакал, человек
Приблизился. Он мне встречался раньше.
Мой нищий вид отталкивал его.
Теперь, узнав, кто я на самом деле,
Он бросился на шею мне и, пав
На труп отца, омыл его слезами.
Он рассказал о Лире и себе
Такую быль, которой свет не слышал.
Описывая ужасы тех дней,
Он снова пережил их потрясенья
И потерял сознание. В этот миг
Раздался зов трубы, и я оставил
Его без чувств.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ.

Кто ж был тот человек?

ЭДГАР

Кент, сэр, изгнанник Кент. Переодетый,
Он следовал за королем, своим
Гонителем, и верою и правдой
Служил ему, не брезгуя ничем.

Вбегает придворный с окровавленным кинжалом.

ПРИДВОРНЫЙ

На помощь! Помогите!

ЭДГАР

Что случилось?

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Что это?

ЭДГАР

Почему кинжал в крови?

ПРИДВОРНЫЙ

Он теплый. Он дымит. Он из сердца.
Она мертва.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Кто мертв? Скажи скорей!

ПРИДВОРНЫЙ

Мертва супруга ваша. Закололась,

Пред этим отравив свою сестру.

Она созналась в этом.

ЭДМУНД

Я помолвлен

С обеими. Теперь нас всех троих

Смерть обручит.

ЭДГАР

Вот Кент.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Живых иль мертвых,

Несите их сюда. Вселяет страх

Небесный суд, свершившийся над ними,

Но нам не жалко их.

Придворный уходит.

Входит Кент.

Да, это он.

Событья не дают его принять,

Как подобало бы в другое время.

КЕНТ

Владыке своему и королю

Пришел я пожелать спокойной ночи.

Как, он не здесь?

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Про главное забыли.

Эдмунд, скажи нам, где король и где

Корделия?

Вносят тела Гонерильи и Реганы.

Ты видишь, Кент?

КЕНТ

Что это?

ЭДМУНД

Да, был любим Эдмунд! Из-за него

Одна сестра другую отравила

И закололась.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Да, все это так.

Закройте лица им.

ЭДМУНД

Жизнь ускользает.

Пред смертью сделать я хочу добро,

Хоть это непривычно мне. Пошлите

В тюрьму. Не медлите! Я дал приказ

Лишить Корделию и Лира жизни.

Не медлите!

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Скорей! Беги бегом!

ЭДГАР

К кому бежать? Кому приказ был отдан?

Дай знак отмены.

ЭДМУНД

Правильно. Возьми

Мой меч и моему дай офицеру.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Скорее, я прошу!

Эдгар уходит.

ЭДМУНД

Твоя жена

И я распорядились, чтоб в темнице

Корделию повесили, сказав,

Что это ею сделано самою

В отчаянье.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Будь небо ей щитом!

Возьмите кто-нибудь его отсюда.

Эдмунда уносят

Входит Лир с мертвой Корделией на руках,

за ним Эдгар, офицеры и другие.

ЛИР

Вопите, войте, войте! Вы из камня!

Мне ваши бы глаза и языки —

Твердь рухнула б!.. Она ушла навеки...

Да что я, право, мертвой от живой

Не отличу? Она мертвее праха.

Не даст ли кто мне зеркала? Когда
Поверхность замутилась от дыхания,
Тогда она жива.

КЕНТ

Не это ль час

Кончины мира?

ЭДГАР

Исполнение сроков.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Конец времен и прекращение дней.

ЛИР

Перо пошевелилось. Оживает!

Ах, если это правда,— этот миг

Икупит все, что выстрадал я в жизни.

КЕНТ

О господин мой!

(Становится на колени.)

ЛИР

Лучше уходи.

ЭДГАР

Ведь это Кент. Он друг ваш.

ЛИР

Пропадите!

Убийцы, подлецы! Я б спас ее,

А вот теперь она ушла навеки.—

Корделия, Корделия, чуть-чуть

Повремени еще! Что ты сказала?—

Ах, у нее был нежный голосок,

Что так прекрасно в женщине.— Злодея,

Тебя повесившего, я убил.

ОФИЦЕР

Да, господа, он это правда сделал.

ЛИР

Не правда ли, приятель? Было время,

Своим прекрасным острым палахом

Заставил бы я всех их тут попрыгать.

Не то теперь. Теперь я стар и слаб

От этих бед.

(Кенту.)

Кто вы? Я плохо вижу.

Я должен это прямо вам сказать.

КЕНТ

Судьба нас двух любила и терзала.
Один из них пред вами.

ЛИР

Тут темно.

Скажите, вы не Кент?

КЕНТ

Ну да, он самый.

Слуга ваш Кент. А где слуга ваш Кай?

ЛИР

Он славный малый был, скажу вам прямо.
Храбрец, рубака. Умер и истлел.

КЕНТ

Нет, государь. Я — это Кай.

ЛИР

Посмотрим.

КЕНТ

Я с первых ваших злоключений шел
За вами по пятам.

ЛИР

Я рад вас видеть.

КЕНТ

Все ж остальное — ужас, мрак, печаль.
Две ваших старших дочери в порыве
Отчаянья покончили с собой.

ЛИР

Да, кажется.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Он, видимо, не знает,

Что говорит. Бесцельно выражать

Ему почтение наше.

ЭДГАР

Бесполезно.

Входит офицер.

ОФИЦЕР

Эдмунд скончался.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Нам не до него.—

Вот что задумал я, друзья и лорды:

Чем только можно будет облегчить

Великого страдальца злую участь,
Всё обещаю сделать. Нашу власть
Передадим ему до самой смерти.

(Эдгару и Кенту.)

Вступите в ваши старые права.
Мы их еще расширим по заслугам.
Кто верен был, вкусит плоды добра,
Кто изменил, осушит чашу горя.—
Смотрите, что с ним? Видите?

ЛИР

Мою

Бедняжку удавили! Нет, не дышит!
Коню, собаке, крысе можно жить,
Но не тебе. Тебя навек не стало,
Навек, навек, навек, навек, навек!—
Мне больно. Пуговицу расстегните...
Благодарю вас. Посмотрите, сэр!
Вы видите? На губы посмотрите!
Вы видите? Взгляните на нее!

(Умирает.)

ЭДГАР

Он в обморок упал. Мой государь!

КЕНТ

Разбейся, сердце! Как ты не разбилось?

ЭДГАР

Очнитесь, государь!

КЕНТ

Не мучь. Оставь
В покое дух его. Пусть он отходит.
Кем надо быть, чтоб вздергивать опять
Его на дыбу жизни для мучений?

ЭДГАР

Он умер.

КЕНТ

Удивительно не то,
А где он силы брал, чтоб жить так долго.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Несите мертвых. Наш ближайший долг
Оплакать их.

(Кенту и Эдгару.)

Друзья мои, вы оба мне опора,
Чтоб вывести край из горя и позора.

КЕНТ

Не смею, герцог, сборами тянуть.
Меня король зовет. Мне надо в путь.

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ

Какой тоской душа ни сражена,
Быть твердым заставляют времена.
Последуем примеру этой тени
И в долголетье и в долготерпенье.

Уходят под звуки похоронного марша.

Комментарии

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

Стр. 18. *Эскал, князь веронский*.— Легенда, на которой основывается пьеса Шекспира, относит описываемые в ней события к началу XIV века; князем Вероны тогда был Бартоломео делла Скала.

Стр. 22. *Виллафранка*—город неподалеку от Вероны.

Стр. 23. *Сикомор*—тутовое дерево наподобие фикуса.

Аврора—в римской мифологии богиня утренней зари.

Стр. 26. *Диана*—римская богиня охоты и растительности, олицетворение Луны.

Купидон—божество любви в римской мифологии.

Стр. 27. *Ей нет еще четырнадцати лет.*— В средние века девочка этого возраста считалась невестой.

Стр. 29. *Хорош при этом также подорожник.*— Подорожник употреблялся для исцеления ран.

Стр. 35. *Королева Маб*— в английских сказках царица снов. Считалось, что она помогает при родах, хотя способна подменить младенца оборотнем.

Стр. 37. *Антон Сотейщик.*— У Шекспира комические персонажи наделены значащими именами, которые указывают либо на их профессию, либо на главное свойство характера.

Стр. 44. *Царь Кофетуа.*— В старинной английской балладе рассказывается об африканском царе, ненавидевшем женщин, пока он не влюбился в молоденькую нищенку, случайно увидев ее из окна.

Стр. 48. *Юпитер*— верховное божество римской мифологии.

Стр. 55. *Тибальт из сказки.*— На самом деле не Тибальт, а Тиберт; так зовут кота в старинном «Романе о Лисе».

...вроде Петрарки.— Стихотворения великого итальянского поэта Франческо Петрарки (1304—1374) обращены к Лауре—его возлюбленной.

Стр. 59. *Что, слова «розмарин» и «Ромео» не на одну букву?*— Цветок розмарин считался символом верности.

Стр. 65. *Одну из твоих девяти жизней, кошачий царь...*— Английская пословица гласит: «У кошки девять жизней», то есть она долгожительница.

Стр. 70. *Фазтон*—в греческих мифах сын бога солнца Гелиоса. Управляя колесницей отца, не удержал коней, приблизившихся к земле и едва не обративших ее в пламя.

Стр. 71. *Убьет вернее взгляда василиска.*— Предание утверждало, что мифическое чудовище, василиск, способно убивать взглядом и ядовитым дыханием.

Стр. 82. *И жабы будто у него глаза.*— Согласно поверью, жаворонок поменялся глазами с жабой. Он «любящих разводит» своей песней, возвещающей наступление утра; тусклый взгляд маленьких глаз жаворонка — образ раннего рассвета.

Стр. 96. *Мандрагора.*— Корни этого растения напоминают абрис человеческой фигуры; поэтому в древности мандрагоре приписывали магическую силу.

Стр. 104. *...и чучела иных морских уродов.*— В витринах средневековых аптек было принято выставлять скелеты рыб и морских животных; это привлекало клиентов.

ГАМЛЕТ

Стр. 122. *Ты книжник; обратись к нему, Горацио.*— Заклиная духов произносились по-латыни; поэтому к Призраку должен обратиться Горацио, учившийся в Виттенберге и оттого знающий язык, на котором тогда велось преподавание.

Он ждет вопроса.— Считалось, что призраки не могут заговорить первыми.

Стр. 124. *...пал могучий Юлий*...— Римский император Юлий Цезарь убит в 44 г. до н. э. заговорщиками, возглавленными Брутом и Кассием.

Стр. 125. *Влажная звезда*— Луна, которая, как полагали в старину, управляет приливами и отливами.

Нептунова держава— моря; *Нептун*— бог моря у древних римлян.

Я порчи не боюсь.— Считалось, что нельзя ступать на то место, где находится призрак, без опасения навлечь на себя порчу.

Протазан— копье с плоским и длинным металлическим наконечником; употреблялось телохранителями.

Стр. 131. *Феб и сатир.*— *Феб (Аполлон)*— почитался римлянами как бог красоты. *Сатир*— в древнегреческой мифологии лесное божество, демон плодородия; изображался покрытым шерстью, иногда с хвостом и копытами.

Ниобея (Ниоба)— в древнегреческой мифологии супруга фиванского царя Амфиона, глава многочисленного семейства. Оскорбив богиню Лето (мать Аполлона), подверглась нападению Аполлона и его сестры Артемиды, истребивших стрелами всех детей Ниобеи, которая окаменела от горя.

Стр. 143. *Немейский лев*— животное чудовищной величины

и силы, опустошавшее окрестности города Немеи; убит Гераклом (первый из подвигов этого героя).

Стр. 145. ...у *летейских вод*—то есть на берегу Леты, реки забвения в подземном царстве.

Стр. 146. *Лазарь*—прокаженный; в Евангелии рассказано о том, как его исцелил Христос.

Стр. 147. *Илло, хо-хо!*—клич сокольников.

Стр. 148. *Святой Патрикий*—основатель и первый епископ ирландской католической церкви.

Стр. 159. *Он вне твоей звезды*—иначе говоря, вне сферы действия звезды, управляющей твоею судьбой.

Стр. 165. *Но там имеется выводок детей*.—В Лондоне была детская труппа, спектакли которой пользовались большим успехом.

Стр. 166. *Квинт Росций Галл*—прославленный в Древнем Риме актер (I в. до н. э.).

Стр. 167. *Сенека Луций Анней* (ок. 4 г. до н. э.—65 г. н. э.)—римский философ и писатель, автор знаменитых трагедий.

Плавт Тит Макций (ок. 254—ок. 184 гг. до н. э.)—великий римский комедиограф.

Иеффай.— В Библии говорится о том, как этот судья покаялся в случае победы соотечественников над врагами принести в жертву богам первое живое существо, которое увидит по возвращении с поля битвы; этим существом оказалась его дочь. Гамлет вспоминает английскую народную балладу, навеянную этим сюжетом.

Стр. 168. Для большинства это была икра.— В то время привозная русская икра была доступна только очень богатым людям.

Эней— в античной мифологии один из защитников Трои во время Троянской войны, родоначальник римлян.

Дидона— в античной мифологии основательница Карфагена.

Приам— в древнегреческой мифологии последний царь Трои, погибший в ночь, когда пал город, у алтаря Зевса, где он искал защиты от греков.

Пирр— сын Ахилла, один из вождей греков, проникших в Трою во чреве деревянного коня.

Гирканский зверь— тигр из Гиркании, области на севере Персии.

Финифть— эмаль, употребляемая при изображении гербов; червлень— алый фон герба.

Стр. 169. *Илион*— Троя.

И никогда не падали, кля, на броню Марса молоты Циклопов так быстро...— Согласно мифам, броню римского бога войны Марса ковали одноглазые великаны-циклопы, прекрасные мастера, работавшие в кузнице Вулкана.

Гекуба— супруга Приама; после падения Трои стала пленницей Одиссея и погибла при переправе через Геллеспонт (Дарданеллы).

Стр. 179. *Термагант*— жестокий бог сарацинов в средневековых балладах.

Ирод— царь Иудеи (I в. до н. э.). По христианской легенде, он, узнав о рождении Иисуса, велел умертвить всех новорожденных мальчиков.

Стр. 182. *Конек-скакунок*— кукла, используемая в старинном театре; укреплялась на туловище актера, который таким образом превращался во всадника.

Стр. 183. *...стихи для перстня.*— На перстнях часто вырезали стихотворные афоризмы.

Гименей— бог брака у греков и римлян.

Стр. 188. *Пока трава растет...*— Пословица гласит: «Пока трава растет, хилая лошадь околеет».

Стр. 190. *Душа Нерона в эту грудь не входит...*— Римский император Нерон (I в. н. э.) убил собственную мать.

Стр. 195. *Меркурий*— бог торговли и покровитель путешественников в древнеримской мифологии.

Стр. 197. *Король из пестрых тряпок*— то есть шут; они носили костюмы из лоскутов.

Стр. 209. *Перловица на тулье*.— Пилигримы прикрепляли к своим шляпам раковины.

Стр. 210. *Говорят, у совы отец был хлебник*.— Офелия вспоминает притчу о скупой дочери хлебника, которую Христос обратил в сову.

Валентинов день— 14 февраля, когда, по обычаю, молодые люди гадали, чтобы найти своих суженых (Валентина или Валентину).

Стр. 212. *...мятежен, как гигант*.— В греческой мифологии рассказано о восстании титанов (гигантов) против богов-олимпийцев.

Стр. 213. *И, жизнью жертвуя, как пеликан, отдам им кровь свою*.— Считалось, что пеликан кормит птенцов своей кровью.

Стр. 224. *Они продолжают ремесло Адама*.— Адам, согласно библейской легенде, первый человек, созданный богом. Изгнанный из рая, Адам занялся земледелием, чтобы добыть себе хлеб.

Стр. 229. *Александр*— имеется в виду Александр Македонский (IV в. до н. э.), великий полководец.

Стр. 231. *Пелион, Олимп* — горы в Греции, часто упоминаемые в древнегреческих мифах.

Стр. 232. *Напиться уксусу? Съесть крокодила?* — Во времена Шекспира щеголи пили уксус, чтобы придать лицу модную бледность; влюбленные проявляли готовность съесть чудовище, доказывая серьезность своих чувств.

Осса — высокая гора в Греции.

Стр. 238. *Побежала пигалица со скорлупкой на макушке.* — Озрик сравнивается с пигалицей, которая, едва вылупившись из яйца, начинает бегать; скорлупка — его шляпа.

Стр. 240. *Моя неловкость вам послужит фольгой.* — Фольгу подкладывают под драгоценный камень, чтобы придать ему особенный блеск.

Стр. 243. *В свою же сеть кулик попался, Озрик.* — Куликов птицеловы использовали для приманки.

КОРОЛЬ ЛИР

Стр. 249. *Голиншед Рафаэль* (умер ок. 1580) — английский историк. Его книга «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии» (1578) послужила источником сюжетов ряда пьес Шекспира.

Стр. 252. *...молоко Бургундии с лозой французской в споре.* — Бургундия, известная своими тучными пастбищами, была герцогством в IX—XV веках; вошла в состав Франции в 1477 году.

Стр. 253. *Геката* — в греческих мифах богиня, покров-

вительница колдовства, часто изображалась со змеями в волосах.

Стр. 254. *Грубый скиф или дикарь, который пожирает свое потомство...*— У греческого историка Геродота (V век до н. э.) рассказано об обычае древних скифов съедать своих престарелых родителей (но не детей).

Стр. 263. *Том из Бедлама*— то есть из дома умалишенных, устроенного в бывшем лондонском Вифлеемском монастыре в XVI веке. Больных «лечили», приковывая цепью к стене и выливая на голову ушаты холодной воды.

Стр. 287. *Аякс*— один из двух неразлучных друзей, героев Троянской войны в поэме Гомера «Илиада».

Стр. 306. *Мерлин*— волшебник и прорицатель из древнеанглийских сказаний о легендарном короле Артуре.

Стр. 310. *Три раза Витольд им грозился святой...*— Св. Витольд считался защитником от кошмаров, посылаемых нечистой силой.

Стр. 313. *Наехал на черную башню Роланд,*

А великан как ахнет:

«Британской кровью пахнет».—

Видимо, отрывок из недошедшей до нас баллады, где рассказано о Джеке — сокрушителе великанов.

Стр. 314. *...Нерон промышляет рыбачеством у озера тьмы на том свете.*— В романе Франсуа Рабле (1494—1553) «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1532), одном из великих памятников литературы Возрождения, рассказано, как проводят время в царстве мрака великие грешники: римский император Нерон, в чие

жертв которого были и его ближайшие родственники (включая мать), и многие выдающиеся люди (Сенека, поэт Лукан, писатель Петроний и др.), играет на флейте, а рыбачеством занят римский император Траян (53—117 гг.), также прославившийся жестокостями; он ловит не рыб, а лягушек.

Плыви ко мне, Бесси, через ручей — известная старинная английская баллада.

Стр. 316. ...стал сухим твой рог для сбора подаяния. — Юродивые, бродя по дорогам, носили с собой рог, возвещая им о своем приближении; рог использовался и по своему прямому назначению — как сосуд. Для этого его закупоривали снизу.

А. Зверев

Содержание

А. Зверев.

«Меж выпадов и пламенных клинков...»

3

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА.

Перевод Б. Пастернака

17

ГАМЛЕТ.

Перевод М. Лозинского

119

КОРОЛЬ ЛИР.

Перевод Б. Пастернака

249

КОММЕНТАРИИ

370

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит
отзывы об этой книге
присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Литературно-художественное издание

Для среднего и старшего возраста
ШЕКСПИР Уильям

ТРАГЕДИИ

Ответственный редактор
Т. П. ВЛАДИМИРСКАЯ
Художественный редактор
М. А. ТРУБЕЦКОЙ
Технический редактор
Л. П. КОСТИКОВА
Корректоры
Г. Ю. ЖИЛЬЦОВА, Е. И. ЩЕРБАКОВА

ИБ № 10920

Сдано в набор 23.03.89.
Подписано к печати 15.09.89.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1.
Шрифт баскервиль. Печать высокая.
Усл. печ. л. 20,16. Усл. кр.-отт. 20,58.
Уч. изд. л. 20,94. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 1983. Цена 1 р. 20 к.
Орден Трудового Красного Знамени
и Дружбы народов
издательство «Детская литература»
Государственного комитета РСФСР
по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
103720, Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга»
Госкомиздата РСФСР.
127018, Москва,
Суцевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Шекспир У.

Ш41 Трагедии / Пер. с англ.; Вступит. ст. и коммент.
А. Зверева; Худож. М. Верхоланцев.— М.: Дет. лит.,
1989.—381 с.

ISBN 5-08-000980-2

В книгу вошли «Ромео и Джульетта» и «Король Лир» в переводе
Б. Пастернака и «Гамлет» в переводе М. Лозинского.

Ш 4804010300-468
М101(03)-89 483-89

ББК 84.4Вл